

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Н. В. КИПРИЯНОВА Л. А. МОГИЛЬНАЯ

ИСТОРИЯ ВЛАДИМИРСКОГО КРАЯ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Социокультурное развитие

Учебное пособие

Владимир 2024

УДК 94(470.314)
ББК 63.3(2Рос-4Вла)5
К42

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор
зав. кафедрой всеобщей истории, международных отношений
и документоведения Самарского национального
исследовательского университета имени академика С. П. Королева
Ю. Н. Смирнов

Кандидат исторических наук, доцент
доцент кафедры социологии
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
С. А. Ефимова

Издается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Киприянова, Н. В. История Владимирского края XVIII –
К42 первой половины XIX века. Социокультурное развитие : учеб.
пособие / Н. В. Киприянова, Л. А. Могильная ; Владим. гос. ун-т
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2024. –
192 с. – ISBN 978-5-9984-1886-0.

Систематически изложены основные социокультурные события и процессы, протекавшие на территории Владимирского края. Показаны особенности повседневной жизни разных сословий. Большое внимание уделено проведению комплекса церковных реформ и в целом изменению положения Церкви в период становления империи.

Предназначено для студентов высших учебных заведений направления подготовки 46.03.01 – История и всех интересующихся историей Владимирского края.

Рекомендовано для формирования профессиональных компетенций в соответствии с ФГОС ВО.

Библиогр.: 17 назв.

УДК 94(470.314)
ББК 63.3(2Рос-4Вла)5

ISBN 978-5-9984-1886-0

© ВлГУ, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

В 2023 г. было опубликовано пособие «История Владимирского края XVIII – первой половины XIX века. Социально-экономическое и политическое развитие». Представленное издание является продолжением этого исследования, в котором рассматриваются социокультурные процессы данного периода.

Основное внимание уделено трем вопросам: складыванию сословной структуры провинциального общества, развитию образования и изменению положения Русской Православной Церкви на протяжении XVIII – первой половины XIX века. Законодательное оформление сословий привело к формированию особых черт быта и повседневности отдельных страт общества. В то же время рост городов, особенно активно протекавший со второй половины XVIII в., и начавшийся процесс урбанизации способствовали появлению специфической городской культуры. Одним из элементов этой культуры стало развитие образования, имевшего сословные черты.

Значительное влияние на социокультурные процессы оказали церковные реформы, начатые Петром I и продолженные его наследниками: введение Синодального правления и секуляризация земельных владений Церкви. Весь комплекс мероприятий в отношении Церкви на территории Владимирского края показан во второй главе. Реформы изменили положение духовенства, превратив его в одно из служилых сословий российского общества.

В прил. 1 помещена краткая информация о наших выдающихся земляках XVIII – первой половины XIX в.; в прил. 2 приведено следственное дело Евдокии Лопухиной – первой жены Петра I.

Надеемся, что это издание вызовет читательский интерес и будет способствовать изучению истории Владимирского края.

Глава 1. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

1.1. Владимирские дворяне

Первая половина XVIII в. – время кардинальных преобразований российского общества в результате проведенных Петром I реформ. Большие перемены произошли в повседневной жизни русских людей, и прежде всего дворянства, которое можно считать государствообразующим сословием.

Особенностью положения российского дворянина в первой половине XVIII в. был его специфический статус, в соответствии с которым дворянин лишь формально мог считаться помещиком на своей земле. По образному выражению И. Т. Посошкова, *«земля, коя и под ним самим, не ево, но великого государя, а и сам он не свой, но его ж величества»*¹.

Старая служилая организация по принципу «породы» постепенно разрушалась. Пётр I даже переименовал дворянство на иностранный манер – шляхетство. Этот термин в России не прижился, и уже к 1720-м годам стало использоваться русское слово – дворянство. В 1714 г. было законодательно закреплено деление дворян на потомственных и личных. Личное дворянское достоинство давалось за личные заслуги пожизненно, но по наследству не передавалось. Потомственное дворянство – по факту рождения дворянином – передавалось детям по наследству.

Со времени правления Петра I в России стала утверждаться идея общего блага, творцом которого являлось государство. Для достижения «всеобщей пользы» каждый гражданин, каждое сословие должны были выполнять свою определенную задачу и вносить свой

¹ Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937. С. 254.

вклад в процветание общества. Для российского дворянства это была служба – военная, статская, придворная².

Изданная в 1722 г. Табель о рангах открыла доступ в ряды дворянской массы отличившимся по службе представителям недворянских сословий. Лица недворянского происхождения, имевшие должности 14 – 9 классов по Табели о рангах, считались личными дворянами. Чиновники этих категорий полагали себя кандидатами в потомственное дворянство. Списки лиц, претендовавших на получение дворянства за службу, утверждались верховной властью по представлению Сената. Предварительно каждый кандидат проверялся герольдмейстерской конторой. Табель о рангах также узаконила дворянские гербы как отличие «благородства» от «подлости».

Служба требовала определенного образования и выучки, и теперь государство настаивало, чтобы дворянские недоросли обязательно обучались «цыфири и геометрии». «Неучам» запрещалось вступать в брак³.

При Петре I учить детей дома позволялось только тем дворянам, которые могли нанять учителей. Для обучавшихся дома дворянских детей обязательны были явки на смотр по месту проживания в Сенат или к губернаторам и воеводам в 7, 12, 16 и 20 лет для определения на службу. В первую явку детей записывали, в последующие явки определяли, чему надо научиться. В зависимости от того, какие знания показал отрок, ему позволялось или отказывалось в продолжении домашнего образования⁴.

Поименные списки детей, «которые в службы не написаны», отправлялись воеводам, после учреждения губерний – губернаторам. В некоторых смотрах государь лично принимал участие. Подростков

² В имущественном положении дворянство было очень разнородным. Когда в 1696 – 1698 гг. землевладельцам, имевшим 100 и более дворов, царь предписал объединяться в «кумпанства» для постройки кораблей, то оказалось, что таких дворовладельцев в России всего 535 чел. (включая духовных феодалов). Основная масса дворянства принадлежала к среднепоместным (владельцы до 100 дворов) и мелкопоместным (от нескольких дворов до нескольких десятков дворов). – См.: Очерки истории СССР: Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I / под ред. акад. Н. М. Дружинина. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. Т. 7. С. 186 – 187.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее: ПСЗ – I). Т. V. № 2762. С. 78.

⁴ Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века : ист. очерк. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1889. С. 49.

затем распределяли по полкам и школам. Обучение Пётр тоже рассматривал как службу. Отличившихся недорослей отправляли на учебу за границу. Начиная с 1697 г., когда впервые было отправлено в Западную Европу 60 молодых дворян лучших фамилий, эти заграничные путешествия приняли постоянный характер. На первом месте стояло изучение морского дела и кораблестроения.

Так, в 1717 г. в Голландию было отправлено 70 человек⁵, в том числе Иван Деев (имение Деевых в Гороховецком уезде) и Василий Безобразов (имение во Владимирском уезде)⁶.

Более подробные сведения имеются о владимирском дворянине князе Александре Дмитриевиче Волконском⁷. Волконские владели в Суздальском уезде селом Кляземский Городок⁸. В 17 лет князь поступил в Морскую академию, а через год гардемарин А. Волконский был направлен для дальнейшего обучения морским наукам во Францию. Вместе с другими русскими гардемаринами, в том числе с А. Д. Волконским, морским наукам во Франции, Испании, Англии обучался будущий адмирал дипломат И. И. Неплюев. Впоследствии он написал мемуары, благодаря которым мы можем узнать, как проходило обучение морской военной службе: *«...были в Тулоне перво у губернатора. Наших Русских гардемарин в Тулоне было 7 человек: Андрей Иванов сын Полянской, Воин Яковлев сын Римский-Корсаков, Михаил Андреев сын Римский-Корсаков, князь Александра Дмитриев сын Волконский, князь Борис Семенов сын Барятинский, князь Борис Григорьев сын Юсупов, Александра Гаврилов сын Жеребцов. Учатся они в академиях с французскими гардемаринами, которых в этой академии 120 человек, навигации, инженерству, артиллерии.., как корабли строятся, боцманству (то есть оснащать корабли), артикулу солдатскому, танцевать, на шпагах бегать, на лошадях ездить, в школу ходят дважды*

⁵ Список недорослям и школьникам, которые отправлены для наук из Санкт-Петербурга с поручиком Щепотевым // Сборник Императорского русского исторического общества (далее: Сб. РИО.). Вып. 11. СПб., 1873. С. 50 – 51.

⁶ См.: Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке : Опыт исследования по истории экон. быта Моск. Руси. М. : Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1906. С. 468 ; Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII века / подгот. к печати К. В. Сивков. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – С. 49.

⁷ В 1738 – 1740 гг. князь Александр Дмитриевич Волконский исполнял должность Владимирского провинциального воеводы.

⁸ Ныне Клязьминский Городок Ковровского района.

в день; а учат их всему безденежно королевские мастера; а жалованья от королевского величества дается им на месяц по 3 ефимка...»⁹.

В повседневной жизни человека Петровской эпохи всевозможные «государевы смотры» стали обычным делом. Крупные смотры царедворцев и ратных людей проходили в 1703, 1706, 1708, 1715 гг. «Генеральные смотры» Военной коллегии и Сената проводились в 1719 – 1721 гг. По итогам «разборов» для Сената составлялись списки дворян, «годных» к многочисленным службам¹⁰.

Приобретая гражданские чины, правящее сословие получило в свои руки административный аппарат. Происходила постепенная бюрократизация дворянства. Это проявлялось, в частности, в том, что после административно-территориальной реформы 1719 г. ответственные должности воевод в провинциях, земских комиссаров в дистриктах, судей разных инстанций занимали дворяне. Во Владимирской провинции это были С. Ф. Барятинский (воевода), В. И. Кафтырев (воевода), В. И. Суворов (воевода), А. Ф. Борков (обер-комендант), Г. А. Трегубов (судья городского суда) и др.¹¹

Некоторые «чины», появившиеся в ходе реформ, присваивались только «за уряд», т. е. на время службы: «того ради ранг иметь должны, пока они действительно у своего дела обретаются»¹². Это рентмейстеры, президенты в магистратах, ратманы, ассессоры в провинциальных судах, камериры и др. Отдельные должности вообще не вносились в Табель о рангах. Вследствие этого «чиновная мелочь», входившая в штат воеводских канцелярий (Суздальской, Владимирской, Переславль-Залесской, Юрьев-Польской), – канцеляристы, копиисты, писцы – вообще не могли рассчитывать на дворянское «достоинство», во всяком случае без получения необходимого образования и «ранговой» должности.

⁹ Русский архив : Ист.-лит. сб. Изд. при Чертков. б-ке. М. : Типография и К. у Пречистенских ворот, д. Шиловой, 1871. Вып. 1 – 5. С. 612, 613.

¹⁰ Захаров А. В. «Генеральный смотр» дворянства 1721 – 1723 гг.; история организации и результаты // История: факты и символы. 2020. № 4(25). С. 167 – 182.

¹¹ Киприянова Н. В., Могильная Н. В., Борисов Е. А. История Владимирского края XVIII – первой половины XIX века. Социально-экономическое и политическое развитие : учеб. пособие. Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2023. Гл. I.

¹² Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных... // Российское законодательство X – XX веков. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М. : Юрид. лит., 1986. С. 65.

Принадлежность к дворянству давала значительные преимущества: право на владение землей и крестьянами, освобождение от уплаты налогов и несения повинностей, освобождение от телесных наказаний, привилегии в суде. Поэтому государство тщательно следило, чтобы «неблагородные» дворянами себя не называли.

Процедуру получения чинов хорошо иллюстрирует пример товарища воеводы Суздальской провинции титулярного советника Т. И. Болотникова. В марте 1764 г. Т. Болотников подал в Сенат челобитную о пожаловании ему чина коллежского асессора¹³ и определении товарищем воеводы «бессменно». До этого Болотников 20 лет, начиная с солдата, прослужил в гвардейском Преображенском полку, затем в Дворцовой конюшенной канцелярии. В 1759 г. его определили в Суздаль товарищем воеводы. Для обоснования своей просьбы о повышении Болотников представил два аттестата с подписями нескольких десятков (!) местных помещиков. Было приложено также ходатайство епископа Геннадия и архимандритов пяти монастырей. Отдельная челобитная в поддержку Болотникова, подписанная восемью купцами, была представлена из Суздальского провинциального магистрата. Результатом этих усилий стало решение Сената: *«Хотя старее ево Болотникова тово ж чину девять человек есть, однако таких аттестатов, какие он, Болотников, имеет, от них не объявлено, да и представлений о награждении их чинами из тех мест, где они у дел находятся, нет»*¹⁴.

Дворянство стремилось уменьшить свои обязанности и расширить льготы. Реальная возможность изложить государству свои пожелания по изменению законодательства представилась в 1767 г., когда по инициативе Екатерины II начала работать Уложенная комиссия. Дворяне каждого уезда должны были направить в столицу своего депутата, дав ему наказ, где содержались «тягости и изнеможения» местной дворянской корпорации.

¹³ Титулярный советник – должность IX класса, коллежский асессор – VIII класса.

¹⁴Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М. : Наука, 1974. С. 148.

Манифестом от 14 декабря 1766 г. всем дворянам уезда предписывалось приехать в уездный город для выбора уездного предводителя дворянства¹⁵. В дальнейшем все заседания по составлению наказа проходили под его руководством¹⁶.

Следует отметить, что дворяне Муромского уезда сообщили, что «никаких отягощений и нужд» не имеют, а дворяне Юрьев-Польского уезда «по скудоумию нашему» общий наказ решили не представлять¹⁷. Поэтому реально от владимирского дворянства было пять наказов. Имеющиеся указы не содержали принципиальных предложений государственного масштаба, четко укладывались в круг узкосословных интересов. Вследствие бесконечных поземельных споров все указы содержали пожелание ускорить проведение Генерального межевания и разослать по уездам копии с писцовых книг. В четырех указах¹⁸ предлагалось усовершенствовать систему судопроизводства: провинциальное дворянство было не слишком зажиточно, а постоянные поездки в город, судебная волокита, «ябеднические вымыслы» и взяточничество чиновников требовали значительных затрат.

Общим было пожелание расширения прав дворянства в системе местного управления. Для этого в указах предлагалось ввести в состав суда уполномоченных из местных дворян, учредить словесный суд (без делопроизводственной волокиты), разрешить выборным представителям контролировать деятельность полиции, обязательно приглашать выборных из «тутошных дворян» для рассмотрения споров о межах. В указах Владимирского и Переславль-Залесского уездов были высказаны пожелания ввести выборные должности «ландратов» и «товарищей» «из заслуженных людей» и «комиссаров» из «малочинных» дворян. К сожалению, круг обязанностей этих представителей не был

¹⁵ ПСЗ – I. Т. XVII. № 12801.

¹⁶ От Владимирского края в Уложенной комиссии были представлены депутаты: тайный советник, сенатор князь Петр Никитич Трубецкой (Владимирский уезд), отставной лейб-гвардии капитан Иван Петрович Чаадаев (Муромский уезд), коллежский советник и провинциальный воевода граф Андрей Иванович Толстой (Суздальский уезд), действительный тайный советник Никита Федорович Коковинский (Гороховецкий уезд), генерал-майор Алексей Алексеевич Ступишин (Переславль-Залесский уезд), надворный советник Артемий Богданов (Юрьев-Польский уезд), князь Михаил Иванович Оболенский (Шуйский уезд). См.: Сб. РИО. Вып. 4. С. 317, 390 ; Сб. РИО. Вып. 8. С. 459, 494, 510, 531, 549.

¹⁷ Сб. РИО. Вып. 4. С. 318 ; Сб. РИО. Вып. 8. С. 511.

¹⁸ Владимирского, Гороховецкого, Переславль-Залесского, Суздальского уездов.

конкретизирован, лишь подчеркивалось, что избранные должны «наблюдать как дела дворян, так и прочих»¹⁹. Наказы городов Владимира и Шуи предлагали разрешить крестьянам свободно торговать, что позволило бы помещикам увеличить оброк.

Некоторые требования наказов свидетельствуют о становлении дворянского самосознания. Это проявлялось в стремлении отгородиться от других социальных групп, четко определив права и обязанности каждой общественной корпорации. Так, в шуйском наказе выражалось «неудовольствие» тем, что купцы «накупили деревни, яко сущие дворяне, и пользуются не принадлежащими им преимуществами». Более того, некоторые даже «именуют себя дворянами». Купечеству полагалось бы заниматься «распространением коммерции, а не пользоваться дворянским правом владения недвижимых имений» – считало гороховецкое дворянство²⁰. В то же время и дворянам следовало «фабрики иметь запретить» – это купеческое дело. Раздражение дворян вызывала и практика получения дворянского статуса по выслуге. Представитель Муромского уезда И. Чаадаев подал в Уложенную комиссию свое «мнение», где решительно настаивал на том, что дворянским «званием должны награждаться особенныя и важныя заслуги Отечеству, а не обыкновенная военная или статская служба». Столь «легкий способ к достижению дворянского достоинства» нужно прекратить²¹.

Многие пожелания дворянства были учтены Уложенной комиссией. Итогом её работы стала разработка ряда законодательных актов, которые впоследствии легли в основу проведения реформ. «Учреждения для управления губерний» 1775 г. и «Жалованная грамота дворянству» 1785 г. оформили органы местного дворянского самоуправления. Территориальные корпорации дворян составляли «дворянские общества» в губерниях и уездах, «где жительство имеют». Из этих обществ формировались дворянские депутатские собрания. Депутатские собрания были немногочисленными. Так, в 1793 г. на выборы губернского предводителя дворянства во Владимир прибыло 173 чел.²² Примерно

¹⁹ Сб. РИО. Вып. 8. С. 496 – 497.

²⁰ Сб. РИО. Вып. 4. С. 395 ; Сб. РИО. Вып. 8. С. 495.

²¹ Сб. РИО. Вып. 4. С. 153.

²² Из Владимирского уезда – 27 чел., Суздальского – 11, Переславль-Залеского – 14, Муромского – 13, Шуйского – 10, Гороховецкого – 9, Юрьев-Польского – 13, Александровского – 14, Покровского – 12, Киржачского – 10, Вязниковского – 13, Судогодского – 13, Ковровского – 5, Меленковского – 8. См.: Государственный архив Владимирской области (далее: ГАВО). Ф. 15. Оп. 2. Д. 1587. Л. 3.

такое же количество депутатов участвовало и в выборах уездных предводителей дворянства²³. После завершения всех процедур глава губернии докладывал в Сенат о проведенных выборах²⁴.

Губернское собрание избирало губернского предводителя дворянства и губернского секретаря, десять заседателей Верхнего земского суда и двух заседателей Совестного суда. По уездам избирались уездные предводители дворянства, уездные судьи, земские исправники, заседатели уездного суда и дворянские заседатели Нижнего земского суда. Все избранные на должности утверждались губернатором (или генерал-губернатором). Так, в 1796 г. на должность капитана-исправника генерал-губернатор А. И. Заборовский отказался утвердить некоего Тяпкина. Причина не объяснялась, но депутатскому собранию пришлось искать новую кандидатуру²⁵.

Основной задачей губернского депутатского собрания было составление дворянской родословной книги данной губернии. У предводителя были списки дворян, проживавших в губернии. Однако занесение в родословную книгу губернии было возможно только после предоставления и разбора доказательств о принадлежности к дворянству²⁶.

Владимирское дворянство с энтузиазмом встретило создание словесных органов самоуправления. В 1778 г. с образованием Владимирского наместничества первым губернским предводителем дворянства был избран граф Фёдор Алексеевич Апраксин. Он исполнял возложенные на него обязанности до 1787 г. (избирался 3 раза подряд)²⁷. Однако уже к концу XVIII – началу XIX в. дворянство начало постепенно разочаровываться в выборных должностях, отказываясь от должностей «по болезни», «малограмотности» и «бедности». Выборы губернского

²³ Например, в Ковровском уезде в выборах принимало участие 9 чел., в Муромском – 14. См. ГАВО. Ф. 244. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

²⁴ ГАВО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 400. Л. 1.

²⁵ ГАВО. Ф. 244. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.

²⁶ ПСЗ – I. Т. XXII. № 16187. П. 63 – 65, 69.

²⁷ Губернскими предводителями избирались: Новиков Ф. И. (1788 – 1790); Е. Ф. Кудрявцев (1791 – 1793); А. М. Танеев (1794 – 1796); Е. М. Языков (1797); А. А. Кузьмин-Короваев (1797 – 1799; 1800 – 1802); П. П. Кураков (1803 – 1805); П. М. Извольский (1806 – 1808); В. М. Танеев (1809 – 1811); М. П. Волконский (1812 – 1817); П. К. Меркулов (1818 – 1823; 1827 – 1829); А. Б. Голицын (1824 – 1826; 1839 – 1841); А. П. Хметевский (1826; 1829 – 1832; 1842 – 1844); Ф. В. Акинфов (1833 – 1838); С. Н. Богданов (1845 – 1859 – пять сроков подряд). См.: Стромиллов Н. С. Предводители, депутаты и секретари дворянства Владимирской губернии. 1767 – 1887 гг. / сост. и изд.: Н. С. Стромиллов и В. Н. Акинфов. Владимир, 1887. С. 7.

предводителя могли проходить даже в отсутствие кандидата, как произошло, например, с А. М. Танеевым. Кроме того, губернские и уездные предводители дворянства предпочитали жить в своих деревнях, приезжая в город «по сущим каким-либо надобностям». Тот же А. М. Танеев постоянно докладывал депутатскому собранию об отъезде в свои вотчины²⁸.

Между тем должность предводителя дворянства была довольно хлопотной. А. А. Кузьмин-Короваев²⁹ даже подал рапорт губернатору П. С. Руничу с предложением ввести жалованье для губернского предводителя, однако предложение не нашло поддержки³⁰.

О том, как проходили в губернии дворянские выборы, рассказывал в своих воспоминаниях владимирский губернатор И. М. Долгоруков: *«В конце года [1808 – прим. авт.] производились в третий раз при мне выборы дворянские. Я привык смотреть на них, как на самую худую комедию, в которой даже и смешного меньше, нежели подлого. ...Губернский предводитель Извольский не умел привлечь к себе уважения общественного ... Словом, во всяком углу залы происходил шум. Тот вызывал на поединок за белый шар в пользу его соперника, другой выгонял из округа, привязываясь к доказательствам дворянства, иные выкрадывали шары, в другом месте побоями доказывали соседу, что он никуда не годится. ...Мог ли я также молча пропустить выбор стариков лет семидесяти, кои насилу ноги таскали, в предводители, недужных дворян, кои по полугоду не вставали с лежанки своей и на выборы не явились? Обязан ли я был доверять места в службе изведенным пьяницам, людям приличным и судящимся в озорничестве и многим тому подобным забиякам, кои носили дворянские кафтаны потому, что две-три души приписали за себя по сказкам? Я принужден был многих выбранных отвергнуть, требовать на их места других...»*³¹.

²⁸ ГАВО. Ф. 243. Оп. 2. Д. 1.

²⁹ Был предводителем дворянства в 1797 – 1802 гг.

³⁰ О назначении жалованья губернскому и уездным предводителям дворянства // Селиванов А. В. Описание дел архива Владимирского губернского правления. Дела канцелярии Владимирского губернатора XVIII в. Владимир : Типо-Литограф. Владим. правления, 1902. С. 55 – 57.

³¹ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего... СПб. : Наука, 2004. Т. 2. С. 90 – 91.

В соответствии с Жалованной грамотой дворянству «благородное» сословие было разделено на шесть разрядов. Исходя из этого, губернские дворянские родословные книги были разделены на шесть частей. В первую часть следовало записывать тех, кому дворянство было пожаловано, и дворянство с древностью рода менее 100 лет. Во вторую часть – дворян, получивших достоинство по военной службе; в третью – дворянство по гражданской службе; в четвертую – иностранные роды, в пятую – дворянство, «украшенное» титулами (князья, графы, бароны), и в шестую – древние благородные дворянские роды, «доказательства дворянского достоинства которого восходят за 100 лет»³².

Насколько кропотливым было дело составления родословных книг, демонстрирует «Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии». В 80 – 90 гг. XVIII в. в нем было учтено 145 родов, в том числе в 1-й части – 3 рода, во 2-й – 13, в 3-й – 14, в 4-й – 1, в 5-й – 1, в 6-й – 49 (Всего 81 род). Явно преобладало родовитое дворянство. Вероятно, им было проще представить доказательства своего благородного достоинства. Остальные 64 рода были записаны, но по разным причинам на тот момент не утверждены Правительствующим Сенатом. В число «неутвержденных» попали Нарышкины, Пожарские, Шереметевы. Кроме того, было еще 19 родов, которые в родословные книги не могли быть внесены, так как доказательств прав на потомственное дворянство было недостаточно³³.

Всего за период с 1789 по 1862 г. во Владимирской губернии около 440 человек получили дворянство за военную службу; около 380 – за гражданскую и около 200 столбовых дворян доказали древность своего рода более чем за сто лет. Таким образом, несмотря на протесты, легкий способ получения дворянского статуса стал преимущественным. Среди вновь приобретших дворянский титул были и известные промышленники братья Андрей и Иван Баташевы. К середине XIX в. численность потомственных дворян во Владимирской губернии составила 2610 человек, личных дворян – 1139 человек (мужчин и женщин)³⁴.

³² ПСЗ – I. Т. XXII. № 16187. П. 78 – 84. С. 352 – 353.

³³ Трегубов М. И. Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии : Владимир : Тип. Владим. губерн. Правления, 1905. С. 1 – 225, 227 – 247, 248 – 256.

³⁴ Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба [трудами офицеров Генерального штаба]. СПб. : Тип. Деп. Ген. Штаба, 1852. Т. VI. Ч. 2 : Владимирская губерния. С. 142.

Среди владимирского дворянства были потомки титулованных родов – графы Апраксины, Шереметевы, Гагарины, Голицыны, Долгоруковы, Лопухины, Одоевские, Пожарские, Черкасские, Шуйские и др. Были и потомки старинных фамилий: Репнины, Безобразовы, Бутурлины и т. п., а также представители «новой знати», получившие титулы и земельные владения сравнительно недавно: Потемкины, Разумовские и др. Особую группу среди владимирских помещиков составляли дворяне, занимавшие высокое должностное положение при Императорском Дворе и игравшие важную роль в государственном управлении (Воронцовы, Н. А. Зубов, А. А. Прозоровский, А. В. Суворов, Н. И. Салтыков, М. Н. Волконский).

Сын Екатерины Великой Павел I начал борьбу с «дворянской вольницей». Основания для этого были. Павел получил страну с расстроенными финансами, казнокрадством и взяточничеством в армии, халатным отношением к должностным обязанностям. Это отмечалось и иностранцами. Прусский посланник Гребен в 1798 г. в своем рапорте докладывал начальству: *«Обширные и пространные помещения департаментов посещались лишь мышами и крысами. Чиновники, без всякого исключения, проводили дни в еде, попойках и игре, а ночи в самых грязных оргиях. Отсюда происходило взяточничество в обширных размерах... Отсюда же происходили бесчисленные злоупотребления. Вот наименее преувеличенная картина России в момент восшествия на престол Павла I»*³⁵. Павел отменил губернские дворянские собрания и запретил дворянам лично обращаться с просьбами к императору. Некоторые выборные должности переводились на содержание дворянства. На жалованье им следовало собирать с помещичьих крестьян и мастеровых дворянских мануфактур дополнительный налог³⁶. По подсчетам А. А. Кузьмина-Короваева, бывшего в то время губернским предводителем, на душу мужского пола приходилось (дополнительно к подушной подати) «по семнадцати копеек с половиною»³⁷. С 1797 г. для дворян были восстановлены телесные наказания. Придя к власти, император Александр I Павлович вернул дворянам все их привилегии, восстановил Жалованную грамоту дворянству, составление дворянских родословных книг, возродил сословное самоуправление.

³⁵ Буцинский П. П. Отзывы о Павле I его современников. Харьков : [Б.и.], 1901. С. 13 – 14.

³⁶ Советникам и ассессорам Палаты суда и расправы, на содержание уездных и Нижних земских судов, губернским и уездным землемерам, архитекторам.

³⁷ ГАВО. Ф. 244. Оп. 1. Д. 8. Л. 162 об.

Во второй половине XVIII – начале XIX в. дворянство Владимирской губернии по отношению к ее общему населению являлось малочисленной группой (соотношение 1:809), но при этом сосредоточило в своих руках основные земельные богатства и занимало ведущие позиции в административном управлении и особенно культуре³⁸.

1.2. Эволюция дворянской усадьбы

В XVIII – XIX вв. Владимирская губерния была одной из богатейших по количеству крупных дворянских усадеб. Расцвет владимирской усадебной культуры связан со знаменитыми дворянскими родами России, которые построили замечательные по своей архитектуре, художественному убранству и великолепию парков усадьбы. К сожалению, не все они сохранились.

Русская дворянская усадьба являлась одним из главных компонентов культуры второй половины XVIII – первой половины XIX века. У дворян были городские и сельские усадьбы. И в тех и в других в глубине двора находился господский дом. Дом дворянина начала XVIII столетия был именно домом, жилищем. Его устраивали для себя так, как было удобно, а не напоказ. В России традиционно в первую очередь обустроивался двор. Там были хозяйственные постройки (погреба, амбары, сараи), а также огород, сад. Сам дом самостоятельного значения долгое время не имел. Описания «дворянских гнёзд» первой половины XVIII в. довольно однообразны. *«В селе Михалкове двор вотчинников, на том дворе хоромного строения 3 горницы на подклетах, перед ними сени, на сенях чердак... крыто драницами; баня новая с предбаньем, крыта соломою».* *«...[В сельце Лихинках] двор помещиков на дворе хоромного строения: светлица на глухом подклете, против её горница на жилом подклете, промеж ими сени, на сенях чердак...»*³⁹. В данном случае дома, крытые соломой и драницей, в Суздальском и Владимирском уездах принадлежали барону П. П. Шафирову – одному из ведущих дипломатов первой четверти XVIII в., и Ф. В. Безобразову, представителю древнейшего дворянского рода, чьи предки служили великим князьям Московским с XV столетия.

³⁸ Барашев М. А. Культура русской усадьбы второй половины XVIII – начала XIX веков. Очерки : учеб. пособие. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2002. С. 44.

³⁹ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII века. С. 49, 316.

В подобных «хоромах» жилая комната представляла собой «избу», возведенную вторым этажом над нежилым подклетом. В ней имелись относительно большие «красные» окна. Это обычные окна из слюды. В небогатых деревенских дворянских домах «слюдяные окончины» сохранялись до конца XVIII в., так как стекло было дóрого. Потолок для утепления делали земляным насыпным. Обязательно ставилась печь, обычно муравлёная⁴⁰. Изб могло быть несколько, тогда они соединялись сенями. Получался большой дом – «хоромы», где теплые помещения перемежались «летниками». «Сени» отличались от комнат тем, что в них не было печей, а окна прорубались совсем маленькие. Над жилыми комнатами могли быть чердаки, терема, вышки. С фасада в среднем жилом ярусе пристраивались повалушки (комната, выполнявшая роль зала, светлицы). Подобный принцип строительства, когда отдельные комнаты «собирались» – соединялись сенями – позволял по мере надобности беспрепятственно расширять дом. Украшались комнаты гравюрами и непритязательными картинками с изображением «кавалеров» и «дам в чепцах». Такие дома, возводимые без специальных проектов, окруженные многочисленными служебными постройками, были совершенно непрезентабельны⁴¹. В целом жилище мелкого и среднего помещика первой половины XVIII в. почти не отличалось от посадского, а порой и от крестьянского.

Тесные и невзрачные «родовые гнезда» чаще всего пустовали. Известный историк С. А. Корф отмечал, что в первой половине XVIII в. *«дворян в провинции было очень мало; почти все сословие поголовно находилось либо в столицах, либо в войсках на границах государства. В уезде дворяне жили лишь исключением, большей частью отставные старики да самые беднейшие представители этого сословия»*⁴². В своем поместье дворяне проводили время только в короткие интервалы между походами или в редкие отпуска. Реального стимула переустраивать своё

⁴⁰ Муравлёными называли печи, отделанные глазурованными изразцами. Это название изразцы получили из-за покрывавшей их прозрачной глазури, которую называли муравою. Часто эпитет «муравлённый» употребляли в более узком значении – так называли изделия, покрытые зеленой прозрачной глазурью цвета травы-муравы.

⁴¹ Соловьев К. А. «Во вкусе умной старины...» Усадебный быт российского дворянства второй половины XVIII – первой половины XIX вв. по воспоминаниям, письмам и дневникам. Очерки. 2-е изд. М. : Книж. перекресток, 2013. С. 12 – 14.

⁴² Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762 – 1855 годов. СПб., 1906. С. 1.

жильё и свой быт по новым европейским правилам у них не было. Однако новая финансовая обязанность (сбор подушной подати с крестьян) потребовала более длительного присутствия дворянина в своих владениях.

Затем с 1736 г. при императрице Анне Иоанновне один сын из дворянской семьи получал свободу от военной службы для занятия усадебным хозяйством и приведения крестьян «в лучшее состояние»⁴³. Часть дворян стала оседать в деревне. Именно в это время во Владимирской провинции была выстроена одна из ранних дворянских усадеб европейского типа (недалеко от Владимира, в селе Черкутино, в имении Салтыковых). К одноэтажному каменному дому с флигелем от села вела подъездная аллея, проходящая вдоль двух прудов⁴⁴.

Во второй половине XVIII в. в мировоззрении, художественном мироощущении и социокультурных практиках русского дворянина произошли значительные перемены. Дворянство осознало, что «всемирную пользу» можно приносить не только военной или гражданской службой. В качестве сельского жителя – образцового хозяина и просвещенного землевладельца – также можно служить «всемирному благу».

«Манифест о вольности дворянской» 1762 г., позволивший либо продолжать служить, либо выйти в отставку, сохраняя за собой чин, дал возможность дворянам переезжать в деревню и благоустраивать свое жильё. Скоро это благоустройство у состоятельных дворян перешло в роскошь.

Примерно до середины XVIII в. жилой дом возводился в основном из сосны или дуба традиционным способом. Впоследствии состоятельные помещики начали строить большие каменные дома, менее состоятельные просто штукатурили деревянные постройки. Деревянный дом считался более «здоровым», к тому же его было проще протопить зимой дровами.

Усадебный ландшафт Владимирской губернии второй половины XVIII – начала XIX в. формировался под длительным взаимодействием ряда факторов: природных (почва, климат, растительный покров, животный мир) и социально-культурных (политические события, практика наследования земельной собственности, образ жизни, культурные

⁴³ Богословский М. М. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. М. : Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1906. С. 36, 37.

⁴⁴ Дворянские усадьбы Владимирского края. Страницы истории. Владимир : Транзит-ИКС, 2011. С. 239.

обычай и т. п.). Наиболее активное усадебное строительство происходило на землях Владимирского, Суздальского, Юрьев-Польского, Переславль-Залесского уездов. В третьей четверти XVIII в. здесь было возведено несколько крупных усадеб с двухэтажными домами и регулярными парками.

Перечислим наиболее крупные «дворянские гнёзда» Владимирской земли. Живописная усадьба Салтыковых-Колошиных с великолепным храмом в честь Преображения Господня находилась в селе Смольнево (ныне Киржачский район). В селе Карачарово (ныне юго-восточная часть города Муром) находился дворцово-парковый ансамбль усадьбы графов Уваровых «Красная гора»⁴⁵. В селе Жерехово (ныне Собинский район) и в наши дни сохранился крупный усадебный дом, построенный с элементами готического стиля в 1760-е гг., церковь и часть парка князей Всеволожских. Рядом с усадьбой «Жерехово» в селе Фетинино находился архитектурный комплекс XVIII в. усадьбы Зубовых, построенный по проекту итальянского архитектора П. Пунчини. В 90-е годы на средства последнего фаворита Екатерины II Платона Александровича Зубова в имении был построен большой каменный дом. Во второй четверти XIX в. имение принадлежало дочери великого полководца Александра Васильевича Суворова Наталье Александровне. В деревне Лухтоново (ныне Судогодский район) располагалась усадьба дворян Дубенских. Центром усадьбы был двухэтажный дом с мезонином, построенный в первой половине XIX столетия⁴⁶.

Во Владимирской губернии дворянские усадьбы отличались друг от друга своими планировочными композициями и художественными решениями, но в целом развернувшееся обширное усадебное строительство демонстрировало общие представления о роли помещика в деревне. Для нового дома выбиралось открытое место, обычно на вершине холма вблизи реки и желательно в отдалении от деревни. Дворянин и у себя в имении теперь вел светскую жизнь. Поэтому дом (иногда настоящий дворец) становился центром усадьбы, приобретал эстетическую функцию. Изменились и внутренняя структура, и убранство дома. Место горниц и светёлок заняли парадные покои, предназначенные для светской жизни, — зала для танцев и гостиная (она при

⁴⁵ Один из хозяев усадьбы Алексей Сергеевич Уваров стал основателем русской археологии.

⁴⁶ Дворянские усадьбы Владимирского края. С. 64, 128, 191, 226, 245.

необходимости могла исполнять роль парадной столовой). Бал традиционно открывался менуэтом или полонезом. Эти танцы требовали большого пространства, что и диктовало новые архитектурные формы. Парадные помещения находились на первом этаже в фасадной части дома, окна выходили в парк. Из парка или с подъездной дорожки в парадные покои вело парадное крыльцо дома.

Усадьба Воронцовых в селе Андреевское

Помещения для приема гостей значительно отличались от жилых: в них были большие окна и паркетные полы (особая гордость хозяев). Стены обивались шпалерами⁴⁷. Обязатель-

ным элементом парадных комнат стала живопись (роспись «красками на клею», выполненная домашними крепостными художниками, или развешанные по стенам картины).

Одним из примеров богатой усадьбы с дворцом является село Андреевское (ныне Петушинский район). Эти земли с 1740-х гг. перешли во владение Воронцовых. Роман Илларионович (Ларионович) Воронцов – первый владимирский наместник – в конце XVIII в. начал строительство дворцово-паркового ансамбля. Окончательное оформление усадьба получила при его сыне. Александр Романович перестроил господский дом. Трехэтажный каменный дворец был построен в стиле классицизма с боковыми флигелями и парадным фасадом. В андреевском доме было около трех десятков комнат, в том числе приемная, зал, полукруглая гостиная и др. В парадных комнатах с паркетными полами были сделаны дубовые панели, картинок с дамами и кавалерами уже не было. Убранство комнат составляли портреты, бюсты императоров и знаменитых людей, вазы, часы, зеркала. Стены некоторых комнат были обиты «володимирской пестрядью» (видимо, исполнявшей роль шпалер).

В усадебном комплексе Воронцовых историки выделяют пять основных функциональных частей. Первая часть – парадная и жилая.

⁴⁷ Шпалера, или гобелен, – это безворсовый тканый настенный ковёр с сюжетными и орнаментальными композициями.

Вторая – служебно-хозяйственная. Третья являлась социально значимой. Сюда входили школа и богадельня, вотчинная контора, театр. Четвёртая часть включала в себя каменную церковь в честь Андрея Первозванного с родовым кладбищем и дом священника. В церкви и был похоронен граф А. Р. Воронцов. Пятая – садово-парковая часть усадьбы – включала в себя парк, располагавшийся позади дворца, огороды, пруды, цветники, оранжерею⁴⁸.

Другим примером богатой дворянской усадьбы является село Сима в Юрьев-Польском районе. Село Сима с окрестными деревнями было пожаловано Петром I генерал-фельдмаршалу князю Михаилу Михайловичу Голицыну. Младший из пяти сыновей Михаила Михайловича

Усадьба Голицыных в селе Сима

генерал-майор князь Андрей Михайлович Голицын развернул в Симе масштабные строительные работы. Строительство усадьбы было завершено к концу XVIII века. Двухэтажный каменный дом с мезонином выполнен в классическом стиле. На фасаде здания, обращенном к парку, в центре располагался четырехколонный входной портик, над которым находился балкон второго этажа. С южной стороны господский дом был соединен с боковыми флигелями, что создавало замкнутое с трех сторон пространство хозяйственного двора⁴⁹.

Вторым элементом усадеб были хозяйственные постройки, которые тоже значительно изменились. Скотные и конные дворы стали возводиться в виде монументального каре – усадьбы Андреевское,

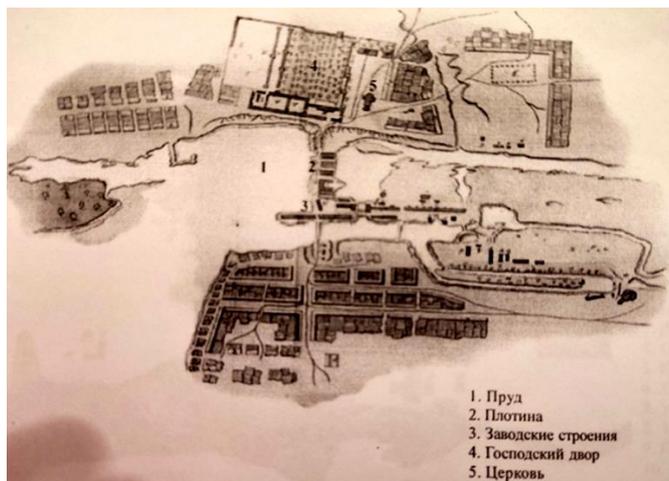
⁴⁸ В Отечественную войну 1812 г. внук Романа Воронцова Михаил Семёнович Воронцов превратил имение в селе Андреевское в госпиталь, в котором находилось до 50 раненых генералов, штаб- и обер-офицеров и более 300 рядовых. См.: Дворянские усадьбы Владимирского края. С. 153, 158 – 159.

⁴⁹ В усадьбе Голицыных неоднократно бывал выдающийся русский полководец князь Петр Иванович Багратион, являвшийся родственником супруги хозяина усадьбы. Здесь же в имении герой Отечественной войны 1812 г. князь Багратион скончался 12 сентября 1812 г. и был погребен в храме Богоявления. В 1839 г. прах П. И. Багратиона был торжественно перенесён на Бородинское поле. См.: Дворянские усадьбы Владимирского края. С. 281, 288.

Снегирёво, Сима (не сохр.). Другим вариантом усадебных хозяйственных строений было здание в виде одно- или двухэтажного прямоугольного блока. Подобный вариант применялся при возведении многочисленных служебных флигелей, конюшен, коровников, амбаров, кузниц и т. п. (Андреевское, Сима, Фетинино и др.)⁵⁰. Всевозможные амбары, житницы, каретные сараи, погреба, пивоварни теперь старались размещать на заднем дворе, подальше от глаз гостей.

Уникальным социокультурным явлением второй половины XVIII – первой половины XIX в. во Владимирской губернии являлся единый усадебно-промышленный комплекс Гусевского завода братьев Ивана и Андрея Баташевых. Гусевский завод включал в себя комплекс заводских строений (домна, молотовая, производственные цеха); господский двор с хозяйственными постройками, контору, заводскую аптеку, зимний сад и оранжерею; гостиницу; здание полиции; церковь; рабочие слободы (дома и хозяйственные постройки мастеровых и работных людей), образующие заводской поселок. Господский двор был окружен кирпичной стеной. Большой господский дом с флигелями был постоянной резиденцией заводовладельца Андрея Баташева и его семейства⁵¹.

Богатые усадьбы типа Андреевского во Владимирской губернии были немногочисленны. Даже в середине XIX в. в провинции помещики строили дома преимущественно из дерева. Например, в Суздальском уезде (относительно зажиточном) известны 73 деревянных господских дома и всего 7 каменных. Типичным барским домом был дом

*Генеральный план Гусевского металлургического завода начала XIX в.
Фото из статьи Г. С. Цыганкина
«Основные структурообразующие
элементы заводской усадьбы
Замосковского горного округа XVIII –
первой половины XIX в.»*

⁵⁰ Барашев М. А. Культура русской усадьбы... С. 51.

⁵¹ Цыганкин Г. С. Основные структурообразующие элементы заводской усадьбы Замосковского горного округа XVIII – первой половины XIX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 1 (29). С. 36 – 37.

Лопухиных в сельце Яксаеве. В 1847 г. «*господский деревянный дом старый одноэтажный*» имел мезонин с двумя балконами. В доме было семь комнат, три печи «израцатых» (отдельно подчеркнута «с железными вьюшками и закрывками»). Никаких особых украшений не было – только выкрашенные полы и роспись на бревенчатом потолке. В селе Черниж, в имении Екатерины Ивановны Кречетниковой, в первой четверти XIX в. в барском доме было девять жилых комнат, полы некрашеные. Дом крыт тесом, окрашен красной краской, имел два подъездных крыльца и балкон⁵².

Помимо барского дома и всевозможных служб обязательными элементами сельской усадьбы были фруктовый сад, оранжерея и регулярный парк.

Садам уделялось особое внимание. Они были и подспорьем в хозяйстве, и создавали приятный вид из окон барского дома, и служили местом прогулок. Многие усадебные сады – Голицыных (Сима), Кузьминых-Короваевых (Ратислово), Баташевых (Гусь-Железный), Воронцовых (Андреевское), Зубовых (Фетинино) и Всеволожских (Жерехово) – были известны далеко за пределами губернии⁵³. О роли сада в усадьбе свидетельствует, например, тот факт, что княгиня Е. Р. Дашкова (Воронцова) сама участвовала в разбивке сада в Андреевском, занималась его посадкой и реконструкцией⁵⁴. А. В. Суворов в одном из писем наставлял своего управляющего: «...*попроси графа Воронцова садовника, чтобы он сад поправил, плодовые деревья подчистил и мастеру нашему Александре показал, как их и впредь подрезать. ...а его садовника воронцовского, по приличеству отблагодарить...*»⁵⁵.

К дому иногда пристраивалась оранжерея. Здесь выращивались экзотические растения, для приобретения которых помещики не жалели средств. У Воронцовых апельсиновые деревья были «черенками привезены из Португалии», у Бехтеевых в Дубках выращивались ананасы, по 250 ананасов отправлялось в Москву из андреевского имения⁵⁶.

⁵² Барашев М. А. Сельские дворянские усадьбы Суздальского уезда первой половины XIX века // Суздальский сборник за 2020 год : сб. науч. ст. Владимир : Транзит-ИКС, 2021. С. 31 – 32.

⁵³ Барашев М. А. Усадебное хозяйство помещиков Владимирской губернии в последней трети XVIII – начале XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 2. Вып. 4. Ч. 1. С. 21.

⁵⁴ Дворянские усадьбы Владимирского края. С. 164.

⁵⁵ Суворов А. В. Письма. М. : Наука, 1986. С.106.

⁵⁶ Дворянские усадьбы Владимирского края. С. 101, 164.

Чисто декоративным элементом усадьбы был регулярный парк. В Дубках парк был разбит в виде звезды. Большой липовый парк был в Симе. В соответствии со вкусами и пожеланиями хозяев в парках ставились беседки и павильоны, устраивались фонтаны, разбивались цветники.

Еще одним элементом усадебного пространства являлась церковь. Большинство помещиков из понимания гражданского долга и из внутренних потребностей старались подновить или украсить церковное здание, а то и построить новый храм вместо обветшавшего.

Так, С. А. Салтыков в своей вотчине в селе Смольнево в 1715 г. построил деревянную церковь, а в 1736 г. граф В. С. Салтыков возвел уже каменный храм в честь Преображения Господня. Владелец села Железово владимирский провинциальный воевода князь Александр Прозоровский построил в начале 30-х годов XVIII в. взамен сгоревшей новую деревянную церковь в честь святых «безсребреников Космы и Дамиана». Позже его сын, князь Александр Александрович Прозоровский, в 1805 г. построил каменную церковь Рождества Христова. В 1772 г. в имении Воронцовых в селе Андреевском рядом с господским домом возвели каменную церковь в честь Андрея Первозванного. Храм освятили в 1799 г., добавив к главному престолу дополнительный – в честь св. мучеников благоверных князей Бориса и Глеба. А. В. Суворов отремонтировал в своей ундольской усадьбе каменный храм в честь Казанской иконы Божией матери, пристроил к нему каменный придел. В селе Дубки было возведено три церкви: каменная Борисоглебская, построенная генерал-поручиком Чернцовым в середине XVIII в.; каменная Успенская, построенная Е. И. Чернцовой в 1768 г.; Троицкая, построенная в 1841 г. П. И. Бехтеевой⁵⁷.

Таких примеров можно привести десятки. В воскресенье и по религиозным праздникам дворянская семья посещала церковь, соблюдала церковные ритуалы и на протяжении всей недели день начинался молитвой и молитвой заканчивался.

1.3. «На лоне сельской тишины»: усадебный быт дворянства

Повседневную жизнь русской дворянской усадьбы можно разделить на хозяйственную и досуговую. Владимирские помещики (как

⁵⁷ Дворянские усадьбы Владимирского края. С. 64, 103, 161.

и вообще в России) значительно различались по уровню воспитания, культурным запросам, художественным пристрастиям, ментальности. Наряду с типичными провинциалами, чьи интересы не выходили за рамки повседневных хозяйственных забот и непритязательных развлечений, в губернии проживали образованнейшие люди своего времени (Воронцовы, Уваровы), хорошо знакомые с европейскими нравами и столичными вкусами.

В отличие от Воронцовых и Голицыных многие очень богатые владимирские помещики – Шереметевы, Долгоруковы, Олсуфьевы, Жеребцовы, Бутурлины, имея дома в столицах, а также имения в других губерниях, во Владимирской губернии не жили. Своими имениями они управляли через приказчиков. Так поступал и граф А. В. Суворов. При отъезде из Ундоло он оставлял распоряжение своему управляющему прапорщику Михаилу Ивановичу Поречневу: «...поручаю Вам управление по дому и ундольскому имению. В людях прошу наблюдать порядок благочиния и благосостояния с пристойностью должного поведения. В не порядках же позволяю наказывать людей. 1. Словесно усовещевать; 2. Сажать на хлеб и воду; 3. В крайности сечь по рассмотрению вины розгами»⁵⁸.

Со времени Петра I дворяне считали службу своей священной обязанностью. Однако по достижении первого офицерского чина как по военной, так и светской линии большей частью выходили в отставку. Если их не выдвигали в институты самоуправления, владимирские помещики селились в своих имениях и занимались хозяйством. Большая часть владимирского дворянства владела поместьями только в своей губернии. Мелкопоместные дворяне обычно находились в своих имениях круглый год, приезжали в город только по домашним надобностям для различных закупок или продажи хлеба на базарах. Большого влияния на развитие общественной жизни в губернии они не имели. Некоторые дворянские семьи переезжали в деревню только на лето, предпочитая проводить зиму в городе. В деревню переносились городские по своей природе привычки и условности.

Значительная часть крупнопоместных и среднепоместных владимирских помещиков зимой переезжали в Москву («высший свет», балы,

⁵⁸ Рыбкин Н. Генералиссимус Суворов : жизнь его в своих вотчинах и хозяйственная деятельность : по вновь открытым источникам за 1783 и 1797 годы и местным преданиям его вотчин. М. : Тип. Ф. Иогансона, 1874. С. 55 – 56, 58 – 60, 62.

театры). Часть дворянских семей зимовала во Владимире. Совершенно особую роль играл Муром. Муромский уезд представлял собой сплошные леса, любимый притон разбойников, которые довольно часто грабили помещичьи усадьбы, поэтому сельская жизнь подвергалась опасности. В связи с этим для многих дворян не только Муромского, но и соседних уездов Муром сделался первым городом после Москвы.

Повседневные заботы провинциального дворянства состояли в управлении и благоустройстве усадеб. Чтобы имение процветало, владельцам следовало постоянно контролировать хозяйственную деятельность. Местные землевладельцы не были просто пассивными земельными рантье. Так, крепостной крестьянин с. Ундол вспоминал, что *«...ранее всех барин⁵⁹ вставал на селе и сам будил мужиков летом на работу. Он дивился всё, что у нас поздно на работу крестьяне выезжают. Нельзя, говорил он, спать мужику, спать мужику долго; поле проспит, покос проспит и все имение потеряет. Ежели барину надо вставать рано, то мужику еще ранее. Коль хочешь жить и хлеб иметь, то работай проворно, заботу имей большую и время береги...»⁶⁰*. Владимирские дворяне активно участвовали в организации мануфактур, строительстве запасных хлебных магазинов, создании и эксплуатации маслобоен, винокуренных заводов, мельниц – всего, что необходимо для сельскохозяйственного производства⁶¹.

Стремясь благоустроить свои усадьбы, дворяне частично «подправляли» ландшафт по своему вкусу. Обычной практикой были посадки небольших рощ, создание живописных прудов⁶².

В быту русской дворянской усадьбы переплетались разные традиции и влияния. Деревенская жизнь была немислима без тесного круга соседей и родственников, поэтому большое значение приобрело

⁵⁹ Имение в с. Ундол А. В. Суворов приобрел у вдовы Т. А. Бутурлиной в марте 1776 г.

⁶⁰ Рыбкин Н. Указ. соч. С. 60.

⁶¹ См.: История Владимирского края XVIII – первой половины XIX века. Социально-экономическое и политическое развитие. С. 66 – 77, 98 – 111.

⁶² А. В. Суворов писал управляющему: *«Не пропусти время в ундольском саду вместо подсохших березок насадить осенью новые, а коли можно, то и елками, а подле частокола метельником, чтобы оный со временем гуще разросся, был красив и пустых мест в нем бы не было. Тако ж аллеи и дороги с куртинами липняком и кленником дополнить и украсить»*. *«Хлебовский пруд исправить непременно... оба берега обсадить деревьями и особливо ивняком. Реченный пруд, как только будет вырыт, то на его дно насеять овса, ржи, свиной трухи, а также и разной речной травы, чтобы окоренилось дно для корма рыбы...»*. См.: Рыбкин Н. Указ. соч. С. 68 ; Суворов А. В. Письма. С. 104.

нанесение визитов соседям и прием гостей. Выезжая на лето в свои имения, дворяне устраивали многодневные пиры с балами, на которые съезжались все окрестные помещики. Дворянский бал занимал важную нишу в системе дворянского досуга. Это развлекательное мероприятие отражало новую европейскую культуру – модные стандарты в одежде, этикете, стиле общения, музыкальные и танцевальные тенденции.

Довольно красноречивое описание одного из таких времяпрепровождений в дворянской усадьбе А. А. Бехтеева в селе Дубки оставил нам владимирский губернатор И. М. Долгоруков. Вспоминая свой визит, князь писал: *«Некто г. Б<ехтеев>, помещик по жене в Покровском уезде и барин тороватый... на праздник свой пригласил нас со многими нашими и московскими жителями. Вообразите всё, что можно роскошнее в деревне, близкой от столицы. Мы ели и пили во весь день сколько душе было угодно. Лакомство не имело пределов, бокалы во время столов бегали из рук в руки... Под вечер водили нас в театр... После того начался бал и продолжался до утра. С гирляндами по всему карнизу перевиты были ананасы. О роскошь! После ужина полетели ракетки, загорелся фейерверк... Загремели пушки, и беспрестанные выстрелы толпили чернь круг дома, и я, всем тем наслаждаясь, шептал про себя: «Хорошо быть губернатором!» В таком великолепном гостеприимстве прожили мы у г. Бехтеева дни три»⁶³.*

Разумеется, подобные приемы могли себе позволить далеко не все помещики⁶⁴.

В 1812 г. в имении Дубки гостил московский художник француз по происхождению Николай Васильевич Лангер. Он написал «Портрет семей Бехтеевых и Лафоржей». Благодаря ему мы имеем уникальную возможность увидеть владимирских помещиков на отдыхе. Эта картина хранится в Третьяковской галерее. Художник Н. В. Лангер оставил нам еще один визуальный источник о жизни в усадьбе Дубки – картину «Знамение». Дело в том, что 28 ноября 1812 г. в селе Дубки наблюдали некое небесное явление. В 9 часов пополудни в небе ясно

⁶³ Долгоруков И. М. Указ. соч. Т. 1. С. 591 – 592.

⁶⁴ Имение Бехтеевых к 1830-м гг. постепенно стало приходить в упадок, неоднократно закладывалось в Московский опекунский совет. Несмотря на все длительные тяжбы, за огромные долги имение было продано в 1848 г. И. Э. Куруте. – См.: Антонов В. А. Село Дубки Владимирской губернии в XVII – первой половине XX в. // Материалы межрегиональной краеведческой конференции (28 апреля 2011 г.). Владимир : Владим. обл. науч. б-ка им. М. Горького, 2012. С. 73 – 74, 77.

было заметно северное сияние, имевшее вид креста. Сияние продолжалось два часа. Очевидцами знамения, оставившими нам свои свидетельства, стали: помещик Алексей Алексеевич Бехтеев, отставной прапорщик Осип Антонович

Знамение 1812 г. Худ. Н. В. Лангер

Лафорж, московский художник, кавалер Николай Васильевич Лангер, титулярные советники Федор Полянский и Иван Миллер⁶⁵.

Для отдельных небогатых помещиков пустота провинции в первой половине XVIII в., невозможность в связи с этим видаться с людьми своего круга, жить общественными интересами оставили значительный след в их психологии. Некоторые свободные от службы и одинокие помещики дичали в своих усадьбах.

Вместе с радушными и гостеприимными русскими дворянами формировался особый тип угрюмого и нелюдимого помещика, ведущего уединенный образ жизни. Такие помещики никуда не выезжали и никого у себя не принимали. «Уединенный дворянин и старинный помещик Макаров

*Портрет семей Бехтеевых и Лафоржей. 1812.
Худ. Н. В. Лангер*

«Уединенный дворянин и старинный помещик Макаров

⁶⁵ Могильная Л. А. Знамение 1812 года в Покровском уезде и художник Николай Васильевич Лангер // Материалы XXVII Межрегиональной краеведческой конференции (г. Владимир, 15 апреля 2022 г.). Владимир ; Ижевск : Владим. обл. науч. б-ка, 2023. С. 84 – 94.

жил в своей деревне, как будто философ, читал книги, пописывал записки на цветных листочках, убирал свою усадьбу...», – вспоминал губернатор И. Долгоруков. Такой тип помещика был погружен исключительно в хозяйственные дела, в интересы и дразги своих крепостных⁶⁶.

Видное место в повседневной жизни владимирских помещиков занимали судебные дела, которые тянулись годами. В первой половине XVIII в. нескончаемым источником тяжб являлась неупорядоченность земельных отношений, беспорядок в документах землевладельцев, а также неясности в законах о наследовании. Документы эти хранились в Вотчинной коллегии в Москве, где также царил большой беспорядок. Например, после образования Владимирской провинции многочисленные незавершённые дела из ландратской канцелярии («об отказе за С. В. Кошкаровым имения в разных уездах», «об отказе за А. М. Ртищевым имения в разных уездах» и др.) были переданы в ведение вновь созданной воеводской канцелярии. Эти дела, начатые ещё в комендантской канцелярии князя А. С. Ухтомского, перешли в ландратскую канцелярию того же князя Ухтомского, а после 1719 г. – в провинциальные канцелярии сначала воеводы В. И. Кафтырева, затем его преемника⁶⁷. Все вышеперечисленные дела длились около десяти лет и более. Ситуация почти не менялась и в дальнейшем. В своих письмах управляющим А. В. Суворов неоднократно упоминал «приказные дела», которые следовало решить. Речь шла «о четырех Мякинских пустошах, что отданы батюшке моему Сенатским указом» и споре с В. А. Трегубовым, предводителем дворянства Суздальского уезда, после покупки с. Ундол⁶⁸. Неслучайно одним из настойчивых требований владимирского дворянства в Уложенную комиссию было упорядочение поземельных отношений, регулирование наследственного права, наведение порядка в судопроизводстве.

На территории Владимирской губернии со времён Петра I квартировали армейские воинские части. Солдаты и офицеры селились на постой у жителей. Помещичьи дома официально освобождались от постоя только Жалованной грамотой дворянству. До этого расквартиро-

⁶⁶ Долгоруков И. М. Указ. соч. Т. 2. С. 149.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 423. Оп. 3. Д. 1–3.

⁶⁸ Суворов В. А. Письма. С. 95, 98, 99, 103 – 104, 540.

вание военнослужащих было частью повседневной жизни. О постоянной повинности сохранилось множество отрицательных отзывов⁶⁹. В повседневной практике солдаты привыкли жить за счет обывателей. На государственном уровне строительства казарм еще не велось, но некоторые дворяне строили помещения для постоя за свой счет. *«Наблюдай, чтобы покойно было жить в казармах, тепло, не ветрено, не душно и не угарно, –наставлял А. В. Суворов своего управляющего в Ундоле, –и чтобы мне моих малых ундольцев избавить, сколько можно, вовсе от постоя»*⁷⁰. У офицеров были другие возможности. Офицеры часто танцевали на балах, участвовали в благотворительных мероприятиях, женились на сёстрах и дочерях владимирских дворян.

Правда, с восшествием на престол Павла I в армии тоже произошли изменения. Один из современников вспоминал: *«Со вступлением на престол Павла образ жизни наш офицерский совершенно переменился. При императрице мы думали только о том, чтобы ездить в театр, в общества, ходили во фраках, а теперь с утра до вечера на полковом дворе и учили нас как всех, как рекрут»*⁷¹.

Но в помещичьих домах офицеры были желанными гостями. Длинные вечера могли проходить в приятной беседе с хозяином дома, игре в карты. А владимирские дамы, став офицерскими жёнами и сопровождая своих мужей в их походной жизни, продолжали поддерживать традиции, привитые им их родителями. Об этом, например, свидетельствует летописец Владимирского драгунского полка: *«В праздничные дни офицеры собирались у эскадронного командира и, если он был женатый, а таких в полку было немного, то обеды отличались особой роскошью, присущей барам того времени. Поскольку большую часть полковых дам составляли дочери богатых помещиков Тверской*

⁶⁹ *«Он распутствует с его женой, бесчестит его дочь... ест его цыплят, его скотину, отнимает у него деньги и бьет непрестанно. <...> Каждый месяц перед выходом из мест квартирования должны собирать крестьян, опрашивать их о претензиях и отбирать у них подписки. <...> Если крестьяне недовольны, то их поят вином, напаивают их, и они подписывают. Если же, несмотря и на все это, они отказываются подписывать, то им угрожают, и они кончают тем, что умолкают и подписывают»*, – описывал поведение солдат на постое в екатерининское время генерал Александр Федорович Ланжерон. См.: Курукин И. В. Как развлекались и чем жили солдаты и офицеры [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/871> (дата обращения: 15.08.2023).

⁷⁰ Суворов А. В. Письма. С. 106.

⁷¹ Буцинский П. М. Указ. соч. С. 16.

и Владимирской губерний, унаследовавших от своих матерей приёмы русского хлебосольства, шампанское лилось рекой»⁷².

Важнейшим занятием для мужчин в имении была охота. Например, в последней четверти XVIII в. для многих владимирских дворян весьма почётно было участвовать в охоте, устраиваемой богатым владимирским помещиком Фёдором Григорьевичем Кариним. Фёдор Карин был младшим сыном Григория Фёдоровича Корина⁷³, владимирского провинциального воеводы (1742 – 1744). Карину принадлежало большое поместье в селе Ильинском Покровского уезда Владимирской губернии⁷⁴, куда он выезжал на охоту. Богатый владимирский помещик имел целый полк нарядных егерей, псарей и стрелков, а также большую стаю гончих и борзых собак. При выездах на охоту во владимирское поместье *«...за Кариним тянулся обоз с винами и со всеми роскошными причудами былого барина. На охоту к нему стекались со всех сторон приятели. Пиршества его на охоте не уступали пирам древних азиатских сатрапов»⁷⁵*. Надо сказать, что сын владимирского воеводы был личностью весьма неординарной. Писатель, публицист, переводчик (среди неизданных – переводы сочинений Вольтера), он дружил с поэтом и драматургом А. П. Сумароковым, баснописцами и поэтами И. И. Хемницером и И. А. Крыловым и другими литераторами. Часто помогал бедным писателям, поэтам, музыкантам и разным творческим людям. Среди отдельно изданных произведений Фёдора Карина было «Слово на открытие Владимирского наместничества» (Москва, 1779)⁷⁶.

Со второй половины XVIII в. высшее общество охватило стремление к любительской игре на фортепиано и вокалу. Этому способствовал расцвет итальянской оперы и развитие танцевальной культуры. В сельских владимирских усадьбах появились крепостные оркестры. Богатые владимирские помещики развлекали пением крепостных своих

⁷² Багратион Д. П. Историческая памятка 38-го Драгунского Владимирского его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича полка. СПб : Типо-лит. Ю. Я. Римана, 1901. С. 122.

⁷³ Фамилия Григория Фёдоровича писалась через «о».

⁷⁴ Усадьба в селе Ильинском принадлежала Ф. Г. Карину в последней четверти XVIII в., а затем перешла по наследству его дочери П. Ф. Каринной, вышедшей замуж за ротмистра Н. М. Авдулина. См.: Чижков А. Б., Графова Е. А. Владимирские усадьбы : каталог с картой расположения усадеб. М. : Русская усадьба, 2015. С. 32.

⁷⁵ Пыляев М. И. Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. СПб., 1891. С. 547.

⁷⁶ Могильная Л. А. Владимирские провинциальные правители. Владимир : Калейдоскоп, 2021. С. 101.

гостей. Такие вокальные и музыкальные коллективы имелись у Н. Н. Названова, графа А. Р. Воронцова. А. В. Суворов, приехав в приобретенное имение Ундол, перевёл туда из своего московского дома хор певчих и музыкантов, которые составили предмет его неустанных забот. Владельцы вокальных коллективов даже устраивали совместные выступления, затем эти концерты оценивались и подвергались критике: *«Помни музыку нашу – вокальный и инструментальный хоры, и чтоб не уронить концертное. А простое пение всегда было дурно, – сокрушался А. В. Суворов, – и больше, кажется, его испортил Бочкин, велиим гласом с кабацкого. Когда они в Москве певали с голицынскими певчими, сие надлежало давно обновить и того единожды держаться»*.

Любимым развлечением русских дворян в XVIII – первой половине XIX в. стал домашний театр. Во Владимирской губернии существовало несколько крепостных театров. Наиболее известным был театр в имении Воронцовых. Граф А. Р. Воронцов сам разрабатывал репертуар. В последней трети XVIII в. существовали крепостные театры в Дубках у помещиков Бехтеевых и в имении Ундол А. В. Суворова. В одном из своих писем к управляющему Качалову Суворов отдал детальные распоряжения относительно своих дворовых артистов, перечисляя их поимённо: *«Васька комиком хорош, а трагиком лучше будет Никита; только должно ему поучиться выражению, что легко по запятым, точкам, двоеточиям, вопросительным и восклицательным знакам»*⁷⁷.

В 20 – 40-х годах XIX в. функционировали крепостные театры богатого меленковского помещика отставного штабс-капитана и предводителя уездного дворянства Н. Н. Названова (Меленковский уезд) и в поместье Екатерины Ивановны Барсуковой в сельце Воробьёве Шуйского уезда. Эти театры можно считать коммерческими, так как труппа Названова давала спектакли во Владимире (в городе еще не было своего театра), а труппа Барсуковой – в Шуе. Судьба этих театров была схожей: в результате аграрного кризиса средств на содержание театров не хватало, а плата за спектакли не покрывала расходы. Со смертью владельцев театры прекратили существование⁷⁸.

⁷⁷ Суворов А. В. Письма. С. 107.

⁷⁸ Богданов Л. Страницы из жизни крепостных театров Владимирского края // Труды Владимирского окружного научного краеведческого общества. Владимир : Изд. Владим. Окр. науч. краевед. о-ва, 1930. С. 44 – 53, 57.

Проникновение европейской культуры в Россию значительно изменило положение женщины-дворянки. Статус женщины медленно начал повышаться еще с петровских ассамблей. Женщины постепенно становились хозяйками бала, приобщались к светской жизни, овладевали правилами этикета, читали книги, учили иностранные языки, осваивали музыку, танцы, искусство беседы.

Со временем появились женские библиотеки, специальные издания для дамского чтения, очень популярные у провинциалок. Некоторые дворянки стали сами приобщаться к литературному творчеству. Так, в Муромском уезде в начале XIX в. проживала писательница, литературный критик (первая женщина в России) княжна Анна Александровна Безнина, урожденная княжна Тюрбесска (сербского, хорватского или молдавского происхождения). Вместе со своей сестрой княжной Елизаветой Александровной она заведовала критикой в «Журнале для милых»⁷⁹. Однако, несмотря на все перемены в жизни, у русской дворянки приоритетом по-прежнему была семья с хорошими добрыми традициями и христианской верой.

Итак, повседневная жизнь русского дворянства в своих усадьбах – это особый культурный феномен. И это не только увеселительное времяпрепровождение: балы, фейерверки, охота, праздные разговоры. Являясь частью важнейшего социального слоя Российской империи, владимирские дворяне занимались хозяйством в своих имениях, поставляя на рынок хлеб и другие товары. Более состоятельные владимирские помещики основывали мануфактуры и тем способствовали развитию промышленности как во Владимирской губернии, так и в России в целом.

1.4. Эволюция города

Большую роль в социокультурном развитии Владимирского края играли города. К началу XVIII в. города сохраняли характерную для средневековья трехчастную пространственную структуру: «город», посад, «градские земли». «Город» (крепость) – небольшое по размерам первоначальное поселение, которое укреплялось валами, рвами, деревянными стенами. Центром укрепленной части являлась соборная

⁷⁹ Голицын Н. Н. Библиографический словарь русских писательниц. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1889. С. 22.

площадь, на которой находилось часто единственное каменное здание – городской собор. Исключением были Гороховец и Шуя, где до XVIII в. городские соборы оставались деревянными⁸⁰. Во Владимире, Суздале, Юрьеве-Польском, Переславле-Залесском в центральной части находились и административные здания – провинциальная канцелярия, съезжая изба, воеводский двор, иногда тюрьма⁸¹. Остальная территория укрепленной части города была плотно застроена дворами служилых людей и духовенства. Правда, в источниках отмечалось, что укрепления к XVIII в. уже разрушились. Так, Суздаль «*был рубленой деревянной, а ныне один земляной вал*». Похожая картина наблюдалась во Владимире, Юрьеве-Польском, Переславле-Залесском, Шуе, Муроме; в Гороховце «городу» вообще не было, «*только слободское строение*»⁸². В центральной части находились и так называемые осадные дворы. Они исполняли роль мини-крепостей и служили во «всполошное» время укрытием от набегов неприятеля, народных восстаний и пр. Так, во владимирской крепости были осадные дворы Суздальского митрополита Игнатия (Смолы), 14 осадных дворов принадлежали различным монастырям, в том числе московским. Почти пятьюдесятью дворами владели служилые люди – окольный Н. И. Акинфов, князя М. А. Черкасский, П. А. Голицын, А. И. Репнин и др.⁸³.

Вторая часть города – посад, сложившийся вокруг укрепленного ядра. Некоторые посады, как например в Суздале и Владимире, могли иметь собственную систему укреплений. Посад разрастался за счет слобод, улицы которых лучами сходились ко входу в крепость. Традиционным центром посада была торговая площадь. Поблизости от нее находились основные общественно-административные здания – губная и таможенная избы, иногда – гостинный двор, ряды лавок.

«Градские земли» полагались каждому городу в соответствии с Соборным уложением. Они располагались вокруг посада и предназначались для сенокосов и выгона скота горожан.

⁸⁰ Во Владимире в крепости находились сразу два собора – Успенский и Дмитриевский, а также Рождественский монастырь.

⁸¹ Найденов Н. А. Переславль-Залесский. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М. 2004. С. 33.

⁸² Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М. : Наука, 1977. С. 317 – 318.

⁸³ Мазур Л. Д. Русский город XI – XVIII вв. Владимирская земля. М. : [Б. и.], 2006. С. 82 ; История, рыцари, замки, средневековые [Электронный ресурс]. URL: <https://m.ok.ru/belknights/topic/66880292716790> (дата обращения: 25.10.2023).

Все, проживавшие в городах, подразделялись на тяглое и нетяглое население. Тяглое – это собственно посадские люди, имевшие в городе торги и промыслы, а также происходившие из посадской среды. Они «тянули» посадское тягло (платили подати и выполняли городские повинности) и на основании Регламента Главного магистрата 1721 г. подразделялись на так называемых регулярных граждан (две гильдии) и «подлых людей». К нетяглому населению относились *«шляхетство, которое в близости от городов деревни и усадьбы свои имеет, а ныне и сами в городах живут домами своими»*, далее – духовенство, иностранцы (иноземцы-купцы), мастера. Эти категории не считались посадскими людьми, не входили в систему посадского самоуправления. Кроме того, в ходе реформ Петра I в городах появились «канцелярии и канторы», а в них *«приказные и другие служители»* (чиновничество), фискалы, *«офицеры, ундер-офицеры, розсыльщики и салдаты»*. Количество чиновников было невелико – от одного (Гороховец) до 34 (Суздаль) человек⁸⁴.

Города Владимирского края относились преимущественно к средним и малым. Так, по переписным книгам первой ревизии во Владимире в подушном окладе было зафиксировано 1095 человек посадских, в том числе 4 члена гостиной сотни; в Муроме – 1292 души мужского пола (в том числе 16 раскольников, положенных в двойной оклад); в Суздале – 1298 душ мужского пола⁸⁵. В Гороховце подушную подать платили всего 605 человек, в Шуе – 484⁸⁶. Занятия посадских людей были традиционными для того времени. Большую часть населения составляли ремесленники (кузнецы, кожевенники, гончары, калашники и др.). Некоторые «имели купечество», т. е. занимались торговлей, многие существовали за счет «чорной» – *«огородной усадебной работы»*. Аграрный облик русских провинциальных городов был рас-

⁸⁴ Кирилов И. К. Указ. соч. С. 317 – 318.

⁸⁵ Указ о переписи горожан появился 16 февраля 1721 г., хотя «скаска» начали составляться уже в 1719 г. См.: Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 1810. Л. 690 – 705 об., Л. 744 – 774; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 1884. Л. 1 – 52.

⁸⁶ По данным второй ревизии 1743 – 1747 гг., количество посадских изменилось незначительно. Во Владимире (вместе с Вязниками) было учтено 2273 души мужского пола, в Суздале – 1636, Муроме – 1492, Переславле-Залесском – 968, Юрьеве-Польском – 717, Гороховце – 675, Шуе – 474. См.: Кизветтер А. А. Посадская община в России XVIII столетия. М.: Университет. тип., 1903. С. 104 – 108.

пространённым явлением вплоть до середины XIX в. Наиболее типичными в этом отношении во Владимирском крае были Суздаль, Муром, Владимир.

Переписные книги свидетельствуют о значительной пестроте и мобильности посадского населения. В 1722 г. для проверки результатов переписи по распоряжению правительства по губерниям были направлены специальные ревизоры для уточнения сведений о горожанах. В Муроме, Владимире, Суздале эту проверку проводил полковник Коробов «с присутствующими господами унтер и оберофицеры»⁸⁷. Одной из постоянных проблем государства было возвращение на посад тягловцев, поэтому в переписных книгах отдельно отмечались «вернувшиеся из бегов». Указывались и причины побегов: «за скудостью сошли», «бродили по миру», «кормилися Христовым именем». Обычно эти возвращенцы не могли вспомнить, «*чьи они были*» или «*ис каких чинов отец их был*». Некоторые посадские люди, несмотря на ограничения в передвижении, переходили в другие города. Так, вышли из Владимира и осели в Москве 44 человека, в Санкт-Петербурге – 11, в «*низовых городах, а в которых – неведомо*», 33 человека.

В соответствии с указом от 20 октября 1723 г. к посадам следовало также приписать всех, живущих «своими дворами», но не входивших ранее в состав посадской общины. В этих разделах писцовых книг зафиксирована исключительно пестрая публика. Например, во владимирский посад были записаны некая семья Вилиных («*полской природы города Вилны*»), не названный по имени «*новокрещеной финской нацы*», крестьяне дворцовые и владельческие, отпущенные холопы, «*ис церковных бобылей*», «*дьячков сын*», «*попов сын*», отставные солдаты со «*свободными паишпортами*» и солдатские дети, дети отставных московских стрельцов. Отдельно выделялись возвращенные посадские люди, ранее переведенные в Санкт-Петербург. Фамилии некоторых посадских людей, учтенных в первой ревизии, известны впоследствии в составе купечества по обывательским книгам конца XVIII – первой половины XIX в. Это Белины, Ермолины, Назаровы, Невзоровы, Шишляковы и другие в Суздале; Денисовы, Столетовы, Сомовы, Гордеевы и

⁸⁷ Киприянова Н. В. Посадские жители г. Мурома (по материалам первой ревизии) // Уваровские чтения – XI: материалы всерос. науч. конф., посвященной столетнему юбилею Муромского ист.-художеств. музея. Муром, 17 – 19 апр. 2019 г. Выкса: ИКСА, 2019. С. 229.

прочие; более 20 фамилий – во Владимире; Мяздриковы, Зворыкины, Суздальцевы и др. – в Муроме⁸⁸.

В первой половине XVIII в. в городах Владимирского края происходили незначительные изменения. Кардинальные перемены в составе жителей, характере землевладения и пространственной структуре городов начались со второй половины столетия. Решающее значение имели генеральное межевание земель, секуляризация владений духовенства, проведение губернской реформы 1775 г. и издание законодательных актов, детально определивших права и обязанности основных сословий государства.

В ходе проведенной Екатериной II секуляризации земельных владений Церкви сократилось количество монастырей, прежде всего в городах и поблизости от городской территории. Так, во Владимире из шести монастырей были упразднены пять, в Суздале из двенадцати – восемь, в Гороховце – два из трёх, в Шуе закрылся единственный монастырь⁸⁹. Ликвидация монастырского землевладения вокруг городов, обращение этих земель в «экономические» (государственные) земли дали возможность городам расширять свои территории, строить по окраинам промышленные предприятия. Внутри городских крепостей Владимирского края осадных дворов больше не стало, вероятно, вследствие отсутствия внешних угроз и расквартирования частей регулярной армии по уездам и городам. Центр общественной жизни городов постепенно перемещался ближе к торговой площади, куда стали выносить и административные здания: в Гороховце – воеводскую канцелярию и городской магистрат, во Владимире – комендантский дом, магистрат, гауптвахту, в Юрьеве-Польском – провинциальный магистрат.

Проведение административно-территориальной реформы во Владимирском крае изменило статус некоторых населенных пунктов и положение их жителей. В 1775 г. государство было разделено на 50 губерний, центрами которых стали губернские города. Губернии делились на 12 – 14 уездов с соответствующими уездными центрами. Были

⁸⁸ См.: Киприянова Н. В. Посадские люди г. Владимира по переписной книге 1722 – 1724 гг. // Мавродинские чтения – 2018. СПб. : Нестор-история, 2018. С. 310 – 313 ; Она же. Посадское население Суздаля по материалам первой ревизии // Суздальский сборник за 2018 год : сб. науч. ст. Владимир : Транзит-ИКС, 2019. С. 30 – 34 ; Чернышёв В. Я. Документы по истории Муромского посада первой четверти XVIII в. Владимир. Изд-во Владим. гос. ун-та, 2011.

⁸⁹ Мазур Л. Д. Указ. соч. С. 45.

еще заштатные города, т. е. не имевшие уездов. В зависимости от положения города в этой иерархии устанавливались размеры городской территории и характер проводимых преобразований.

В 1778 г. была учреждена Владимирская губерния с центром в городе Владимире. Р. И. Воронцов, который занимался устройством Владимирской, Тамбовской и Пензенской губерний, доносил Екатерине II, что для удобства управления вновь образуемой губернии следует дополнительно определить пункты управления уездами. К древним историческим городам (Владимир, Суздаль, Шуя, Муром, Гороховец, Переславль-Залесский, Юрьев-Польский) необходимо добавить новые административные центры. Для этого можно крупным сёлам и слободам присвоить статус города. Основными критериями при образовании новых городов Воронцов считал наличие в селениях постоянных торгов, количество жителей и удобство постройки зданий для уездной администрации⁹⁰. Однако в ходе реформы многие населенные пункты были переведены в ранг города без достаточных экономических оснований, исходя из того, что для большой территории нового уезда требовался административный центр.

«Назначенными» уездными городами в губернии стали Киржач, Судогда, Ковров, Покров, Александров, Вязники и Меленки. Из них только Вязники можно считать реальным экономическим центром (11 полотняных фабрик). Кроме того, в Вязниках, Александрове и Меленках действовали местные торжки и ежегодные ярмарки. Таким образом, весомых экономических предпосылок для перевода указанных селений в разряд города не было. В целом по Владимирской губернии города – древние исторические центры и «назначенные» – были совершенно несопоставимы по своему историческому и экономическому значению. Населявшие их крестьяне на момент проведения реформы были крестьянами не только по социальному статусу, но и по образу жизни, формам хозяйственной деятельности, менталитету. И им еще предстояло осознать своё новое положение, стать горожанами.

В результате проведения губернской и городской реформ город стал самостоятельной административной единицей, отделенной от

⁹⁰ Илизаров С. С. Русский город глазами историков XVIII в. // Русский город : ист.-методол. сб. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 144.

уезда. Изданная в 1785 г. «Грамота на права и выгоды городов Российской империи» декларировала, что *«Города от предков Наших и Нас Самих не токмо для живущих в них, но и для общественного блага основаны суть; ...устройством подают подданным способы к приобретению имуществва посредством торговли, промыслов, рукоделия и ремесла; и для того, городских обывателей средняго рода людей, или мещан отличное состояние да будет наследственно, как следует»*⁹¹.

Таким образом, города определялись «средой обитания» преимущественно купечества, вписанного в гильдии, ремесленников, мещан и посадских, за которыми с конца XVIII в. закрепилось общее название «мещане». Действительно, «Топографическим описанием Владимирской губернии» в 1784 г. зафиксировано преобладающее количество мещан и купечества по городам: от 80,9 % в Переславле-Залесском до 98,3 % в Александрове⁹². Схожая картина наблюдалась по всем городам Владимирского края.

Купечество в соответствии с Жалованной грамотой городам было разделено на три гильдии с четко определенным объемом прав и обязанностей. Источником пополнения купечества являлись разбогатевшие крестьяне и мещане. Количество купцов в городах в конце XVIII в. было невелико: в Судогде всего 30 человек (мужского и женского пола), в Меленках – 99, больше всего в Переславле-Залесском – 2414; всего по городам губернии – 8611 человек⁹³. К середине XIX столетия это количество увеличилось до 9961. Большая часть купцов значительным богатством не отличалась. Так, во Владимире в последней трети XVIII – первой половине XIX в. проживали только купцы 2-й и 3-й гильдий. Купцы 1-й гильдии (две семьи) появились в губернском центре только к середине XIX столетия. Наибольшее количество купцов 1-й гильдии в это время было в Муроме – 15 капиталов⁹⁴.

В состав мещан входили мелкие торговцы, мелкие производители и работающие по найму. Основными промыслами мещан были портняжный, столярный, кирпичный, калачный и т. п. После мещан

⁹¹ Грамота на права и выгоды городам Российской империи. М. : Гор. тип., 1885. С. 17.

⁹² Расчеты выполнены на основе данных: Топографическое описание Владимирской губернии. Генеральная ведомость по всем Владимирского наместничества городам. Ведомость А.

⁹³ См. прил. 3.

⁹⁴ Военно-статистическое обозрение Российской империи... Т. VI. Ч. 2. Табл. № 3.

следующей социальной группой населения владимирских городов были ремесленники – «цеховые». Они, как и мещане, законодательно оформились только в последней трети XVIII в. и были объединены в цехи по специальности. Цеховые на сходе избирали старшину и двух его товарищей, которые представляли их интересы в городской думе.

Метрические книги г. Владимира за 70-е гг. XVIII в. свидетельствуют, что дворян в городе проживало немного. Однако после создания губернии, открытия губернских учреждений дворянам стало необходимо присутствовать в городе и либо строить собственные дома, либо арендовать жилье. В губернском центре находились дома высшей губернской администрации (ассессора палаты уголовного суда А. М. Тарбеева⁹⁵, советника наместнического правления П. Г. Татищева, Владимирского уездного предводителя дворянства А. Г. Безобразова и др.). Кроме того, в городе проживало много личных дворян, не владевших именьями в уездах и находившихся на государственной службе. По данным «Топографического описания Владимирской губернии» в 1784 г. во Владимире числилось 46 помещичьих домов (все деревянные). Здесь проживало 174 представителя благородного сословия обоего пола (всего 3 % городского населения). Еще меньше дворян было в уездных городах⁹⁶.

Увеличение количества дворян в городах губернии заметно с конца XVIII в. Так, в 1794 г. во Владимире зафиксировано 66 дворянских домов, а в 1808 г. – 89⁹⁷. После 1812 г. в связи с войной и оккупацией Москвы французскими войсками во Владимире наблюдался прирост численности дворянства. В 1845 г. здесь уже проживало 797 дворян⁹⁸.

Поскольку в городах, как и в сельских населенных пунктах, располагались на постоянной армейские части, военные в городах стали постоянной категорией населения и представляли достаточно многочисленную социальную группу. Во Владимире в конце XVIII в. проживало

⁹⁵ В январе 1779 г. А. Тарбеев по распоряжению графа Воронцова был направлен в Санкт-Петербург к императорскому двору с сообщением об открытии наместничества. – См.: Арескин А. А. Дворяне на Дворянской // Старая столица: краеведческий альманах. Вып. 17. Владимир, 2023. С. 17, 19.

⁹⁶ В городах Владимирской губернии в 1784 г. проживало следующее количество представителей благородного сословия обоего пола: в Переславле-Залесском – 46, в Юрьеве-Польском – 14, в Покрове – 21, в Шуе – 21, Муроме – 31, Гороховце – 19, Александрове – 13, Судогде – 12, Коврове – 26, в Меленках – 8. См.: Топографическое описание Владимирской губернии. Краткая ведомость. В, Г, И, Д, Е, Ж, З, К, Л, Н.

⁹⁷ Арескин А. А. Указ. соч. С. 16.

⁹⁸ ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6583. Л. 1.

656 военнослужащих⁹⁹. Александровский городничий Гагин в рапорте Владимирскому губернскому правлению сообщал: «...честь имею донести, что учиненной мною выprawке оказалось в городе Александрове всех: жилых обывательских домов – 376, в том числе... занято постоями – 242 дома»¹⁰⁰.

В 1762 г. Екатерина II учредила Комиссию о каменном строении. На следующий год был издан указ «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов, по каждой губернии особо». В 1781 г. были утверждены «регулярные» планы застройки новообразованных и древних городов Владимирской губернии. Новая планировка уездных городов не имела ничего общего с прежней, исторически сложившейся. Предполагалось, что во всех городах будет единая перпендикулярная сеть улиц и переулков. Сохранялось только направление главной улицы. На въездах со стороны соседних городов возводились заставы – каменные столбы, рядом с которыми должна размещаться будка с караульным. За городскую территорию на специально отведенные места выносились кладбища, а также мануфактуры, кузницы, скотобойни, винные и соляные склады. «*Не можно позволить содержателям заводов строить дома и дворы свои вместе с теми заводами в одних кварталах, сколько по тому, что запах от них вреден для здоровья человеческого, сколько опасно и для пожарных случаев...*»¹⁰¹. Поэтому общая площадь городской территории включала в себя и незастроенное пространство, была рассчитана на перспективный рост. Этим воспользовались, например, муромские купцы Д. Зворыкин, В. Зубчанинов и И. Стулов, обратившись к губернатору с просьбой об отводе места для строительства «фабрик». На главной улице располагались две площади – торговая с каменными лавками, поставленными в виде каре, и административная с каменным собором и каменными зданиями «присутственных мест». Этот принцип функционального зонирования соблюдался во всех городах.

Перепланировки в большей степени коснулись новоназначенных городов. В древних исторических городах кардинально изменились только центр, главная улица и торговая площадь. Торговые площади

⁹⁹ Топографическое описание Владимирской губернии... Краткая ведомость о губернском городе Владимире.

¹⁰⁰ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 5128. Лл. 37 – 39.

¹⁰¹ История Муром и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века : учеб. пособие. Муром: [Б. и.], 2001. С. 182.

были значительно увеличены. В Суздале торговая площадь заняла всё пространство древнего острога. В Юрьеве-Польском и Гороховце началось застроить каменными лавками не только торговые площади, но и ведущие к ним улицы. У основных въездов в города предполагалось устроить дополнительные площади *«для торга сена и дров»*¹⁰².

Значительное внимание уделялось застройке губернского города Владимира. По плану в губернской столице выделялся административный центр – старая Соборная площадь. Здесь следовало выстроить каменные «палаты присутственных мест» между Успенским и Дмитриевским соборами. Торговая площадь заняла центральную часть бывшего Нового города и получила прямоугольные очертания в каре каменных лавок.

Заметным явлением в градостроительстве в 30 – 50-е гг. XIX в. являлась реставрация древних городских сооружений. В первую очередь обращалось внимание на памятники, воплощавшие идеи государственности. Особое внимание было уделено храмам и соборам Владимира. В 1830-е гг. были отреставрированы Дмитриевский собор, храм Покрова Богородицы на Нерли, сохранившаяся часть дворцово-храмового комплекса Боголюбова¹⁰³.

Еще в середине XVIII в. городское жилище даже вполне зажиточных граждан было деревянным. В типичной купеческой усадьбе городов Владимирской губернии стояли дома: *«горница белая на подклете... при оной горнице сени привальные, в них клеть холодная. При тех сенях крылец дощатый...»*. Это «хоромное строение» покрывали «лубьем и драньем»¹⁰⁴.

В конце XVIII – начале XIX в. купеческие городские усадьбы продолжали сохранять черты аграрного уклада жизни. Усадьба занимала компактную территорию, обнесенную глухой оградой, которая изолировала жильё и постройки от городского пространства. В глубине двора располагались жилые «хоромы». За ними простирался задний двор, где находились поварня, погреба, мыльня (баня), колодец. К заднему двору часто примыкали огороды и сады (по несколько сотен де-

¹⁰² Мазур Л. Д. Указ. соч. С. 50.

¹⁰³ Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия : социальные и культурные аспекты : монография. М. : РОССПЭН, 2008. С. 67.

¹⁰⁴ ГАВО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 433. Л. 41 – 42.

ревьев). Так, в Муроме было «до 150 обывательских садов с деревьями: яблоневыми, вишневыми, грушевыми, сливовыми и кустарниками: смородины, малины, крыжовника»¹⁰⁵.

Купеческая усадьба сохранила свои основные черты и в начале XIX столетия. Для нее была характерна замкнутость, изолированность от городского пространства, свободная планировка, практицизм и полное равнодушие к художественной стороне дела¹⁰⁶. Только с 30-х гг. XIX в. деревянные дома стали чаще обшивать тесом и покрывать краской. В домах смешанного типа – на высоком каменном полуподвальном этаже (бывшем подклете) с небольшими окнами можно было разместить кухню, лавки, трактиры, разные подсобные помещения.

Дворянские жилища принципиально ничем не отличались от купеческих. Усадьба вице-губернатора князя Дмитрия Михайловича Ухтомского¹⁰⁷ состояла из деревянного дома с дворовым строением и огородом. Дом генерал-губернатора графа Р. Л. Воронцова в Царицыной слободке тоже был деревянным¹⁰⁸. Типичная городская дворянская усадьба почти повторяла сельскую: жилой дом, отдельный флигель для кухни, хозяйственные строения (конюшня, каретный сарай, погреба, людская для дворовых людей – конюха, садовника, стряпухи и т. д.). При доме также находился сад.

*Суздаль. Дом середины XVIII в.
Снимок 1956 г.*

Признавая растущую роль городов и городских жителей, государство стремилось преобразовать город, сделать его более комфортным. Екатерина II предполагала изменить облик городов не только за счёт перепланировки, но и за счёт архитектуры. К подтвержденным планам владимирских городов прилагались чертежи рекомендуемых

¹⁰⁵ Титов А. А. Статистическое обозрение г. Муром. Владимир, 1900. С. 13.

¹⁰⁶ Барашев М. А. Быт и повседневная жизнь русского купечества (конец XVII – начало XX вв.) // История российского предпринимательства. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2001. С. 241 – 248.

¹⁰⁷ Д. М. Ухтомский был первым владимирским вице-губернатором с 1778 г.

¹⁰⁸ В этом доме граф бывал лишь наездами. Его резиденцией оставалось имение Андреевское, куда генерал-губернатор вызывал к себе чиновников с докладами. См.: Арескин А. А. Указ. соч. С. 18.

«образцовых» проектов, с помощью которых строго регламентировались возможные фасады жилых домов¹⁰⁹.

Предполагалось, что в центре города будут располагаться каменные двух- и трехэтажные дома, доступные только зажиточным горожанам: дворянам, купцам, старшим офицерским чинам, чиновникам. Таким образом, проводилась не только архитектурно-пространственная, но и социальная перепланировка города.

Однако строительство каменных домов продвигалось медленно. В Муроме горожане за недостатком средств и по привычке жить в деревянных покоех *«не изъявили желания строить сплошные каменные дома»*. Первоначально возводились смешанные здания – низ каменный, верх деревянный или вообще ограничивались каменным фундаментом¹¹⁰. Только к 1817 г. был возведен муромский гостиный двор из 7 каменных корпусов и было построено 22 каменных дома¹¹¹. Во Владимире «пионером» каменного строительства стал ратман городского магистрата С. Лазарев. К середине XIX в. уже около 30 % купеческих домов были каменными¹¹².

Поскольку в городах преобладало деревянное строительство, частые пожары регулярно уничтожали постройки. Так, в ноябре 1776 г. в Суздале сгорел деревянный гостиный двор: 292 лавки, 30 амбаров (в том числе с казенной солью), 12 обывательских дворов, харчевня, а также пострадал магистрат. На следующий год от пожара спасали Покровский монастырь¹¹³. В 1719 г. страшный пожар прошёлся по Владимиру, значительно пострадал Дмитриевский собор, а в июле 1778 г. Владимир

*Торговые ряды в г. Муроме
Первая четверть XIX в.*

¹⁰⁹ Барашев М. А. Быт и повседневная жизнь русского купечества... С. 241.

¹¹⁰ История Муромы и Муромского края... С. 182.

¹¹¹ Владимирский историко-статистический сборник. Владимир, 1869. С. 29 ; Титов А. А. Статистическое обозрение города Муромы. С. 12 – 13.

¹¹² ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 – 47.

¹¹³ Корнилов А. Ю. Пожарная охрана в Суздале в XVIII – XIX вв. // Суздальский сборник за 2019 год : сб. науч. ст. – Владимир : Транзит-ИКС, 2020. С. 134.

выгорел почти полностью вместе с Ямской слободой¹¹⁴. В пожаре 1848 г. пострадало значительное количество даже каменных купеческих домов на центральной Нижегородской улице¹¹⁵. В двух сильнейших пожарах 1792 и 1805 гг. в Муроме выгорело до 174 домов и 24 промышленных заведения. В результате облик города начал формироваться заново, в частности, стало развиваться каменное строительство. Опустошительные пожары дважды – в 1809 и 1818 гг. – прошли по Александрову (выгорело 114 мещанских и купеческих домов). Многим купцам пришлось записаться в мещанство¹¹⁶. Эти примеры можно продолжать. Во избежание неприятностей «стряпчие избы» (кухни) стали располагать напротив жилых домов. Однако это не всегда помогало.

Государство ещё в середине XVII в. законодательно вводило меры по противодействию пожарам. «Наказ губернаторам и воеводам и их товарищам...» от 1728 г. даже расписывал порядок действий во время пожаров. Пункт 39 «Наказа» повелевал *«в городах и в слободах всем жителям приказать, дабы в пожарное время по расположению с числа людей с дворов своих для унятия от того, бегали без замедления, и как возможно от пожара отымали и тушили, и для того велеть им всегда иметь в готовности кошело, ведры, топоры по рассмотрению... К тому пожару самим Губернаторам, Воеводам и их товарищам и Бурмистрам и другим всякого чина подчиненным Управителям, как скоро возможно, приезжать, и в оное время неоплошно в отнятии оного поступать»*¹¹⁷.

Получалось, что тушение пожара возлагалось на самих обывателей, а «управителям» следовало организовывать этот процесс.

В 1748 г. произошли крупные пожары в ряде городов страны. После этого Сенат распорядился проверять и брать под стражу всех подозрительных и «беспашпортных» и провести проверку имеющихся противопожарных средств. Так, в Суздале при магистрате в наличии оказались крючья, вилы, два топора, войлочные щиты, два полотняных паруса. В противопожарном инвентаре не было «заливной трубы» (ручной помпы), поэтому горящие дома просто растаскивали баграми и вилами и тлеющие брёвна заливали водой из вёдер.

¹¹⁴ Арескин А. А. Указ. соч. С. 16. Ямщики первоначально селились сразу за Золотыми воротами. После пожара Ямская слобода была перенесена за Студёную гору. От города ее отделял шлагбаум с двумя каменными столбами заставы.

¹¹⁵ ГАВО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 24.

¹¹⁶ ГАВО. Ф.40. Оп. 1. Д. 5307. Л. 10.

¹¹⁷ Корнилов А. Ю. Пожарная охрана в Суздале... С. 132.

Как показала практика, купцы и мещане не торопились выполнять распоряжение «бегать без замедления» и являться на пожар со своим инвентарем, да еще и выделять лошадь, которая должна была тянуть телегу с бочкой с водой. Поэтому встал вопрос о содержании лошади (лошадей) при полиции и создании пожарной команды из постоянных наёмных людей. Расходы на содержание пожарной команды раскладывались на всех жителей городов, включая дворянство. В результате в первой трети XIX в. начали создаваться пожарные команды во Владимире, Муроме, Суздале. Нанимались в них преимущественно отставные солдаты и мещане. Вместе с тем сохранялась «ропись» для горожан: кто и с каким инвентарем должен помогать при тушении.

Таким образом, внедрение регулярного типового строительства постепенно придавало облику города новые черты, определенную стандартизацию. Город приобретал стилевое единство, четкую социально-пространственную структуру. Вместе с тем сохранение в городах губернии аграрной экономики, постоянный наплыв в город крестьян, занимавшихся торгово-предпринимательской деятельностью, в значительной степени тормозили становление города капиталистического типа.

1.5. Культурно-общественная среда города

На протяжении XVIII – первой половины XIX в. в России происходили кардинальные изменения, связанные с зарождением и развитием капиталистических отношений. Этот процесс затронул все стороны жизни – экономику, социальную структуру, общественную мысль, искусство, повседневность и пр. Наиболее интенсивно трансформация происходила в городе, где складывался новый культурный потенциал общества. Он включал в себя структуры, формирующие образованный слой социума (различного рода учебные заведения), социокультурные институты и средства, выполняющие роль посредников в передаче получаемых знаний (периодика, издание и продажа книг, библиотеки, музеи, театры)¹¹⁸.

К середине XIX в. во Владимирской губернии сложилась система образовательных и культурно-просветительных учреждений.

Совершенно новым явлением общественно-культурной среды стали библиотеки. Первые библиотеки во Владимире появились в Главном народном училище, позднее – в гимназии и семинарии. Имелись частные книжные собрания в домах владимирских губернаторов

¹¹⁸ Кошман Л. В. Указ. соч. С. 112 – 113.

И. М. Долгорукова и И. Э. Куруты. Также богатой библиотекой обладал действительный статский советник М. С. Бенедиктов. Публичная библиотека во Владимире на средства жителей губернии была открыта 1 января 1834 г. Её разместили на первом этаже в доме Дворянского собрания. Однако просуществовала она недолго. В 1840 г. ее закрыли сначала на ремонт, а в 1855 г. закрыли официально¹¹⁹.

Возникшие в ходе реформ учебные заведения г. Владимира – гимназия и семинария – сразу стали активными участниками культурно-общественной жизни города¹²⁰. В гимназии издавался рукописный журнал «Труды дружеских бесед». Во Владимирской семинарии ученики издавали литературный журнал «Семинарский вестник». Студенты помещали в нем свои произведения (как прозу, так и стихи) и явно находились под воздействием сентиментализма Н. М. Карамзина¹²¹.

Новым явлением общественной жизни стало и открытие в 1797 г. при губернском правлении первой типографии. В основном в ней печатались служебные казенные документы, а в свободное от основных дел время позволялось издавать книги. Появились и книжные лавки – сначала купеческие, затем лавка духовной консистории¹²². Купец А. Парков выписывал несколько популярных журналов («Москвитянин», «Современник», «Библиотека для чтения») и выдавал на месяц эти журналы на дом желающим за плату. Образованные владимирцы оценили нововведение: *«Это была настоящая находка – иметь возможность читать за два рубля в месяц все лучшие русские журналы»*¹²³.

Ещё одно новшество – появление местной прессы. С января 1838 г. во Владимире стала издаваться своя газета «Владимирские Губернские ведомости». Первым редактором ее стал учитель владимирской гимназии В. Богословский. В «Ведомостях» перепечатывались статьи из центральных газет, а также описывались местные события, печатались объявления. В неофициальной части «Ведомостей» иногда публиковались исторические источники.

¹¹⁹ История библиотеки [Электронный ресурс] / Владимирская областная научная библиотека: [официальный сайт]. Владимир, 2018. URL: <https://library.vladimir.ru/category/history-library> (дата обращения: 15.10.2023).

¹²⁰ Формирование образовательной среды Владимирской губернии. См.: Гл. 3 данного пособия.

¹²¹ Малицкий Н. В. История Владимирской духовной семинарии. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1900. Вып. 1. С. 81 – 83.

¹²² ГАВО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 26. Л. 11.

¹²³ ГАВО. Ф. Р – 410. Оп. 1. Д. 569. Л. 1.

В 1838 – 1840 гг. в ссылке во Владимире находился Александр Иванович Герцен, который стал первым редактором неофициальной части владимирской газеты. С именем Герцена связано появление в «Ведомостях» публикаций краеведческого характера. Были опубликованы исторические очерки о городах губернии, статистические данные о крае¹²⁴.

Ярким показателем развития культурного потенциала является развитие литературного творчества. Во Владимирском крае во второй половине XVIII – первой половине XIX в. было много местных прозаиков, поэтов, публицистов. Их имена не пользовались популярностью, но они создавали определённый интеллектуальный фон, способствовали развитию общественной мысли.

Зачинателем провинциальной журналистики в России по праву считается *Панкратий Платонович Сумароков* (1765 – 1814)¹²⁵. Внучатый племянник известного писателя XVIII столетия А. П. Сумарокова, Панкратий Платонович родился 14 октября 1765 г. во Владимире. Принадлежал к старинному дворянскому роду. Один из его предков служил у молодого царя Петра I. П. П. Сумароков получил хорошее домашнее образование, проживая у дальнего родственника в Москве. В совершенстве знал французский и немецкий языки, отлично рисовал, играл на фортепиано, служил в лейб-гвардии конном полку. Однажды юный корнет для забавы срисовал 100-рублевую ассигнацию. Легкомысленный приятель вахмистр Куницкий в сумерках сбыл её в меховой лавке, не уведомив об этом художника. Наутро подделка обнаружилась. П. П. Сумароков предстал перед судом, был лишён дворянства и сослан в Сибирь. 15 лет длилась ссылка, большей частью в Тобольске. Вместе с ним в Тобольске жила его сестра Наталья Сумарокова, прибывшая сюда с разрешения властей.

Тобольск в то время был главным городом громадного наместничества и слыл культурным центром Урала и Сибири. Купец и бумажный «фабрикант» В. Я. Корнильев завёл в Тобольске типографию. Первой книгой, изданной в ней, была повесть «Училище любви», переведённая с французского П. П. Сумароковым. Скоро в Тобольске [с 1789 г. – *авт.*] начал выходить журнал «Иртыш, превращающийся в

¹²⁴ Колобанов В. А. Герцен Александр Иванович // Русские писатели на Владимирской земле. Владимир, 1971. С. 7 – 11.

¹²⁵ Текст о писателях Владимирского края написан Дмитрием Игнатьевичем Копыловым.

Ипокрену». Душой журнала, его редактором и главным сотрудником стал Панкратий Сумароков. «Иртыш» продолжил лучшие традиции сатирических журналов Н. Н. Новикова. Это был первый в Сибири и второй провинциальный журнал в России¹²⁶. П. П. Сумароков опубликовал в нем свои лучшие произведения: «Быль: Приказывал жене...», «Сказка: Искусный лекарь», «Притча: Отстреленная нога», «Ода на Гордость», «Поэма: Лишенный зрения Купидон» и ряд эпиграмм. Сотрудничала в журнале и Наталья Сумарокова, считавшаяся одной из первых в России женщин-журналисток.

Одновременно с «Иртышом» в типографии Корнильева печатался «Журнал исторический, выбранный из разных книг». После того как оба журнала закрылись, П. П. Сумароков начал редактировать новый журнал «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная». С 1795 г. он сотрудничал в столичных журналах. Журналистика стала главным делом его жизни. Вернувшись после ссылки в Москву, П. П. Сумароков завёл свой «Журнал приятного, любопытного и забавного чтения», который, однако, большого успеха у читателей не имел.

Творчество владимирского писателя *Савелия Карловича Ферельцта* (около 1771 – после 1827) испытало сильное влияние идей А. Н. Радищева. Немец по происхождению, Ферельцт ещё в юности приехал в Россию, хорошо усвоил русский язык, долгое время служил домашним учителем в богатых дворянских усадьбах, с 1804 г. – учитель Владимирского главного народного училища, а затем гимназии. Преподавал немецкий и французский языки. В 1806 г. принял русское подданство и приписался к владимирскому дворянству. За ним в Угличском уезде Ярославской губернии состояла д. Мартьяново с 15 душами крепостных крестьян. В 1812 г. принял православие.

С. К. Ферельцт писал на русском языке. Главное и бесспорно принадлежавшее ему произведение – «Путешествие критики, или Письма одного путешественника, описывающего другу своему разные пороки, которых большей частью сам был очевидным свидетелем». Написано оно было в 1810 г., напечатано в 1818 г. в Москве в типографии С. Сельвинского. Его сближает с книгой А. Н. Радищева как антикрепостническая направленность, так и литературный прием: сочинение написано в виде записок путешественника обо всем виденном им в пути.

¹²⁶ Первым провинциальным журналом стал «Уединенный пошехонец», издававшийся в Ярославле с 1786 г.

С. К. Ферельцт начинает свое повествование со спора с авторами сентиментальных романов о сельской жизни: «Не везде миртовые аллеи, не везде резвые ручейки с нежным журчанием пробегают по камешкам; не везде слышно сладкогласное пение соловья. Есть места дикие...», – пишет он. И вот, задав вопрос одному седовласому старцу: «Почему деревня страшится помещика?», – получает ответ: «Страшен, что как задумаешь на него, так волосы дыбом ставятся. Десять лет как мы ему достались в руки, десять лет он гнетёт страшными налогами, сосёт нашу кровь. Работаем день и ночь и все на него, он же последний кусок ото рта отнимает у нас».

В другом месте путешественник встретил крестьян, закованных в кандалы. Помещик, картежник и кутила, проигравшись, продал их на фабрику. А вот помещик, владелец 700 душ, дошел до того, что стал брать деньги «с себя самого за каждый обед и ужин». Свою задачу, как и всех просвещённых людей, автор видел в том, чтобы «без лести и прикрас говорить русскую правду».

«Путешествие» Ферельцта увидело свет с дозволения цензуры. В отличие от «Путешествия» А. Н. Радищева, оно не получило большого общественного резонанса и скоро было забыто. Даже авторство его установили только в советское время, да и судьба Ферельцта была более счастливой, чем у Радищева. Благополучно дослужив до чина коллежского асессора, в 1820 г. он вышел в отставку. В 1821 г. был избран дворянским заседателем Владимирского уездного суда, а три года спустя – заседателем Владимирской палаты гражданского суда.

Современниками С. К. Ферельцта и тоже малоизвестными писателями были Николай Иванович Язвицкий (1782 – после 1819), Александр Ефимович Измайлов (1779 – 1831), Николай Диомидович Оранский (1786 – 1847), Александр Анфимович Орлов (1791 – 1840).

Н. И. Язвицкий – сын дьякона села Омофорова (Язвицы) Покровского уезда. Образование получил во Владимирской семинарии и столичном Педагогическом институте. Преподавал философию и изящные науки в Санкт-Петербургской гимназии и одновременно писал статьи о поэзии, в частности «Рассуждение о словесности вообще», «Механизм или стопосложение российского стихотворчества», сочинял оды («Оды похвальные») и др. Был учителем русского языка императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I. Кончил жизнь печально, в доме умалишенных.

А. Е. Измайлов – уроженец деревни Волченки Вязниковского уезда, впоследствии жил в Петербурге. Литературную деятельность начал как прозаик, выпустил роман «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества» и повесть «Бедная Маша»; затем стал баснописцем и в 1814 г. издал книгу «Басни и сказки». В 1818 – 1826 гг. издавал и редактировал журнал «Благонамеренный» – орган «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств»; находился в дружеских отношениях с Крыловым, Пушкиным и Дельвигом.

Н. Д. Оранский – писатель настолько малоизвестный, что о нем не знали даже библиографы XIX в. Родился в Богоявленском погосте (Мстёра) в семье дьякона. Образование получил сначала в Вязниковском духовном училище, Владимирской семинарии, а затем в Лавровской семинарии Троице-Сергиева посада, где изучал философию, богословие, историю, еврейский и немецкий языки. В 1807 – 1809 гг. преподавал во Владимирской семинарии естественную историю и еврейский язык. В 1810 г. вышел из духовного звания и поступил на гражданскую службу. Служил в канцелярии московского генерал-губернатора князя Д. В. Голицына. Недобрую известность в прогрессивных общественных кругах получил как обер-аудитор, огласивший сентенцию (приговор) по делу Герцена в 1835 г. Одно время состоял чиновником особых поручений при комиссии по постройке храма Христа Спасителя в Москве. Писал поэмы духовного и исторического содержания, стихи и басни, публиковал их под псевдонимом Старожил. Наиболее значительные публикации: поэма в стихах «Песнь русского барда» (1840) по мотивам Смутного времени и «Стихотворения Старожила» (1842).

А. А. Орлов – сын пономаря из села Кучки Александровского уезда. Воспитывался у деда по матери, священника села Махра. Учился в Лавровской (она же Вифанская) семинарии. После сдачи экзамена по французскому языку во Владимирской гимназии поступил в Московский университет на юридический факультет и окончил его в звании кандидата. Написал большое число лубочных романов, поэм, повестей, фельетонов. Среди них поэмы «Дмитрий Донской, или начало Российского величия», «Александр Первый, или поражение двадцати язык. Героическая поэма», роман «Встреча чумы с холерою, или внезапное уничтожение замыслов человеческих», «Непоколебимая дружба чухломских жителей Кручинина и Скудоумова, или Митрофанушка в потомстве. Московская повесть» (в трёх частях) и автобиографическая

повесть «Моя жизнь». О книгах Орлова сочувственно отзывался Пушкин и в специальной статье остроумно защищал писателя от нападок Греча и Булгарина.

Большой вклад в отечественную культуру внёс замечательный библиограф и библиофил *Вукол Михайлович Ундольский* (1815 – 1864). Родился он в семье пономаря села Ундол Владимирского уезда Михаила Панкратьевича Аннинского. Как водилось в духовных семьях, фамилию изменил, образовав её от названия родного села. Образование получил во Владимирской семинарии, а затем в Московской духовной академии, которую окончил в звании кандидата. В 1842 г. вышел из духовного сословия, поступил на службу в Московский главный архив Министерства иностранных дел и с тех пор всецело отдался науке о книге – библиографии. Всю жизнь собирал, изучал и описывал славяно-русские рукописи. Был избран в члены Императорского общества истории и древностей российских. В 1847 г. перешёл в архив Министерства юстиции, где продолжал также бескорыстно служить науке. Мелкий чиновник, он был в то же время крупным учёным, одним из просвещённейших людей своего времени. Жил без семьи, одиноко и бедно, тратя жалованье на приобретение древних рукописей и книг. Собрал ценнейшую библиотеку старопечатных книг и уникальных рукописей, которая после смерти была приобретена Московским Румянцевским музеем (ныне Российская публичная библиотека).

Почти все годы прожил в нашем крае один из первых биографов А. С. Грибоедова писатель *Дмитрий Александрович Смирнов* (1819 – 1866). Родился он в родовом имении Сущево Владимирского уезда. Окончил Владимирскую гимназию и Московский университет. Служил в канцеляриях орловского и калужского губернаторов, участвовал в сенатских ревизиях этих губерний. В 1844 г. вышел в отставку и вернулся во Владимир. Шесть лет служил по дворянским выборам заседателем Владимирской палаты гражданского суда. В 1851 г. ушел со службы и посвятил всю жизнь литературной работе. Собирал материал о жизни и творчестве А. С. Грибоедова, которому доводился дальним родственником. При жизни успел опубликовать часть собранных материалов в журнале «Русское слово»: «А. С. Грибоедов. Черновая тетрадь Грибоедова с письмами и неизданными отрывками». Вторая часть материалов «Биографические известия о Грибоедове» вышла в свет после смерти автора. Много материала сгорело в Сущевском имении во время пожара.

Д. А. Смирнов деятельно участвовал в реализации крестьянской реформы в крае, был в числе мировых посредников первого призыва. Знаток и горячий поклонник идей и творчества своего великого родственника, демократ Д. А. Смирнов ревностно стоял на страже справедливости в спорах помещиков и их бывших крепостных. По материалам, которые доставляла мировая служба, он написал очерки: «Отрывки из записок мирового посредника. История о 1000 рублях и булыжных камнях», «Дворовые люди» и опубликовал их в журнале «Эпоха» под псевдонимом Владимир Нарпенский. В том же журнале, но под своим именем опубликовал очерки «Из старинной бывальщины». Несколько повестей и рассказов из народного быта Д. А. Смирнов поместил в популярном журнале «Русская беседа». Умер в Сущеве 29 января 1866 г.

В 50-х годах XIX в. в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре находился в заточении иеромонах *Иоасаф (Гапонов)*, ставший первым историком Владимирской епархии. Иоасаф окончил Киевскую духовную академию со степенью магистра, преподавал библейскую историю в Петербургской, потом Херсонской и Тверской семинариях. Во Владимир выслан за неподобающее монашескому сану поведение: по Твери ходил в светской одежде, в частных домах ел мясную пищу, иногда ночевал вне стен семинарии, а главное – за предосудительную проповедь. В Суздале учёный монах занялся местной церковной историей. По материалам монастырского архива написал четыре очерка о жизни суздальских святых и чудотворцев. В 1853 г. закончил труд «Церковно-историческое и статистическое описание Владимирской епархии» в двух томах. Но ни очерки, ни двухтомный труд не были опубликованы. В мае 1854 г. епископ Иустин переместил его в Боголюбский монастырь. Здесь иеромонах пользовался большей свободой, продолжал исследовать историю местных церквей и монастырей. Иоасаф Гапонов опубликовал ряд статей во «Владимирских губернских ведомостях». Умер в Боголюбове в 1861 г.

В середине XVIII в. в России начали распространяться идеи Просвещения. Теория просветителей о свободе и равенстве всех людей была слишком радикальной для крепостнического общества России. В среде образованного дворянства сформировалось либерально-консервативное течение. Во Владимирской губернии либеральные идеи отстаивал первый владимирский наместник Р. Воронцов. Он принимал

участие в создании «Вольного экономического общества», отстаивал идею создания в имениях «запасных магазинов» для предотвращения голода в неурожайные годы, критиковал помещиков за жестокое обращение с крестьянами.

В первой четверти XIX в. в общественной среде Владимирской губернии, как и в России в целом, сформировалась идея о том, что общество может существовать без крепостного права.

Изданное в 1818 г. «Путешествие критики...» показывает, что среди владимирских дворян были образованные люди, разделявшие идеи Радищева, Новикова, Вольтера. С Владимирской губернией были связаны некоторые представители декабристского движения. Одни здесь родились, другие состояли в списке дворянских родов Владимирской губернии. Это Николай Васильевич Басаргин, Павел Иванович и Петр Иванович Калошины, Михаил Фотиевич Митьков, Петр Александрович Муханов, Павел Иванович Пестель, Михаил Матвеевич Спиридов, Федор Петрович Шаховской, Дмитрий Александрович Щепин-Ростовский.

Восстание декабристов нашло отклик во Владимирской губернии. В 1827 г. произошли сразу два события, продемонстрировавшие отношение провинциального общества к первому революционному выступлению. В сформировавшемся во Владимире из разночинцев и офицеров литературном кружке Петра Асинина (Осинина) не просто велись беседы о декабристском восстании. Общество ни много ни мало собиралось организовать убийство царя. Нашёлся предатель, и все члены кружка были арестованы. Неизвестно, что с ними стало в дальнейшем. Примерно в это же время в губернском правлении были обнаружены два пакета со стихотворением-одой под названием «Свобода». Подписано произведение было неким «Северным третьим обществом мстителей». Полиции не удалось выяснить, кем были эти мстители¹²⁷.

Судьбы декабристов сложились по-разному. Пятеро участников восстания казнены, остальные осуждены и получили различные наказания. Часть декабристов была приговорена к каторжным работам в Сибири. Владимир, первый губернский город на этом скорбном пути, дал название каторжному тракту – «Владимирка». В XVIII – первой

¹²⁷ Шулус И. И. Повседневная жизнь провинциального города Владимира в последней трети XVIII – первой половине XIX в. : монография. Владимир : Изд-во Владим. гос. ун-та, 2009. С. 141 – 142.

половине XIX в. по этой дороге гнали закованных в кандалы политических ссыльных. Начинался тракт в Москве от Спасских ворот Кремля и шёл по одной из древнейших улиц столицы – Ильинке.

В 1844 г. был издан «Почтовый дорожник Российской империи». В нем отмечалось, что по территории Московской губернии «Владимирка» проходила через Москву, Купавну, Богородск. Затем по Владимирской губернии – Покров, Петушки, Болдино, Воршу, Владимир, Вязники, Гороховец, деревню Золино. По Нижегородской губернии путь пролегал через Горбатово, деревню Доскино, Нижний Новгород. От Владимира дорога имела и второе направление: Судогда – Муром – Казань¹²⁸.

Специальное распоряжение департамента полиции от 21 июля 1826 г. «Об обеспечении безостановочного проезда» предписывало владимирскому губернатору в связи с проездом через губернию государственных преступников – декабристов, направленных в Сибирь, подготовить лошадей и обеспечить порядок на всем пути следования. По «Владимирке» впоследствии ехали в Сибирь и жены декабристов: М. Н. Волконская, А. Г. Муравьева, с которой А. С. Пушкин направил свое знаменитое послание «В Сибирь», А. В. Розен, Е. И. Трубецкая.

Отзвуки события 14 декабря 1825 г. оставили след в эпизоде 1830 г., когда в селах Ковровского, Муромского и Судогодского уездов были найдены «подметные письма». В них содержался призыв к «вольности» и восстанию. *«Лучше умереть с оружием в руках, защищая свою свободу, нежели невинно жить рабами и невольными»*, – говорилось в них. Начались поиски сочинителей. Искали, прежде всего, среди родственников декабристов, среди учителей, чиновников.

Наконец, подозрение в составлении «подметных писем» пало на священника Троицкого девичьего монастыря в Муроме Андрея Степановича Лавровского. Полицейские материалы свидетельствуют, что Лавровский был образован, начитан, слыл «вольнолюбом». После ареста от Лавровского добивались признания о соучастниках составления прокламаций. Несмотря на отсутствие доказательств и прямых улик, А. Лавровского сослали в Соловецкий монастырь для «исправления» и «очищения». Не добившись раскаяния и смирения, в 1840 г. его освободили из заключения. Остаток своей жизни он провел в Муроме под надзором полиции¹²⁹.

¹²⁸ История Муром и Муромского края. С. 174.

¹²⁹ История Муром и Муромского края. С. 174 – 175.

Однако подобные происшествия не оказали серьёзного влияния на жизнь губернии. Власть не информировала население о происходящем. Обыватели, знавшие о подобных событиях, всё это воспринимали как нечто чуждое и не совсем понятное.

1.6. Бытовая повседневность Владимирской губернии

На протяжении XVIII – первой половины XIX в. постепенно изменялась бытовая повседневность – одежда, досуг, убранство жилища и пр. Этот процесс затронул в основном горожан.

Понятие «досуг» в XVIII – XIX вв. разными слоями населения понималось по-разному, было относительным и являлось частью сословной организации всех сфер жизни. Торгово-промышленное городское население четко разграничивало «дело и безделье»; досугом считалось время, не заполненное хозяйственной деятельностью, свободное от обязанностей. В дворянско-чиновничьем кругу под досугом понимались развлечения, «увеселения», «удовольствия»¹³⁰.

Издание указа о «назначении» городов Владимирской губернии не создавало новой культурной общности, а переименование бывших крестьян в мещан не делало население городскими жителями. По менталитету, образу жизни эти «новые горожане» оставались крестьянами, поэтому и формы досуга первоначально были близки крестьянским. Традиционная досуговая «деревенская» культура проявлялась в долговременном сохранении народных гуляний. В городе эти гуляния частично трансформировались в неторопливые прогулки по улицам. В каждом городе у жителей находилось свое любимое место. Обычно это были берега рек, протекавших в черте городов, а также превращенные в бульвары старинные городские валы. Так, владимирцы облюбовали берега Клязьмы, жители Меленок прогуливались по берегам Унжи, а в Гороховце население предпочитало рассматривать даль с высокого холма на окраине города. В Переславле-Залесском купец К. А. Куманин¹³¹ превратил в парк свой сад. Во Владимире на бульваре была установлена беседка для танцев, в Марьиной роще 1 мая начинались гуляния

¹³⁰ Бирюкова А. Б. Досуг и развлечения городского населения Среднего Поволжья в конце XVIII – первой четверти XIX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2022. Т. 4, № 2. С. 6.

¹³¹ К. А. Куманин впоследствии стал московским купцом 1-й гильдии и городским головой древней столицы.

с музыкой и играми, связанные с каникулами семинаристов. Для молодежи это давало возможность знакомства и выбора брачного партнера. Здесь следует отметить, что дворянство в этих мероприятиях «подлого люда» участия не принимало¹³².

Некоторое оживление в размеренную провинциальную жизнь вносили новые формы досуга – музыкальные концерты, театральные постановки, художественные выставки. Музыкальные концерты, проходившие во Владимире в зале Дворянского собрания, стали восприниматься как важное общественное явление. В 1851 г. во Владимире давали концерты известный музыкант Антоний Парис, певица тульского театра Степанова, «на превосходной итальянской скрипке» играл Афанасьев¹³³. Их выступления освещались в местной прессе.

Большой интерес вызывали театральные постановки. Однако до конца 40-х годов XIX в. во Владимире не было общего городского театра. Его открыли в 1848 г. благодаря усилиям приезжего провинциального актера Лаврова при посредничестве жены губернатора Натальи Алексеевны Донауровой. Как о давно ожидаемом событии «Владимирские губернские ведомости» сообщили: «*Прошедшей осенью устроен, наконец, во Владимире постоянный театр*»¹³⁴. Во вновь образованную владимирскую труппу вошли профессиональные актёры Турчанинов, Лавров, Сабуров, Колосова, Соколова. Театральное помещение в 1851 г. по проекту губернского архитектора Никифорова построил на свои деньги купец 3-й гильдии Иван Иванович Барсуков. Театр сыграл важную роль в формировании культурного пространства города. Владимирская публика – все слои общества, а большей частью мещане, средние и мелкие торговцы, ремесленники, приказчики – получила возможность приобщиться к сценическому искусству.

В городах губернии в начале 40-х гг. только в Шуе действовал театр помещицы сельца Воробьёво Е. И. Барсуковой. В Муроме усилиями городского головы театр был построен в 60-е гг. XIX в.

¹³² Киприянова Н. В. Досуг горожан в конце XVIII – первой половине XIX столетия // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых : Серия : Социальные и гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 7.

¹³³ Доброхотов В. Концерт г. Афанасьева // ВГВ. 1850. № 15 (часть неоф.).

¹³⁴ Подробнее о владимирском театре см.: Шулус И. И. Указ. соч. С. 150 – 159.

Принципиально новым явлением в городской досуговой культуре стали государственные праздники (обычно дни рождений и именины членов императорской фамилии). Эти мероприятия также демонстрировали социальную дифференцированность. Несмотря на светский характер события, первым шагом было обязательное церемониальное богослужение. Затем для высшего общества следовал торжественный обед, вечером – бал у губернатора или в здании Дворянского собрания¹³⁵. Простому народу было достаточно обычных гуляний. Существовали и непредвиденные официальные праздники – торжественные встречи проезжающих через город высокопоставленных персон. Структура этих праздников также стандартизировалась: церковная служба, небольшой военный парад, народные гуляния и закрытые развлечения для «элиты». Если у города были средства, вечером ко всеобщей радости устраивался фейерверк¹³⁶.

Визиты членов императорской фамилии – незабываемое событие для всех горожан. «Незабвенным» оставалось и само посещение, и та возвышенно-праздничная атмосфера, которая ему сопутствовала. В 1798 г. во Владимире проездом в Казань останавливался император Павел I. Зная пристрастие императора к военным парадом, администрация губернского города устроила смотр батальона внутренней стражи. Император остался доволен. Еще более довольны были городские обыватели, так как подобные парады случались редко¹³⁷.

В первой половине XIX в. во Владимире побывали Николай I (1834) и цесаревич Александр Николаевич (1837). Современники по пути следования (в Муроме) особенно подчеркивали отношение народа к монаршим персонам. Их появление сопровождалось «радостными восклицаниями», зрители «в восторге целовали одежду императора», выносили «пред царские очи младенцев», муромцы даже встречали императора, стоя на коленях. Государь воспринимался как «любимый Отец среди семейства»¹³⁸. Этот патернализм был вполне искренним. Гороховецкий купец Балуюев сокрушался, что государь проезжал через их

¹³⁵ Официальные мероприятия города // Владимирские губернские ведомости. 1842. № 50. Прибавления. С. 209.

¹³⁶ См.: Долгоруков И. М. Указ. соч. Т. 1. С. 593.

¹³⁷ Ранг М. Рассказ очевидца о посещении императора Павла I города Владимира на Клязьме // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1870. Вып. 8. С. 170 – 175.

¹³⁸ Сидорова М. В., Щербакова Е. И. Высочайшие путешествия : Остановка в Муроме // Уваровские чтения – V : материалы науч. конф., посвящ. 1140-летию г. Муром. Муром, 2003. С. 212 – 216.

город «поутру» и «почивал» и жители не смогли его увидеть, хотя очень ждали¹³⁹.

В корпоративном досуге дворянства особое место занимали балы, имевшие важнейшее социальное значение. Только внешне балы выглядели как банальные танцевальные вечеринки. Фактически они являлись формой общественной организации сословия. Центральным элементом бального ритуала были танцы. Именно они определяли стиль общения в дворянской среде, манеру разговора. Если юный дворянин или дворянка не умели танцевать, им нечего было делать на балу. Следовательно, они не могли «выйти в свет», стать частью дворянского общества. Поэтому детей дворян с детства учили танцевать. Иногда даже устраивались специальные детские балы. И. М. Долгоруков описывал и проходившие во Владимире в Дворянском собрании маскарады.

Домашний досуг дворянства был более приватным. Во время тихих семейных вечеров ослабевали чопорные нормы поведения, в домах звучали шутки, дети могли «поиграть, порезвиться и нас потешить». Частью семейного досуга в среде образованного дворянства была постановка небольших спектаклей не для приглашенных, не для гостей, а для себя, в которых участвовали все члены семьи. Особой формой досуга дворян были салоны – собрания лиц, объединенных общими интересами. Они обычно проходили в частных домах и были своеобразной школой «для начинающих молодых людей». В салонах звучали «шутки остроумные, свободные разговоры и ученые прении»¹⁴⁰.

У купечества и мещанства тоже имелся свой корпоративный досуг, тесно связанный с семьей и религиозными традициями. Порядок мероприятий был традиционным: посещение церковной службы (как приобщение к духовности); общение с родственниками (свидетельство родового единства); чинное гуляние по улице и участие в народных увеселениях (выражение единства социума)¹⁴¹. Современники дружно описывали однотипные картины купеческо-мещанского досуга в разных городах. В Вязниках «в праздничные дни гуляют по улицам, у кого есть лошади – катаются»¹⁴². В губернском центре зимой «народ катался на

¹³⁹ Дневник купца Балуева // Андреев Н. И. Гороховецкая историческая хроника : сб. ист.-краевед. ст. Владимир, 2008. Вып. 3. С. 56.

¹⁴⁰ Долгоруков И. М. Указ. соч. С. 602, 619 – 620, 666.

¹⁴¹ Некрылова А. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: конец XVIII – начало XX в. 3-е изд., доп. и испр. СПб., 2004. С. 15.

¹⁴² Веселовский К. А. Город Вязники: История его, древности и статистика. Владимир, 1871. С. 32.

горах» или в санях, покрытых коврами, в теплое время устанавливались качели¹⁴³. Редким развлечением было выступление бродячего шарманщика или приезд некоего «иностранца» с большим воздушным шаром: «Зрелище сие, совсем новое для жителей губернских, заняло любопытство каждого. Продолжалось оно с час, а толковали об нем неделю»¹⁴⁴.

Элементом досуга в купеческо-мещанской среде была и демонстрация «молодецкой удали». Случались банальные драки с воплями «Бей рыжих!»; несмотря на запрещение Министерства внутренних дел, устраивались кулачные бои. В них принимали участие и семинаристы. Популярными были и другие соревнования в силе, например поднятие на спор тяжестей.

Свои особенности у купечества имел досуг в семейном кругу. Брачного партнера купеческая молодежь чаще всего выбирала на основе торгово-предпринимательских связей главы семейства. Купцы предпочитали искать женихов и невест среди своих деловых партнеров. Вследствие этого наблюдалась значительная «разбросанность» семей по различным населенным пунктам. Поэтому купцы путешествовали в гости «*всем двором опричь хором*».

Помимо чисто домашних, были и «парадные» обеды для широкого круга родственников и знакомых. Здесь требовалось не только гостеприимство, но и соблюдение определенного этикета. Во время обеда велись разговоры, разумеется, о «деле», а также последних новостях, о театре, «о снах и предрассудках». Иногда гости танцевали, играли в фанты, а дети разыгрывали небольшие спектакли. Здесь также присутствовали дипломатические и этикетные нюансы. Приглашение на подобные торжественные обеды означало, что данный человек желателен, он «принят» в дом; неприглашение являлось отказом от знакомства. Званные обеды были местом установления деловых «нужных» отношений, иногда здесь можно было получить полезную для сделки информацию. Подобные мероприятия нельзя считать строго досуговыми. Это, скорее, демонстрация собственного статуса, хотя и завуалированная под досуг.

Домашнее семейное времяпрепровождение в купеческой среде сохраняло черты патриархальности. Постепенно в него вплетались новые элементы. В своем детском дневнике А. Г. Столетов, будущий известный ученый, описал подобные приемы середины XIX в. У них в

¹⁴³ Доброхотов В. О качелях // Владимирские губернские ведомости. 1851. № 16. (неофиц. часть). С. 112, 113.

¹⁴⁴ Долгоруков И. М. Указ. соч. С. 607.

гостях бывали не только лица «своего» круга, но и представители местной интеллигенции (известный в городе врач, инженер, директор и учителя гимназии), а также священнослужители и некоторые дворяне¹⁴⁵. Эти люди имели общие интересы. Их интересовали литературные новинки, история, искусство. По сути, такие приемы были аналогом традиционных дворянских салонов.

В последние десятилетия XVIII в. в России получила распространение светская живопись. В провинции особой популярностью пользовался портрет. Провинциальные художники выполняли заказы преимущественно небогатых дворян и купечества. В это время складывались фамильные коллекции, включавшие портреты членов семьи. В муромском музее сохранилось несколько купеческих портретов первой половины XIX в. Это портрет муромской купчихи Е. Е. Сорокиной-Усовой (1817 г.), написанный неизвестным художником и сразу три портрета представителей одной из самых известных предпринимательских фамилий Муромы Суздальцевых. Иногда на обороте холста приводились сведения о тех, кто изображен на портрете. Так, на обратной стороне портрета Федора Васильевича Суздальцева имеется надпись, сделанная его рукой: «*Сей портрет Федора Васильева Суздальцева писан в Санкт-Петербурге 1835 года Августа дня*»¹⁴⁶. Прекрасный портрет дворянской семьи на отдыхе оставил уже упоминавшийся художник Н. В. Лангер.

Наряду со светской живописью во Владимирской губернии продолжали сохраняться традиционные иконописные промыслы. В селениях Мстёра, Палех, Холуй создавались как «расхожие», предназначенные для продажи иконы не слишком высокого качества, так и высокохудожественные произведения.

Изменения бытовой повседневности проявились и в одежде. «Войну» с традиционным русским костюмом начал Петр I. Указы 1700 г. предписывали «всех чинов людям», кроме духовенства, крестьянства и извозчиков, носить платье «венгерское и немецкое»¹⁴⁷. Новые костюмы, хотя и вызывали большое недовольство, к концу правления

¹⁴⁵ Суслина О. Н. Купеческая семья Столетовых в дневниках детей Александра и Анны // Уваровские чтения – VII: семья в традиционной культуре и современном мире. Владимир, 2011. С. 270, 272, 273.

¹⁴⁶ История Муромы и Муромского края. С. 202 – 204.

¹⁴⁷ ПСЗ – I. Т. IV. № 1887. С. 182 ; №. 1999. С. 272, 273.

Петра I становились элементом повседневности в первую очередь дворянства и чиновничества.

*Портрет Федора
Васильевича Суздальцева*

*Икона Георгий Победоносец
Мстера. Вторая половина
XVIII в. Частная коллекция*

Значительные изменения в русском дворянском костюме произошли только с начала 70-х гг. XVIII в. Модные французские стандарты и английские веяния начали утверждаться при Елизавете Петровне. Западноевропейская мода распространялась за счёт модных журналов и готовых нарядов, которые отдельные богатые дворяне выписывали прямо из Парижа и Лондона. Большинство же помещиков одежду и аксессуары к ней закупали преимущественно в Санкт-Петербурге или в Москве.

После начала губернской реформы Екатерина II издала указ от 9 апреля 1784 г. «О мундирах для Дворян и Губернских чиновников». Владимирскому наместничеству были положены: «*Красный кафтан с таким же воротником и разрезными обшлагами, с 5 по разрезу пуговицами, подбой и камзол палевые, пуговицы белая*»¹⁴⁸. Цвет форменного мундира был позаимствован из герба Владимирской губернии. В таких мундирных платьях дворянам, удостоенным чести быть приглашёнными на императорский бал, полагалось приезжать в столицу. Мужчинам следовало быть в полной парадной форме и в наградах. Для дам также были придуманы мундирные платья по губерниям. Цвет

¹⁴⁸ ПСЗ – I. Т. XXII.С. 90, 93.

платья жены должен был соответствовать цвету мундира мужа. В крайнем случае позволялось «губернский» цвет сохранять на обшлагах

*Мундирное платье
Владимирского наместничества.
1784 г. (ГАВО. Ф. 15. Оп. 2.
Д. 1501. Л. 6.)*

платья. Юбка у таких платьев была атласная, сверху надевалось довольно длинное подобие сюртука из стамеди¹⁴⁹ цвета губернии с оторочкой шелком другого цвета¹⁵⁰.

Одежда рядовых горожан – купечества, мещанства, цеховых – изменялась медленно, особенно в небольших городах. В этот период горожане одевались почти по-крестьянски. Мужской костюм состоял из домотканой рубахи-косоворотки, портов, заправленных в сапоги, кафтана из сермяжного сукна или тулупа, суконной шапки, отороченной дешевым мехом. Женщины носили сарафаны с шугаями¹⁵¹. Сарафаны разных фасонов в Муроме называли «ферязь», в Переславле – «расстегайки», в Суздале – «клинчики». Традиционное женское

платье оценила Екатерина II. В 1767 г., возвращаясь в Москву из путешествия по России, она останавливалась у муромского воеводы и обратила внимание на одежду женщин: «...костюмы русски зрела, для моды бедственной менять их не велела»¹⁵². Зимой женщины носили «долгую» шубу. На ноги надевали нитяные чулки большой длины, которые собирались «в гармошку», и короткие сапожки. Традиционным головным убором долгое время оставались кокошники разных видов. Городской голова Муром А. А. Титов отмечал, насколько уважительно и в первой трети XIX в. хранили «кафтан отца или деда», «сарафан с душегрейкою бабки и матери»¹⁵³. В целом платья, а также прически и бороды приобрели ярко выраженную конфессиональную и сословную окраску.

¹⁴⁹ Стамед (стамедь) – легкая шерстяная ткань.

¹⁵⁰ Пыляев М. И. Указ. соч. С. 72.

¹⁵¹ Шугай – короткая верхняя женская одежда для холодной погоды.

¹⁵² Муром в прошлом и настоящем. Муром : Изд. В. И. Пехова, 1913. С. 22.

¹⁵³ Титов А. А. Указ. соч. С. 29 – 30.

Со временем традиционная крестьянская одежда в городе стала вызывать настолько сильное недоумение, что это нашло отражение в прессе. Появление на улице человека в «*крестьянской рубахе и штанах, подвязанных мешковиной*» в 1837 г. во «Владимирских губернских ведомостях» было названо «неприличным»¹⁵⁴. «Неприличным» в общественном месте мог показаться и тулуп, подпоясанный кушаком¹⁵⁵. Даже традиционный «бабушкин сарафан» отдельные представители купечества стали считать «гнусным». К 40-м гг. XIX в. сложился модернизированный городской костюм, который можно рассматривать как элемент купеческо-мещанской субкультуры.

Новые веяния в моде быстрее воспринимала молодёжь. Купчихи тоже стремились следить за модой. В описях приданого купеческих дочерей стали упоминаться «шляпки» стоимостью до 100 руб. Практичные купцы подобные излишества осуждали¹⁵⁶. Тем не менее к середине XIX в. в купеческой среде стало считаться хорошим тоном, когда среди подарков невесте имелись «шляпка и зонтик»¹⁵⁷.

Развитие «образцового» строительства значительно изменило интерьеры жилищ. В богатых дворянских домах помещения подразделялись на «парадные», «приватные» и «служебные». Их количество и убранство зависели от состоятельности владельца дома. В одном из домов владимирского вице-губернатора А. Дюнанта, например, было 11 комнат. В менее зажиточных домах – до 7 – 8 комнат. В богатых домах обязательно должно было быть обширное помещение для танцев – зал с большими окнами, выходящими в

*Дом вице-губернатора А. Е. Дюнанта
г. Владимир. Первая четверть XIX в.*

¹⁵⁴ Доброхотов В. Г. Дела Владимирского губернского правления, поступившие в архив владимирской ученой архивной комиссии // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1901. Кн. 3. С. 47.

¹⁵⁵ См.: Куприянов А. И. Труд, власть и культурные стереотипы в зеркале конфликта 1840 г. вокруг тулука, подпоясанного кушаком // Города Европейской России конца XV – первой половины XIX в.: материалы междунар. науч. конф. 25 – 28 апр. 2002 г., Тверь – Кашин – Калязин. В 2 ч. Ч. 2. Тверь, 2002. С. 395.

¹⁵⁶ Дневник купца Балугева. С. 44 – 45, 48.

¹⁵⁷ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI. Ч. 2. С. 147.

сторону сада. К залу обычно примыкала гостиная (или гостиные), обставленная диванами, креслами, мягкой мебелью. Появились спальни, детские, кабинеты. Из-за запрета Павла I на ввоз французской мебели начался подъём отечественного производства.

В купеческих домах разделения комнат по функциям долгое время не существовало, так как примерно до 30-х гг. XIX в. преобладали двух-трехкомнатные строения. Во второй трети XIX в. в провинциальных городках появились купеческие двух-трехэтажные особняки. Так, во Владимире известны дома с 17 комнатами, а в доме купца Лазарева их было 83¹⁵⁸. Интерьер купеческих домов не уступал по изысканности и богатству убранства дворянским. Имелись европейские новинки – картины, зеркала, часы. В Муроме до настоящего времени уцелели дома купцов Емельянова, Мяздриковых, Зворыкиных, Суздальцевых и др. В помещениях сохранились лепные карнизы, роспись стен и потолков, изразцовые печи¹⁵⁹.

Несмотря на формирующуюся культурно-общественную среду, чаще вместо библиотек и театров представители торговых сословий сво-

*Мебель из имения Уваровых
из фондов Муромского историко-
художественного музея*

бодное время проводили в питейных заведениях. Пьянство осуждалось обществом, но торговля спиртными напитками была выгодна и неуклонно расширялась. В конце XVIII в. во всей губернии было учтено около 90 питейных заведений. Большой популярностью стали пользоваться герберги¹⁶⁰. Несмотря на немецкое название, это были обычные бревенчатые избы в 3 – 4 окна площадью от 18 до 80 м²¹⁶¹. К 60-м гг. XIX в. только во Владимире количество торговавших водкой заведений

¹⁵⁸ Шулус И. И. Указ. соч. С. 182.

¹⁵⁹ История Мурома и Муромского края. С. 188 – 193.

¹⁶⁰ От немецкого «die Herberge» – постоялый двор. Это были уже не просто кабаки. Здесь могли предоставить постель, стол с кушаньями, чай, кофе, бильярд, табак, виноградные вина. См.: Курукин И. В. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М., 2007. С. 186.

¹⁶¹ Корнилов А. Ю. Питейный дом, кружечный двор, герберг, или о том, где можно было выпить в Суздале в конце XVIII века // Суздальский сборник за 2022 год : сб. науч. ст. Владимир : Транзит-ИКС, 2022. С. 84 – 86.

дошло до 204. Это в городе с населением менее 15 тыс. человек! Склонность купечества и мещанства к разгульной жизни «по трактирам и кабакам» отмечали и современники. Не отставал и фабричный люд: «*беднейший класс после усиленных недельных трудов в праздник способен подкутнуть порядком*»¹⁶². Посещение питейных заведений было характерно для всех категорий горожан (кроме дворянства).

На протяжении конца XVIII – середины XIX в. менялась досуговая практика горожан. Город воспринял гулянья и праздники, характерные для доиндустриального традиционного общества. Однако ряженые на святках, катание с ледяных гор и хороводы «на природе» уже потеряли свой первоначальный смысл, опору на языческое прошлое. Постепенно нарастали светские элементы досуга, когда религиозные традиции торжеств постепенно отходили на второй план. Салоны, карнавалы, фейерверки – новые специфически «мирские» развлечения. Понемногу стиралась и сословная изолированность: домашние спектакли и салоны стали элементом повседневности не только аристократии, но и образованного купечества. В провинциальных городах стали функционировать публичные профессиональные театры. Весь образ жизни становился более открытым.

Вопросы и задания

1. Дайте характеристику административно-хозяйственной деятельности владимирских дворян в усадьбах.
2. Как воспитывали дворянскую молодежь?
3. Что являлось элементами городской культурно-общественной среды?
4. Охарактеризуйте социальный состав населения городов.

¹⁶² Военно-статистическое обозрение Российской империи... Т. 6, Ч. 2. : Владимирская губерния. С. 148.

Глава 2. ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА НА ТЕРРИТОРИИ ВЛАДИМИРСКОГО КРАЯ

2.1. Первый этап петровских преобразований в Церкви

В начале XVIII в. в положении Русской Православной Церкви произошли кардинальные изменения. Это было связано с общей социально-политической ситуацией в стране. Русская Православная Церковь обладала значительным влиянием на общество, имела собственные вооруженные силы, являлась субъектом экономики. Она владела недвижимым имуществом, вела самостоятельную экономическую деятельность. Прочная экономическая база позволяла Церкви чувствовать себя независимой. Даже относительная автономность Церкви была несовместима со становлением абсолютистского государства. Основной целью Петра I было максимальное ограничение самостоятельности, подчинение Церкви государственной власти, создание государственной церковности в России.

Реальные шаги в этом направлении были предприняты в конце XVII в. С 1696 г. царь специальным указом потребовал предоставления в Приказ Большого Дворца¹⁶³ ежегодных отчетов о доходах и расходах монастырей¹⁶⁴. Монастырям запрещалось самостоятельно распределять деньги, возводить новые постройки. Не допускалось основание новых обителей. Особенно жесткий контроль был установлен за поступлением и использованием хлебных запасов. Приходо-расходные книги теперь требовалось отправлять для контроля в Москву.

¹⁶³ Приказ Большого Дворца – правительственный орган, ведавший доходами и расходами государства.

¹⁶⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. СПб. : Тип. 2 отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. IV. № 315. С. 466 – 467 ; Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее: ПСЗ – I). Т. III, № 1629. С. 450 ; № 1664. С. 529 – 530.

Дальнейшие реформы Петра I, часто непоследовательные, можно условно разделить на три этапа: 1701 – 1705, 1705 – 1720, 1721 – 1725. Преобразования касались изменения управления церковными учреждениями, регулирования распределения доходов и положения церковно- и священнослужителей.

Целями церковной политики императора являлись:

1. Установление монахам определенного жалованья вместо прежних малоконтролируемых доходов с недвижимого имущества.

2. Уменьшение штата монастырей для сокращения расходов на их содержание.

3. Изъятие у монастырей права управления и владения их вотчинами.

4. Передача в государственную казну монастырских доходов свыше необходимого для содержания монашествующих минимума.

В октябре 1700 г. умер патриарх Адриан, поддержавший в свое время восшествие Петра I на престол. Царь считал данный момент удобным для начала кардинального реформирования Церкви. Избрания нового патриарха не производилось. По совету приближенных, в первую очередь А. А. Курбатова¹⁶⁵, Петр решил повременить с избранием главы Церкви. Вместо этого 16 декабря 1700 г. вышел указ о назначении «блюстителем и администратором патриаршего престола»¹⁶⁶ митрополита Рязанского и Муромского Стефана Яворского¹⁶⁷. Параллельно началось целенаправленное ослабление позиций Церкви. «Местоблюститель» получил только духовное управление, от хозяйственных дел был отстранен. После ликвидации Патриаршего разрядного приказа суд по «смесным» делам (между мирянами и духовными лицами) был передан соответствующим приказам, т. е. был значительно ограничен объем судебной власти Церкви.

¹⁶⁵ Курбатов Алексей Александрович – бывший крепостной, дворецкий гр. Б. П. Шереметьева. Благодаря ему в России была введена «орленая» (гербовая) бумага для повышения доходов казны. За это он был пожалован в дьяки Оружейной палаты, награжден домом, деревнями и был назначен «прибыльщиком». Стал фактически финансовым советником царя. Курбатов же высказал предложение пересмотреть и описать все монастырские и архиерейские вотчины с целью контроля церковных доходов.

¹⁶⁶ Должность местоблюстителя не была изобретением Петра I. В период между патриаршествами (после смерти патриарха и до избрания нового) царским указом всегда назначался местоблюститель.

¹⁶⁷ ПСЗ – I. Т. IV. № 1818. С. 88. – Стефан Яворский, недавний выходец из Малороссии, не имел серьезных связей в русской церковной среде, и царь надеялся на его поддержку. Однако, как показали последующие события, он не стал безусловным союзником Петра I при проведении церковной реформы.

В январе 1701 г. был восстановлен Монастырский приказ¹⁶⁸ – чисто государственное учреждение с широкими полномочиями. Главой восстановленного органа был назначен бывший астраханский воевода боярин И. А. Мусин-Пушкин. Ему предписывалось «*сидеть на патриаршем дворе в палатах и писать Монастырским приказом*»¹⁶⁹. Приказу давались финансово-хозяйственные функции. Ему было предоставлено право полного контроля всех экономических дел церковных учреждений, произведения «всяких сборов» с населения церковных имений.

Учреждение Монастырского приказа стало началом кардинальной церковной реформы.

Приказ делился на отделы – повытья, которые возглавляли «старые подьячие». Каждый отдел имел название по имени своего подьячего и ведал определенным количеством дворов. На момент образования приказа в 1701 г. было создано 16 повытий. Архиерейские и монастырские владения Владимирского края оказались в ведении Ивана Баутина (Суздальская епархия¹⁷⁰, 7330 крестьянских дворов), Ивана Яковлева (Владимирский Рождественский монастырь и ряд территорий Патриаршей области), а также Григория Очакова (переславские монастыри)¹⁷¹.

В условиях Северной войны государство было заинтересовано в максимальном увеличении доходов, поэтому основной функцией приказа стал перевод церковных денежных средств в государственную казну. Свою деятельность приказ начал с отправки в архиерейские дома и монастыри государственных чиновников – стольников, дворян, приказных людей как представителей нового органа власти на местах. Они должны были собирать доходы с церковных вотчин.

¹⁶⁸ Монастырский приказ как орган государственного управления церковными делами был создан в 1649 г. и упразднен в 1677 г. Его функции перешли в Приказ Большого Дворца, а различного рода финансовые вопросы переданы в Новую четверть.

¹⁶⁹ ПСЗ – 1. Т. IV. № 1829. С. 133.

¹⁷⁰ Епархия – в православной церкви – территориальная единица (церковно-административный округ) во главе с епископом (архиереем). Владимиро-Суздальская епархия была выделена из Ростовской в 1214 г. Самостоятельная Суздальская епархия возникла, вероятно, в 1374 г. Епархии до конца XVIII в. не имели четко установленных границ и часто переименовывались. См.: Православная энциклопедия. Русская православная церковь / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М. : Православ. энцикл., 2000. С. 232.

¹⁷¹ Горчаков М. (*свящ.*). Монастырский приказ. (1649 – 1725 гг.): Опыт историко-юридического исследования. СПб. : Тип. А. Граншеля, 1868. С. 131 – 132.

Следующим мероприятием правительства по ограничению самостоятельности Церкви стала передача церковной собственности под контроль государства. Указ от 30 декабря 1701 г. предписывал передать управление недвижимым имуществом патриаршего и архиерейских домов и монастырей Монастырскому приказу, а монастырям «*вотчинами и никакими угодьями не владеть*»¹⁷². Фактически это означало секуляризацию. Это был самый серьезный удар по экономической деятельности Церкви. Управлять конфискованным имуществом должны были «*присланные из приказа ведомцы*». Это были случайные, обычно временные люди, которым давалась только одна инструкция: «доправить» или «собрать». От управления были отстранены даже «посельские старцы» – низшее административное звено из монахов.

Можно отметить, что все прежнее духовное руководство, начиная с местоблюстителя в центре, архиереев и настоятелей монастырей на местах и посельских старцев непосредственно в вотчинах, было полностью заменено новой государственной системой из светских лиц: Монастырский приказ – стольники – приказчики. Все другие центральные и местные государственные учреждения вмешиваться в дела церковного ведомства не имели права.

Приказу вменялось в обязанность «без промедления» составить сводную ведомость земельных владений Церкви по всей стране и проделать огромную работу по учету всего церковного имущества. Учет проводился параллельно – со стороны светских властей и со стороны Церкви.

Патриаршему дому, всем архиерейским домам, монастырям, церквям было предписано составить подробные описи своей собственности. С другой стороны, государство разослало во все регионы «*царедворцев из людей добрых*»¹⁷³ – специальных агентов, которые на местах должны были в самые короткие сроки сравнить имеющиеся описи с тем, что было в наличии. В присутствии церковных властей при необходимости составлялись новые описания, которые стали своеобразным актом передачи церковного имущества под контроль Монастырского приказа. По мнению властей, в первой четверти XVIII в. в ведении Церкви находилось около 20 % всего крестьянства в государстве¹⁷⁴.

¹⁷² ПСЗ – I. Т. IV. № 1886. С. 181.

¹⁷³ Горчаков М. (*свящ.*). Указ. соч. С. 136.

¹⁷⁴ Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I / под ред. Б. Б. Кафенгауза. М., 1954. С. 372.

Таким образом, с самого начала проведения церковной реформы был намечен конкретный план преобразований и определены конкретные методы претворения ее в жизнь. Основным итогом 1701 г. – передача управления духовными вотчинами и их населением в руки государственного светского учреждения – Монастырского приказа. Приказ получил право сбора с церковных владений всех вотчинных доходов, из которых часть отправлялась на содержание монастырей, а другая поступала в распоряжение казны.

Реализация положений реформы началась сразу после принятия законов. На территории Владимирского края первое известное описание церковного имущества было произведено в начале 1701 г. Именным указом царя от 25 января 1701 г. буквально на следующий день после распоряжения о восстановлении Монастырского приказа был назначен «*владычный приказной Иван Васильев сын Белосельский*»¹⁷⁵, который начал описание Суздальской соборной церкви и архиерейского дома. Такое стремительное назначение на должность подтверждает, что государство торопилось с учетом церковного имущества. В апреле 1701 г. также по царской грамоте в качестве правительственного агента в Суздаль был направлен стольник Иван Миронов Кологривов. Ему предстояло описать имущество и вотчины мужских и женских монастырей в Суздале и уезде¹⁷⁶. Помимо Суздальского уезда в его подчинении находилось духовенство и монастырские крестьяне Владимирского, Юрьев-Польского, Шуйского и Лухского уездов. С августа 1703 г. И. Кологривова сменил Гаврила Андреевич Суворов¹⁷⁷.

Какой-либо четко сформулированной программы описаний не было. Переписчики должны были представить подробную информацию обо всем, что относилось к церковным учреждениям: каменная или деревянная ограда у монастыря, имеется ли «воинский наряд» (ружья, пушки, порох), сколько церковных зданий, какие имеются иконы и церковная утварь. Учету подлежали книги, одежда в ризнице, денежная казна, посуда, документы на право владения вотчинами (жалованные грамоты, выписи из писцовых и межевых книг), хозяйственные

¹⁷⁵ Давыдов М. И. Переписные книги Суздальской соборной церкви и архиерейского дома 1701 г. // Вестник церковной истории. 2022. № 1/2 (65/66). С. 176, 248.

¹⁷⁶ Описание актов собрания графа А. С. Уварова: Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1905. Отд. II. С. 148 – 149.

¹⁷⁷ Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М. : Наука, 1977. 327 с.

и жилые помещения, запасы хлеба, скота. Производился учет всех насельников¹⁷⁸ – монахов, слуг и служебников, мастеровых людей. Требовалось подробно описать все села и деревни, отметить монастырские житницы и скотные дворы, по именам перечислить жителей крестьянских и бобыльских дворов.

Переписные книги Суздальского архиерейского дома и кафедрального Богородице-Рождественского собора демонстрируют, с какой тщательностью верховная власть выясняла экономическое положение Церкви. В соответствии с инструкцией были отмечены «полаты и ограды каменные» на архиерейском дворе. В соборной церкви подробнейшим образом были описаны все предметы. *«Царские двери, а на них образы Благовещения Пресвятыя Богородицы и Архангела Гавриила...», «на левой стороне северные двери...»; «образ Вознесения Господня, венцы серебряные гладкие золочены, поля обложены медью, позолочены сусальным золотом», «да в олтаре за престолом крест большой...», «камень сердолик», «восемьдесят шесть камней бирюз...», «десять пицалей...», «полпуда пороху...». Тщательно зафиксированы жалованные грамоты Ивана IV, Федора Ивановича, Михаила Федоровича и других на села, пустоши, рыбные угодья. Учитывали также «на конюшне лошадей», овчины, сани, сковородки, «стоканы», «ковшички маленькие» и пр. Были учтены и казенные деньги «налицо восьмьсот рублей в мешках за казенною печатью... Да казначей явил после описи зборных денег триста рублей, и те деньги запечатаны ж»¹⁷⁹.*

Отдельно в соответствии с царским указом были выделены приход и расход «всякому хлебу» за несколько лет: *«1872 четверти с осьминою и с полуосминою ржи... 45 четвертей с осьминою и с четвертиком грешневой крупы. 72 четверти гороху» и т. д. Далее следовало поименное перечисление митрополичьих дворовых и работников («в доме ж архиерейском монахов, и приказных, и детей боярских, и всякого чина людей»).*

Сразу после составления описей произошло сокращение в штатах архиерейских домов. Архиерейских бояр, детей боярских брали в военную службу. В переписных книгах Суздальского архиерейского дома отмечено: *«Михайло Александров взят в салдаты. Поместной земли за ним две выти... Никифор Оборин, у него сын Иван, взят за него в салдаты»¹⁸⁰.*

¹⁷⁸ Насельник — это монах и/или послушник (шире – любой житель), постоянно живущий или числящийся как проживающий при монастыре и подчиняющийся его уставу.

¹⁷⁹ Давыдов М. И. Указ соч. С. 203.

¹⁸⁰ Давыдов М. И. Указ соч. С. 180 – 228, 243.

Аналогичные описания сохранились и по другим монастырям¹⁸¹. Монастыри стремились утаить от государства хотя бы часть сво-

Архимандрит и иеромонах в мантиях

его имущества. В ходе описаний в отдельных случаях происходило изъятие денег из архиерейской или монастырской казны. Так, из Никитского монастыря в Переславле-Залесском было взято 1070 руб. «утаенной денежной казны» – деньги, которые монастырские власти пытались скрыть от переписчика. В Даниловом монастыре (также Переславль-Залесский) было обнаружено выморочное имущество князя Ивана Барятинского («инока Ефрема»), жившего в монастыре семь лет. Для розыска и описания его вещей в монастырь сначала был послан подьячий Казаринов, затем приехал сам И. А. Мусин-Пушкин. Золотые рубли, жемчуг и другие предметы были спрятаны в земле в кувшинах под колокольной, а также в мешках в подполе архимандритской кельи. В общей сложности в Монастырский приказ было отослано 16 тыс. руб., которые впоследствии пошли «на дачу годового жалованья за 700 и 701 г. Запорожского войска атаману Гордеенку и всему посполчеству»¹⁸².

Из-за большого объема работы и недостатка кадров переписные мероприятия не дали окончательных и удовлетворительных результатов. Начатая в 1701 г. перепись продолжалась до 1707 г. Как отмечают исследователи, каких-либо обобщений данных по итогам этой переписи не проводилось.

Вторым направлением ограничения экономической самостоятельности Церкви было лишение её финансовых привилегий. До Петра I

¹⁸¹ По Владимирскому уезду – Троицкой Серапионовой пустыни, Благовещенского и Введенского монастырей в Вязниковской слободе, Борисоглебской пустыни на Великом озере; по Суздальскому уезду – Борисоглебского монастыря в селе Кидекша; по Переславскому уезду – Троицкого, Киржацкого и Махрицкого монастырей. Часть описи Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря хранилась в собрании графа А. С. Уварова. См.: Булыгин И. А. Указ. соч. С. 320 ; Описание актов собрания графа А. С. Уварова ... С. 302.

¹⁸² Булыгин И. А. Указ. соч. С. 101.

духовенство не участвовало в уплате основных государственных налогов, не имело и воинских обязанностей. С конца XVII в. (со времени Азовских походов) священнослужители начали вносить свой вклад в строительство флота, и на протяжении всей первой четверти XVIII в. происходило включение духовенства в общую систему налогообложения.

Ещё в конце 1696 г. сразу после завершения Азовского похода царь в очередной раз поставил вопрос о необходимости начать создание военного флота. Предполагалось, что его будут строить в Воронеже. Это строительство началось в соответствии с указом Петра от 4 ноября 1697 г. Всем крупным землевладельцам предписывалось «складываться» на корабли.

В Москву следовало прибыть крупным помещикам и вотчинникам для корабельной «складки», а кто с кем будет складываться, чтобы построить корабль, позволялось решать самим складчикам, т. е. допускалось «полюбовное составление складок». Эти «складки» в дальнейшем стали называться «кумпанствами», представляющими собой товарищества, «добровольно» составленные из землевладельцев для постройки кораблей. На строительство одного судна требовалось «сложить» 8 тыс. дворов.

Монастыри и архиерейские дома являлись крупными землевладельцами. За патриархом в его владениях числился 8761 двор, поэтому он был обязан один корабль построить единолично, а затем с 761 оставшимся дворами искать себе складчиков. Складчиками патриарха стали митрополит Авраамий Белгородский (166 дворов), епископ Митрофаней Воронежский (196 дворов) и ещё 12 монастырей разных епархий, в числе которых были и монастыри Владимирской земли: Спасский монастырь в Муроме, Данилов и Никитский в Переславле-Залесском¹⁸³. Митрополит Суздальский Иларион вошёл в кумпанство с митрополитами Новгородским, Казанским, Ростовским, Псковским, Крутицким, Белгородским. В целом в 1697 г. составилось 17 духовных кумпанств, которым следовало построить 17 галер. В дальнейшем священнослужителям пришлось строить ещё и корабли. Для этого, например, Суздальский митрополит вошел в складку с архиепископом Тверским. Кумпанства поставляли на верфи строительные материалы, вооружение, содержали за свой счет мастера, подмастерьев,

¹⁸³ Богословский М. М. Петр I : материалы для биографии. Т. 1. Детство. Юность. Азовские походы, 1672 – 1697. Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1940. С. 387, 388.

переводчиков, плотника-иноземца, 60 плотников, кузнецов, резчика, столяра, живописца, лекаря и др.

Средства на корабельное строение, снаряжение, починку кораблей требовались существенные. Вклад Суздальского митрополита в кумпанства на галеру и на «запасной корабль» с 1698 по 1704 г. составил 11 816 руб. вместо положенных 4 363 руб.¹⁸⁴ В селе Ярлыково – вотчине Суздальского Покровского монастыря – в 1699 г. только на строительство флота полагалось собирать примерно 2 руб. 20 коп. с крестьянского двора¹⁸⁵.

С 1701 г. происходило распространение государственной системы налогообложения на духовенство. В Переславском Даниловом Свято-Троицком монастыре была составлена ведомость с перечислением основных податей: «в золотую полату»¹⁸⁶, в Ямской приказ, в Адмиралтейский приказ¹⁸⁷. Одновременно с вотчин монастыря было «доято на корабли, пушки и медь 225 рублей... тогда же взято на пушечное дело колоколов из Данилова монастыря и из приписной к нему Вепревой пустыни» 213 пудов 27 фунтов¹⁸⁸.

Постепенно с монастырских вотчин стали собирать и все остальные государственные налоги – ординарные и экстраординарные¹⁸⁹. Помимо военных поборов появились подати «начальным

¹⁸⁴ За 1 пушку медную большую в 240 пудов – 1440 руб., за 6 пушек медных малых по 12 пудов каждая – 360 руб., за 112¹/₂ пуда меди – 562¹/₂ руб. Дополнительно на запасной корабль с Суздальского митрополита было взято за 3 медные малые пушки (12 пудов весом каждая) – 180 руб., за 56¹/₄ пуда меди – 281¹/₄ руб., за 253¹/₄ пуда 1015 руб., за 126 пудов 35 фунтов пороха ручного и пушечного взяли 507 руб., за 3000 бомб было взято 6750 руб. См.: Акты о сооружении флота в 1696 – 1698 годах // Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1852. Т. 2 : Потешные и азовские походы. Прил. № XV. С. 528, 529.

¹⁸⁵ На Воронеж – 2 коп.; на подводды для железных пушек – 15 коп.; в строение медных пушек и на порох – 25 коп.; в строение «галера», якорей, на медь – 40 коп.; за бомбы – 56,5 коп.; иноземцам «в дачи» – 38 коп. См.: Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке : о сущности и формах феодально-крепостнических отношений. М., 1977. С. 333, 334.

¹⁸⁶ Золотая Царицына палата – парадное помещение в Московском кремле, тронный зал цариц, начиная с Ирины Годуновой. Впоследствии палата была превращена в кладовую и восстановлена лишь при Павле I.

¹⁸⁷ ГАВО. Ф. 577. Оп. 1. Д. 71. Л. 1.

¹⁸⁸ Добронравов В. Г. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле-Залесском. Переславль-Залесский, 2008. Т. 9. Кн. 1. (Переславская быль). С. 97, 98.

¹⁸⁹ Ординарные – налоги, которые собирались в течение длительного времени и общий размер которых оставался неизменным. Экстраординарные – налоги, номенклатура и размер которых менялись в зависимости от потребностей государства.

и приказным людям», «в дачу целовальникам», «на жалованье ландра- том», «в строение якорей»¹⁹⁰ и т. д. Сохранялись и натуральные сборы: лошади для драгунских полков и артиллерии, фураж, солома «на под- стилку лошадям», «стрелецкий и запросный хлеб», «провиант в госуда- ревы житницы и анбары», подводы, песок и камни для устройства мо- стовых и строительства каменных домов в Петербурге и Москве и пр. С 1706 г. с приходских церквей стали собирать налог на жалованье пол- ковым священникам¹⁹¹. Всего до введения подушной подати в России существовало до четырех десятков различных налогов¹⁹².

Одной из постоянных повинностей с вотчин духовенства стала поставка работных людей. На строительство крепостей, городов, кана- лов были необходимы разные специалисты, которых поставляла в ос- новном деревня. Их отправляли в Петербург, Воронеж, Гжатск, Москву и другие города. Наборы работных людей приобрели система- тический характер, иногда проводилось даже по два набора в год. В писцовой книге Суздальского архиерейского дома 1701 г. при пере- писи работных и служилых людей постоянно отмечалось: «*послан на Таган Рог в каменщики*», «*послан в кузнецах*»¹⁹³.

В 1704 г. в Монастырский приказ из Приказа Адмиралтейских дел была послана «память», отразившая отношение церковных властей к политике правительства. В предшествующий год «на Воронеж к ко- рабельному строению» «с патриарших, и со архиерейских, и с мона- стырских, и с церковных, с крестьянских и бобыльских дворов» были отправлены плотники из Суздаля, Юрьева-Польского, Владимира, Шуи, Гороховца, Переславля-Залесского, Мурома и некоторых других городов со всякими «плотнишними снастьми». Теперь же «по указу Великого государя» следовало снова собрать людей «*прежним плот- никам на перемену*». Однако воеводы, стольники и дворяне, в чьем ве- дении находились архиерейские и монастырские вотчины, отказыва- лись без дополнительных распоряжений производить повторный набор¹⁹⁴. Это и вызвало негодование Приказа Адмиралтейских дел. Ве- роятно, «ослушание» было вызвано тем, что по царскому указу 1701 г.

¹⁹⁰ ГАВО. Ф. 568. Оп. 1. Д. 14. Л. 1 – 17; Ф. 575. Оп. 1. Д. 341. Л. 15 – 41;

¹⁹¹ Покровский И. М. Русские епархии в XVI – XIX вв.: их открытие, состав и пределы. Т. 2. Казань : Центр. тип., 1913. С. 8.

¹⁹² Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в Рос- сии, 1719 – 1728 гг. Л. : Наука, 1982. С. 21 – 22.

¹⁹³ Давыдов М. И. Указ. соч. С. 237, 238.

¹⁹⁴ Горчаков М. (свящ.) Указ. соч. Прил. 21. С. 18.

никакие государственные структуры не могли вмешиваться в деятельность чиновников Монастырского приказа.

Параллельно с этим распоряжением монастыри получили указание выделить с каждых девяти дворов по человеку для отправки в Санкт-Петербург. Так, от Владимирского Княгинина монастыря в 1704 г. Монастырский приказ требовал, чтобы работные люди *«были не старые и не малые, и не увечные, и не пьяницы... и было б у них у всякого человека по топору доброму и острому, да у десяти человек по долоту, и по бураву, и по скобелю»*¹⁹⁵. Через четыре года пришел новый указ. Теперь следовало поставить *«с пяти дворов по человеку... к городовому делу»*¹⁹⁶. Практиковался и перевод работников *«на вечное житие»* в другие города. Набор людей для выполнения различных государственных повинностей производился очень интенсивно, что реально привело к «запустению» деревень. Крестьяне Суздальского Покровского монастыря написали на имя Петра I челобитную, в которой сообщали, что по писцовым книгам 1678 г. в их селе с деревнями было 100 дворов, а по книгам 1715 г. *«у нас жилых 61, пустых 39 дворов»*. «А всякие сборы и подати» собирают по данным конца XVII в. *«Мы людишки скудные, – жаловались крестьяне, – того отправлять не в мочь»*¹⁹⁷.

Занятые сбором разных налогов с церковных владений, временные управляющие, как правило, не беспокоились о рациональном ведении вотчинного хозяйства. Производительность его постепенно уменьшалась. В таких условиях церковные вотчины, архиерейские дома и монастыри «приходили в скудость». От тяжести налогов уменьшалось число крестьянских дворов в церковных владениях, крестьяне часто бежали на Волгу, на Дон, за рубеж или вливались в шайки разбойников. Правительство между тем при раскладке сборов опиралось на старые переписные книги, где количество дворов было показано гораздо больше. Для содержания духовных школ и других церковных учреждений средств не хватало. Духовенство ходатайствовало о возвращении вотчин в свое управление.

Стало реализовываться и третье направление, провозглашенное в начале реформы – лишение духовенства права сбора и распоряжения доходами со своих вотчин. До реформы Петра I духовенство не платило никаких налогов в казну с рыбных ловель, мельниц, бань и т. п.

¹⁹⁵ ГАВО. Ф. 568. Оп. 1. Д. 8. Л.3.

¹⁹⁶ ГАВО. Ф. 568. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

¹⁹⁷ ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 341. Л. 1, 13.

Отныне все эти объекты поступали в распоряжение Монастырского приказа и сдавались на оброк по его усмотрению. Один из указов 1701 г. предписывал дать новый «торг» на все оброчные статьи. В случае, если кто-то за аренду предлагал более высокую цену, чем раньше, их полагалось отдать «из наддачи новым откупщикам, не дожидаясь по прежним отдачам урочных лет»¹⁹⁸.

В 1704 г. в Княгинин монастырь пришло распоряжение стольника М. С. Колычева. Все оброчные хозяйственные объекты монастыря следовало «переоброчить и отдать охочим людям с наддачею»¹⁹⁹. По указу ландрата А. М. Каратеева Суздальский Покровский монастырь стал платить в год с монастырских «пчельных заводов» «по осьми денег с улья»²⁰⁰ и по 11 руб. с монастырской мельницы²⁰¹. Спасо-Евфимиев монастырь платил 1 руб. оброка в год с бани²⁰². Часть духовных оброчных угодий Монастырский приказ передал в «светскую команду».

Параллельно государство вновь издавало законы, ограничивающие церковное землевладение. Указ от 1 марта 1701 г. подтверждал запрещение духовенству покупать новые земли²⁰³. В 1702 г. именным указом Монастырскому приказу было разрешено пустоши и пустые церковные земли отдавать «челобитчикам на оброк *вовсе*» (т. е. навсегда) с уплатой оброчных денег в казну²⁰⁴.

За тот период, пока Приказ распоряжался церковными владениями, часть их бесконтрольно была просто роздана разным людям. Пожалования получили ближайшие сподвижники Петра I: генерал-фельдмаршал Шереметев, стольник Бутурлин, князь Меншиков и др. Так, земли, сенные покосы и мельница Богословского Переславского монастыря «в вечное оброчное владение» были отданы Синявину²⁰⁵. Село Образцово с деревнями (41 двор) вотчины Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря оказались у графа И. А. Мусина-Пушкина, «*который*

¹⁹⁸ ПСЗ – I. Т. IV. № 1839. С. 159.

¹⁹⁹ ГАВО. Ф. 568. Оп. 1. Д. 8. Л. 1. «Оброчными местами» могли быть мельницы, рыбные угодья, мосты, пустоши, лавки, конские площадки, водопойные места, перевозки и пр.

²⁰⁰ ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 368. Л. 1.

²⁰¹ ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 341. Л. 27.

²⁰² Описание актов собрания графа А. С. Уварова ... С. 308.

²⁰³ ПСЗ – I. Т. IV. № 1839. С. 159.

²⁰⁴ ПСЗ – I. Т. IV. № 1897. С. 188 – 189.

²⁰⁵ Сенявин (Синявин) Иван Акимович – один из сподвижников Петра I, участник Северной войны, строил суда на Олонецкой верфи.

брал доходы на себя, пока был в Монастырском приказе»²⁰⁶. В Переславском уезде в 1702 г. «неизвестно кому на оброк без перекупки по 265 руб. 21 алт. в год» было пожаловано село Филипповское с деревнями и пустошами. Всего Монастырский приказ «продал и роздал» разным лицам из Суздальской провинции 250 дворов, Юрьев-Польской – 44, Переславль-Залесской – 87, Владимирской (с Муромом и Гороховцом) – 495²⁰⁷. Подобная практика свидетельствует, что государство считало себя полным хозяином церковных вотчин.

Передача права сбора доходов с церковного имущества и распоряжения ими в Монастырский приказ кардинально изменила и положение духовенства. Указ от 30 декабря 1701 г., запрещавший духовенству владение вотчинами, устанавливал содержание для монашествующих: «поровну как начальным, так и подначальным монахам» по 10 руб., по 10 четвертей хлеба в год и «дров, сколько им надобно». Данная мера вводилась «не ради разорения монастырей, но лучшего ради исполнения монашеского обещания». В указе утверждалось: «древние монахи сами себе трудолюбивыми своими руками пищу промышляли... нынешние же монахи не токмо нищих не питают от трудов своих, но и сами чужие труды поядают, а начальные монахи во многие роскоши впали»²⁰⁸. Однако такое жалование предполагалось выдавать только монахам богатых монастырей, где доходы превышали расходы. Если же монастырских доходов не хватало для «указного» оклада, то монахам следовало выдавать столько, сколько давалось «прежде сего».

Духовенству приходилось буквально требовать, чтобы указные доходы с их вотчин поступали на содержание монашествующих. Так, в августе 1703 г. архимандрит владимирского Рождественского монастыря Боголеп отправил Петру I жалобу на стольника И. М. Кологривова. «Денежный и хлебный оклад» монастырю стольник выдавал «с великим замедлением, по малому числу и со многою волокитою». В результате монахам пришлось брать « годового запаса всякого на пищу» у торговых людей в долг, а торговые люди потребовали оплатить поставки продовольствия. «И от того, – писал Боголеп, – мы во обители за тою невыдачею пребываем в великом оскудении»²⁰⁹.

²⁰⁶ И. А. Мусин-Пушкин, являясь главой Монастырского приказа, не получал денежного жалованья и хлебного содержания; вознаграждением за его деятельность как раз и было село Образцово.

²⁰⁷ Горчаков М. (свящ.) Указ. соч. Прил. 17, 42. С. 70, 138.

²⁰⁸ ПСЗ – I. Т. IV. № 1886. С. 181 – 182.

²⁰⁹ Булыгин И. А. Указ. соч. С. 91.

Были еще монастыри, не имевшие земли или владевшие небольшими вотчинами и угодьями, доходами с которых «прокормить монахов невозможно». Таким монастырям выдавалась руга – государево жалованье хлебом и деньгами. В ходе реформы руга была сохранена, но в размерах «без чего по самой нужде быть невозможно»²¹⁰. Ружными обычно были так называемые малобратственные (малые) монастыри. Некоторые монастыри лишились своих владений на основе положений Соборного Уложения 1649 г. Так, у Александровского девичьего монастыря на посаде в Суздале в период «посадского строения» середины XVII в. была отобрана подмонастырняя слободка и передана на посад. Вместо нее на содержание монастыря была назначена руга – на 50 стариц, попам и причетникам – 40 руб. 8 алт. в год²¹¹.

Ружное жалованье тоже выдавалось нерегулярно. Покровский Кукоцкий девичий монастырь («на Куксе») по два года не получал ругу. «Питаемся с великою нуждою», – писали старицы в своей челобитной. Дошло до того, что монастырский поп Василий Васильев с разрешения игуменьи продал в Суздале серебряные застёжки от Евангелия и «две пелены тафтяные», чтобы купить свечи и ладан²¹².

2.2. Завершение петровских преобразований

Опыт первых лет управления церковными имениями показал, насколько это хлопотное дело. Правительство задумалось над тем, как облегчить для себя систему изъятия церковных доходов. С 1705 г., когда в основном было завершено описание церковного имущества, произошли некоторые изменения в распоряжении доходами Церкви и в содержании духовенства.

Начался второй этап церковной реформы (1705 – 1720 гг.). Наиболее важными в плане управления духовными вотчинами и распоряжения получаемыми с них доходами были 1705 – 1710 гг.

На основе переписных документов Монастырского приказа 1701 – 1705 гг. была составлена табель (ведомость) о доходах духовенства.

²¹⁰ ПСЗ – I. Т. IV. № 1886. С. 181 – 182.

²¹¹ Описание актов собрания графа А. С. Уварова ... С. 389. Игуменье в год давали 4 руб. 30 алт. и 5 четвертей ржи и овса, 50 стариц получали по 2 руб. 15 алт. и 4 четв. ржи и овса (каждая), два попа с причетниками – 16 руб. 28 алт., дополнительно в церковь выдавалось 6 руб. на свечи, ладан и вино.

²¹² Малицкий Н. В. Покровский Кукоцкий монастырь // Малицкий Н. В. Из прошлаго Владимирской епархии. Владимир : Скоропечатня И. Коиль, 1907. Вып. 3. С. 139.

В Суздальской епархии в начале XVIII в. числилось 929 «начальников» и монахов²¹³, 383 служителя²¹⁴, почти 8 700 руб. дохода и около 200 четвертей оброчного хлеба. По размеру денежных доходов Суздальская епархия находилась на третьем месте (из 15 епархий в ведении Монастырского приказа).

В 1705 г. своим «повелением» Мусин-Пушкин распорядился уменьшить установленный оклад содержания духовенства в два раза (соответственно до 5 – 6 руб. и 5 четвертей хлеба в год) «*ради Свейской войны*»²¹⁵. Однако даже эти сокращенные денежные средства и хлеб часто задерживались. Игумен патриаршего Боголюбова монастыря Рождества Богородицы вновь жаловался, что приказчик Никита Иванов «*чинит нашему монастырю всякую обиду*», и «*монастырской хлеб отправил в Москву и на семена ничего не оставил*», и даже «*на просвиры*²¹⁶ *муки нет*»²¹⁷. В это время большинству малых монастырей их владения стали возвращать.

Монастырский приказ продолжал выдавать строго определённый, теперь уже уменьшенный оклад на содержание монастырей. Но форма распоряжения была изменена. Земельные владения монастырей и архиерейских домов в ведении Монастырского приказа были разделены на две части. Управление одной частью возвращалось прежним владельцам. Доходы с нее в виде денег, оброчного хлеба и десятинной пашни шли на определенное законом содержание монастыря или архиерейского дома. Такие вотчины стали называться «определенными». Вторая половина владений получила название «заопределенные». Они могли управляться либо приказом, либо прежними монастырскими властями, которые теперь являлись не владельцами, а простыми управителями. Например, заопределенные вотчины были возвращены под управление Переславскому Горицкому монастырю²¹⁸. Доходы с «заопределенных» вотчин через Монастырский приказ поступали в казну.

²¹³ Под «начальниками» («начальными монахами») подразумевались руководители монастырей: настоятели (игумены, архимандриты), келарь, казначей и, возможно, «соборные старцы», т. е. наиболее авторитетные монахи, которые привлекались для принятия решений по разным вопросам монастырской жизни.

²¹⁴ Служители – фактически слуги из светских лиц, из которых назначали подьячих для ведения переписки с разными инстанциями, иногда приказчиков в вотчины.

²¹⁵ Булыгин И. А. Указ. соч. С. 55, 108, 113.

²¹⁶ Просви́ра (просфо́ра) – богослужебный литургический хлеб, употребляемый в православии.

²¹⁷ ГАВО. Ф. 567. Оп. 2. Д. 5. Л. 18 – 18 об.

²¹⁸ Булыгин И. А. Указ. соч. С. 127.

Часто эти угодья сдавались на оброк служилым людям. Таким образом, произошло *определение* монастырей и архиерейских домов.

В определение попадали только те владельцы, которые могли дать казне хоть какой-то доход. Устанавливалось это простым расчетом. На основе переписных книг учитывался общий доход (деньги, хлеб, пашня) монастыря или архиерейского дома за год-два перед определением. Фактический расход учтенных средств за этот период объявлялся определенным годовым содержанием. Оставшиеся средства должны были поступать в Монастырский приказ. Сумма определенного содержания объявлялась постоянной. Постоянной должна была быть и сумма, взимаемая в казну. Реально ее размеры колебались, так как фактический доход не мог быть неизменным из года в год.

Процесс определения начался не позднее 1706 г. Определение Суздальского архиерейского дома производилось в 1710 году. До определения доходы архиерейского дома в год составляли около 2300 руб. и урожай с 437 десятин десятинной пашни²¹⁹. После определения на содержание было оставлено 1 500 руб. и вся десятинная пашня. Монастырский приказ оставлял себе около 800 руб. в год²²⁰ (немногим меньше трети прежних денежных доходов).

В первое десятилетие XVIII в. статус определенных получили 11 монастырей Владимирского края²²¹. Из их денежных доходов в 5 580 руб. в казну перечислялось 3 610 руб. – почти 65 %. Некоторые монастыри, например Муромский Борисоглебский, Николаевский Шартомский, не имели десятинной пашни и жили за счет денежного и хлебного оброка, собираемого с крестьян. В целом по стране в казну стало взиматься почти 54 % заопределенных денежных доходов с монастырей и архиерейских домов, было изъято около 29 % десятинной пашни и почти 25 % оброчного хлеба. Таким образом, монастырям и архиерейским домам была оставлена только такая часть доходов, которая минимально покрывала их потребление.

²¹⁹ Десятинная пашня – пашня, обрабатываемая трудом зависимых крестьян в качестве феодальной повинности. Наличие десятинной пашни свидетельствует о ведении архиерейским домом собственного земледельческого хозяйства.

²²⁰ Булыгин И. А. Указ. соч. С. 161.

²²¹ Переславский Горицкий, Переславский Никитский, Переславский Данилов, Владимирский Рождественский, Суздальский Спасо-Евфимиев, Суздальский Покровский девичий, Шуйский Николаевский Шартомский, Муромский Борисоглебский, Муромский Николаевский Радовицкий, Муромский Троицкий в устье р. Павловки, Прохорова пустынь в Муромском уезде.

Значительная часть монастырей Владимирского края не попала в определение. Это в основном малые монастыри с годовым доходом от 3 до 450 руб. и небольшим размером десятинной пашни – от 25 до 300 десятин²²². С них государство не могло получить никакого «прибытка».

После 1710 г. роль Монастырского приказа в распоряжении церковными имениями постепенно сокращалась. Указом от 16 октября 1720 г. вотчины монастырей и архиерейских домов, взятые в Монастырский приказ, возвращались их прежним владельцам. Этот возврат не предусматривал возвращение прав на распоряжение доходами. Доходы по-прежнему поступали в казну, ими ведала Камер-контора²²³. Средства, оставшиеся сверх содержания, передавались на общественные нужды, прежде всего на устройство и содержание благотворительных заведений.

Суть проведенных изменений в управлении церковными владениями на втором этапе реформ заключалась в отказе от полной секуляризации, проведенной на первом этапе, и переходе к частичной секуляризации.

Следует отметить еще одно новшество данного периода. Оно было обусловлено разделением страны на губернии и провинции и усилением значения роли местной администрации. Сбор доходов с заопределенных церковных имений отныне передавался представителям местной власти. Право казны распоряжаться церковным имуществом ярко демонстрирует так называемое «дело о серебре». В 1707 г. был издан указ, в соответствии с которым из монастырей и архиерейских домов следовало всю серебряную посуду и всякое ломаное серебро, учтенное в переписных книгах 1701 – 1705 гг., прислать в Монастырский приказ. Это могли быть, как, например, в Суздальском архиерейском доме, «слиток серебра – тринадцать золотников²²⁴» или «кубок... немецкого дела, вверху кровля поломлена. Весу фунт восемьдесят один золотник»²²⁵. Исключение делалось только для священных сосудов и церковных вещей. Только за один год у монашества было изъято более 19 пудов серебра для переплавки его и чеканки монет. Впоследствии

²²² Булыгин И.А. Указ. соч. С. 163 – 167, 172, 204, 207.

²²³ ПСЗ – I. Т. VI. № 3659. С. 248.

²²⁴ Золотник – старинная русская мера веса (массы), равная приблизительно 4,27 грамма. Русский фунт – это одна из старинных русских мер веса (массы), равная в XVIII в. приблизительно 409 граммов.

²²⁵ Давыдов М. И. Указ. соч. С. 189, 203 – 204.

выяснилось, что монастыри в 1707 г. прислали лишь малую часть того, что было зафиксировано в переписных книгах. У духовенства оставалось еще около 60 пудов серебряной посуды. Изъятие производилось до 1732 г.²²⁶

Реформа коснулась и приходского (белого) духовенства. На него также была распространена обязанность несения государственных повинностей. С 1706 г. с приходов был введен сбор лошадей для драгунских полков. Впоследствии его заменили деньгами по 15 руб. с прихода. Этот сбор сохранялся до конца первой четверти XVIII в.²²⁷ С 1708 г. неграмотных поповичей стали забирать в солдаты. Впоследствии всех «лишних» церковнослужителей и детей, не определенных в службу, записывали в подушный оклад. Тех, кто пытался уклониться, отправляли на галеры. Добавились новые службы – караульная по улицам, пожарная. Особенно сложно было сельскому духовенству. Известны случаи, когда помещики били своих попов «дубиной мученически», устраивали скандалы в домах священнослужителей, а присланным от архиерея доверенным лицам грозили палками²²⁸.

Описания имущества духовенства 1701 – 1705 гг., как уже упоминалось, не дали полной картины церковной земельной собственности. После разделения России на провинции и губернии верховная власть потребовала учета владений духовенства по вновь созданным областям, а не по монастырским вотчинам, разбросанным по разным уездам. Поэтому в 1710 г. по распоряжению из Царского Разряда Монастырский приказ поручил местной администрации составить новые переписные книги²²⁹. Монастырские слуги, которых привлекли к переписи, не слишком добросовестно отнеслись к новому поручению. В результате и перепись 1710 г. была неполной.

Чтобы внести ясность в данный вопрос, Монастырский приказ распорядился сравнить писцовые книги, составленные в 1678 г., и новые 1710 г. Были обнаружены расхождения между переписями. Во многих случаях дворов оказалось меньше. Во избежание увеличения налогообложения владельцы (в том числе и духовные) объединяли дворы, поэтому общее количество населения в вотчинах могло увеличиться, а в

²²⁶ Булыгин И. А. Указ. соч. С. 131 – 132.

²²⁷ ПСЗ – I. Т. IV. № 2130, 2142, 2166.

²²⁸ Знаменский П. В. Руководство к русской церковной истории. Казань : Университет. тип., 1876. С. 319 – 321.

²²⁹ Горчаков М. (свящ.) Указ. соч. С. 139.

писцовых документах это не фиксировалось. Однако часто в населенных пунктах действительно наблюдалась убыль населения вследствие массовых побегов и бесконечных наборов на стройки и в армию.

Сводная ведомость, составленная в Монастырском приказе, неожиданно показала, что в ряде мест церковных дворов оказалось больше, чем по переписи 1678 г. Во Владимирской провинции добавилось 19 дворов, в Суздальской – 13, в Юрьев-Польской – 96, в Переяславль-Залесской – 55.

Правительство не доверяло результатам переписи 1710 г. Утверждалось, что местные власти небрежно отнеслись к поручению, а переписчики работали недобросовестно. Тем не менее при последующих переписях часто делались ссылки на писцовые книги 1710 г.: «*Муромского уезду села Лазорева Яков Андреев сын Зверев девятнадцати лет, а в переписных новых книгах 710 году отец его поп Василей написан*», «*Во дворе Иван Дмитриев сын Мяздриков тридцети четырех лет... а в переписных новых книгах 710 году отец его поп Иван написан*»²³⁰.

Неразбериха с земельными владениями Церкви и отсутствие точных данных о налогоплательщиках побудили правительство предпринять еще одну попытку произвести учет церковного имущества. В декабре 1715 г. «*Великий Государь указал: в губерниях ландратам переписать дворы крестьянские и бобыльские и в них людей по именам... вправду без всякой утайки...*»²³¹. Началась так называемая ландратская перепись. Каждый ландрат отвечал за вверенную ему земельную долю. Однако при проведении и этой переписи тоже возникли проблемы – недостаток кадров, загруженность множеством дел, недобросовестность исполнителей. Кроме того, ландратская перепись показала значительную убыль дворов во многих монастырях, в том числе владимирских²³². Это совершенно не устраивало правительство, которое было заинтересовано в увеличении сборов и требовало собирать налоги по писцовым книгам 1678 г.

Ландратская перепись продолжалась до 1720 г., однако уже в 1718 г. было принято решение о переходе к новой системе налогообложения – с души мужского пола²³³. Началось составление ревизских сказок.

²³⁰ Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 1884. Л. 2–2 об.

²³¹ ПСЗ – I. Т. V. № 2964. С. 185.

²³² ГАВО. Ф. 375. Оп. 1. Д. 341. Л. 13.

²³³ ПСЗ – I. Т. V. № 3287. С. 618 – 620.

По данным первой ревизии наиболее крупными душевладельцами во Владимирском крае были Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь – 10 498 душ мужского пола (душ м. п.), Суздальский Покровский девичий – 7 993 души м. п., Рождественский во Владимире – 7 472 души м. п. Суздальскому архиерейскому дому принадлежало 3 672 души м. п.²³⁴

Одной из целей проводимых Петром I церковной реформы было сокращение числа монашествующих и уменьшение количества монастырей. При описании церковного имущества в 1701 г. Монастырский приказ должен был указать и точное количество проживающих в монастырях. Разрешалось оставить лишь столько монахов, сколько необходимо было для совершения богослужений и управления имениями. Постриг новых иноков разрешался лишь в том случае, если в монастырях появлялись вакансии (т. е. кто-то умирал). Всем насельникам, не принявшим пострига, предстояло покинуть монастыри²³⁵. Как предписывалось Николаевскому Гороховецкому монастырю, «*дьячков, и клирошан, и келейников, и монашеских детей, и свойственников бельцов... из тех монастырей всех выслать вон*»²³⁶.

С 1721 г. начался третий этап церковной реформы. 25 января Петр I издал манифест об учреждении «*Духовной коллегии, то есть Духовного соборного правительствва*», которое впоследствии стали называть Святейший Правительствующий Синод²³⁷. Президентом Синода был назначен местоблюститель патриаршего престола митрополит Рязанский и Муромский Стефан Яворский. Было два вице-президента – Феодосий Яновский и Феофан Прокопович²³⁸.

²³⁴ Верховской П. В. Населенные недвижимые имения Св. Синода, архиерейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого. СПб. : Тип. училища глухонемых, 1909. С. 83 – 85.

²³⁵ ПСЗ – I. Т. IV. № 1834. С. 140.

²³⁶ ГАВО. Ф. 573. Оп. 2. Д. 1. Л. 38; ПСЗ – I. Т. IV. № 1948.

²³⁷ Цыпин В., (прот.) Русская Православная Церковь в синодальную эпоху. 1700 – 1917 гг. // Православная энциклопедия. Русская православная церковь / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М. : Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2000. С. 109.

²³⁸ После смерти митрополита Стефана должность президента была упразднена. По распоряжению царя следовало «*в Синод выбрать из офицеров доброго человека, кто бы имел смелость и мог управление синодского дела знать и быть ему обер-прокурором...*». Функции президента перешли к обер-прокурору. Обер-прокурор – светское

Синод стал высшим органом управления духовными вотчинами. Разумеется, Духовная Коллегия не могла сама непосредственно управлять хозяйством. По её просьбе в 1721 г. был восстановлен Монастырский приказ. Ему передали хозяйственные дела Церкви. Теперь он находился в полном подчинении Синоду. Все табельные и запросные сборы следовало по-прежнему отправлять в Камер-контору.

Митрополит Рязанский и Муромский Стефан Яворский

Указ от 4 сентября 1722 г. определял компетенции вторично восстановленного Монастырского приказа. Ему поручались:

1. Сбор всех казенных податей с крестьян духовного ведомства.
2. Суд над крестьянами, за исключением дел по духовным преступлениям и уголовным делам.
3. Рассмотрение спорных дел по челобитьям посторонних лиц.
4. Проведение публичного торга для отдачи «охочим людям» на оброк хозяйственных объектов монастырей.
5. Распределение по монастырям отставных военнослужащих.
6. Определение в богадельни нищих, установление и выдача им содержания.
7. Пресечение злоупотреблений в управлении имуществом духовного ведомства.
8. Поиск и выдача беглых крестьян из вотчин духовенства.
9. Возбуждение следствия о беглых солдатах и других подозрительных лицах в контролируемых вотчинах²³⁹.

Если реформы предшествующего периода были направлены на установление контроля над имуществом Церкви, то теперь основное внимание было уделено духовно- и церковнослужителям. Последовала целая серия законодательных актов, регулирующих жизнь духовенства. 10 августа 1722 г. вышел указ о штате священно- и церковнослужителей

лицо, назначался лично императором и только перед императором отчитывался. Первым обер-прокурором Синода с июня 1722 г. стал полковник И. В. Болтин. В указе о назначении обер-прокурор именовался «оком государевым». – ПСЗ – I. Т. VI. № 4001.

²³⁹ ПСЗ – I. Т. VI. № 4081.

при приходских церквях и соборах, так как указания епископам не поставлять священников «свыше потребности» не выполнялись.

С периода правления Петра I духовенству пришлось выполнять некоторые административные и даже политические функции. Прежде всего, была введена особая форма присяги на верность императору. Мало того, священнослужители обязались *«быть верным, добрым и послушным рабом и подданным императора»* как все чиновники. Указ от 22 апреля 1722 г. вынуждал их *«доносить»* «об открытых на исповеди» злоумышлениях *«на честь и здравие государево»*. Тем самым закон требовал от православных священников отказа от основного канонического правила – тайны исповеди. Долгом приходского духовенства являлось информирование прихожан во время воскресной службы обо всех изданных государственных законах.

Именно с правления Петра I при церквях стали регулярно заполняться метрические книги, куда входила информация о проходивших крещениях, венчаниях и погребениях прихожан. В обязанность духовенству вменялось и сообщение светским властям обо всех, кто хотя бы раз в год не был у исповеди. Во время составления ревизских сказок священнослужители должны были следить, чтобы никто не уклонялся от внесения в «списки». Вводились так называемые «табельные службы» – богослужения в честь коронаций, военных побед, тезоименитств царя и членов царской семьи. Пропуск этих служб рассматривался как политическое преступление²⁴⁰. Так, в 1736 г. был наказан шелепами²⁴¹ и сослан на 3 месяца в отдаленный монастырь архимандрит Муромского Борисоглебского монастыря Феодосий за «неслужение» в некоторые высокотожественные дни²⁴².

Одновременно с учреждением Синода был утвержден Регламент, или Устав Духовной Коллегии, а в мае 1722 г. – «Прибавление к Духовному Регламенту»²⁴³. «Прибавление» имело дополнительное

²⁴⁰ Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700 – 1917. М. : Русская панорама, 2003. С. 153.

²⁴¹ Шелепы – веревочные кнуты с короткими рукоятками. Шелепы употреблялись преимущественно для наказания по приговорам духовных судов и как дисциплинарное взыскание для духовенства.

²⁴² Титлинов Б. В. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношении к делам Православной церкви : исследование Б. В. Титлинова. Вильна : Русский почин, 1905. С. 316.

²⁴³ ПСЗ – I. Т. VI. № 3718. С. 314 – 346; № 4022. С. 699 – 715.

название *«Прибавление о правилах причта церковного и чина монашеского»*. Значительная его часть была посвящена собственно монастырям и монашествующим. Отныне было запрещено постригать в монахи мужчин младше 30 лет, а женщинам постриг разрешался только в 50 – 60 лет. Всем, кто состоял на военной или гражданской службе, постриг вообще был запрещен. Не могли уйти в монастырь и лица, имевшие на содержании несовершеннолетних детей. Крепостные могли постригаться в монахи только при наличии письменного разрешения своего помещика. Монашествующие могли покидать монастырь только с дозволения настоятеля и на непродолжительное время. Даже для посещения родственников была необходима уважительная причина – чья-либо болезнь или смерть. Одновременно вводилось дополнительное финансовое ограничение: запрещалось брать взносы при пострижении, что прежде было одной из статей дохода. Например, игуменья Владимирского Княгинина монастыря жаловалась на *«великое оскудение»* и в своем челобитье писала, что *«вдовы и девки давали вкладные деньги для пострига, а ныне вкладных денег принимать и вдов и девок постригать не велено»*. В результате в монастыре нет денег на ремонт – *«своздей купить не на что»*²⁴⁴. Также все имущество монашествующих в случае их смерти становилось собственностью монастыря. Раньше допускалась передача вещей родственникам.

И *«Регламент...»*, и *«Прибавление...»* совершенно откровенно были нацелены на ликвидацию малых монастырей. Монастыри и пустыни, *«идеже мало братии»*, следовало либо закрыть, либо объединить с другими обителями: *«надлежит сводити во едину обитель, идеже прилично толико, елико пропитатися могут»*²⁴⁵. Так, к Суздальскому Спасо-Евфимиеву монастырю по Духовному Регламенту были приписаны Суздальский Васильевский монастырь и четыре пустыни: Золотниковская, Богоявленская, Макарьевская и Петропавловская. В Васильевском монастыре на момент «приписания» по «генералитетской переписи» было имущества: 16 десятин пашни, 6 душ м. п., денег 10 руб. «да золотой червонец», 9 лошадей, 21 овца, 14 коров. Насельников в монастыре: монашествующих – 14 чел., светских служителей – 9 чел.²⁴⁶

²⁴⁴ ГАВО. Ф. 568. Оп. 1. Д. 8. Л. 6 об.

²⁴⁵ ПСЗ – I. Т. VI. № 4022. С. 713.

²⁴⁶ Описание актов собрания графа А. С. Уварова. С. 307.

Николаевский Волосов монастырь во Владимирском уезде сначала был объединен с Покровским (на р. Нерли) и Любецким, в 1725 – 1727 гг. к ним добавился еще Козьмин со всеми вотчинами и угодьями. Иноков малобратственных монастырей свели в Волосов монастырь. Георгиевский монастырь Дубовая церковь присоединили к Юрьевскому Архангельскому монастырю²⁴⁷. Малобратственные монастыри требовали постоянной поддержки. Государство предпочитало заботу о них переложить на Церковь. Сохранившиеся после упразднения монастырей храмы превращались в приходские церкви.

С 1701 г. была проведена значительная работа по определению штатов монастырей и архиерейских домов. Так, в патриарших монастырях на территории Владимирского края предполагалось оставить: в Горицком – 46 монахов, в Переславль-Залесском – 47, Даниловом Переславском – 73, Борисоглебском Владимирском – 20, Боголюбском – 21, в определенных монастырях в Суздальской епархии – 314, в неопределенных – 201²⁴⁸.

Эта часть реформы при жизни Петра I не была завершена. Указ Синода от 21 мая 1722 г. предписывал составить по определенной форме полные именные списки монашествующих. Требовалось указать их возраст, кем они были до пострижения, когда поступили в монастырь, «в каком рукоделии искусны». Цель составления таких ведомостей определялась весьма выразительно: чтобы «всякое начальствующее лицо» и Святейший Синод всех «до монастыря обывателей как в зеркале видеть мог...»²⁴⁹. Эти ведомости стали актуальными через десять лет, когда начались так называемые «разборы» монахов.

Первая перепись монашествующих продемонстрировала, что состав насельников монастырей не соответствует принципам, обозначенным в новом законодательстве. Так, в Княгинине монастыре кроме 64 монахинь оказалось 8 «бельцов» и 30 «безжалованных» насельниц²⁵⁰. В Покровском Кукоцком монастыре в кельях со старицами даже

²⁴⁷ Малицкий Н. В. К истории Николаевского Волосова монастыря // Н. В. Малицкий. Из прошлого Владимирской епархии. Владимир : Скоропечатня И. Коиль, 1907. Вып. 3. С. 4 – 7, 25.

²⁴⁸ Горчаков М. (свящ.) Указ. соч. Прил. 3. С. 43 – 44.

²⁴⁹ Пономарев Д., (свящ.) Малые (малобратственные) монастыри Русского Севера в конце XVII – первой половине XVIII века // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях Palaiorwsia: encronw, enproswpw, eneidei. : науч. журн. Санкт-Петербург. духов. акад., 2022. № 3 (19). С. 85.

²⁵⁰ ГАВО. Ф. 568. Оп. 1. Д. 39. Л. 25 об.

проживали их сыновья, достигшие двадцатилетнего возраста!²⁵¹ В связи с невыполнением царского указа 28 января 1723 г. вышло новое постановление, вообще запрещавшее постриг в монастыри. При этом предписывалось сообщать в Синод об умерших монашествующих, и на эти «убылые» места постригать только отставных военных и вдовое духовенство²⁵².

Вполне естественно, что духовенство встретило проводимые Петром I реформы крайне недоброжелательно и стремилось посеять недоверие к преобразованиям. Нередко духовные лица распространяли нелепые слухи о царе²⁵³, критиковали его мероприятия, писали враждебные Петру сочинения. Не случайно Петр запретил инокам держать в кельях письменные принадлежности. Одним из «обвинителей» царя выступил монах Флорищевой пустыни Иван Нагой. Свое прозвище он получил за то, что ходил в прямом смысле голым, с одной медной цепью и крестом на шее. В таком виде он явился в Москву *«царя обличать, что бороды бреет и с немцами водится»*. Ивана Нагого пять раз подвергали жестоким пыткам, пытаясь выяснить, чьей поддержкой из влиятельных лиц он пользуется, есть ли у него сторонники, готовые выступить против Петра. В 1700 г. после рассмотрения дела в Преображенском приказе царь лично распорядился Нагому *«учинить наказание, бив кнутом нещадно и запятив сослать в Азов на каторгу, в вечную работу»*²⁵⁴.

Петр I отрицательно относился к монашеству, полагая, что большая их часть *«тунеядцы суть, понеже корень всему злу праздность... А что, говорят, молятся, то и все молятся... Что же прибыль обществу от сего? ... бегут от податей... дабы даром хлеб есть»*²⁵⁵. 31 декабря 1724 г. было обнародовано «Объявление о монашестве», в

²⁵¹ Малицкий Н. В. Покровский Кукоцкий монастырь // Малицкий Н. В. Из прошлого Владимирской епархии. Вып. 3. С. 137.

²⁵² ПСЗ – I. Т. VII. № 4151. С. 18.

²⁵³ Чаще всего злые языки судачили, что «царь – не настоящий». Якобы Алексей Михайлович во время беременности жены Натальи Кирилловны Нарышкиной сказал, что ждет сына, наследника престола, а родилась девочка. Чтобы не вызвать гнев царя, приближенные подменили ребенка, взяв новорожденного мальчика из Немецкой слободы, а девочку отдали в простую крестьянскую семью. Поэтому царь и «водится с немцами», и «вера стала немецкая». Неприязнь духовенства проявилась и в деле Евдокии Лопухиной (см. прил. 2).

²⁵⁴ Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I : По материалам Преображенского приказа. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1957. С. 132 – 134.

²⁵⁵ ПСЗ – I. Т. VII. № 4450. С. 230.

котором император излагал проект использования монахов на благо общества. Для этого следовало «неученых» монахов обучить ремеслам и сельскохозяйственным работам. Монахиням полагалось получить навыки женского рукоделия. В обителях было необходимо организовать школы для подготовки избранных монахов к высшим церковным должностям. На основе этого указа во Владимирский Княгинин монастырь были присланы «мастерицы с инструментами и сырьем» для обучения монахинь прядению. По окончании обучения пряжу следовало отправить «в мануфактурную полотняную фабрику», а монахинь – в Москву, в Монастырский приказ²⁵⁶. Всего в монастыре было обучено прядильному делу 24 монахини.

31 января 1724 г. был издан указ «О звании монашеском, об определении в монастыри отставных солдат и об учреждении семинарии и госпиталей». На его основании следовало устраивать при монастырях странноприимные дома, содержать в них бывших военных, «которые трудиться не могут», и прочих «прямых нищих... и устроить госпитали по регламенту»²⁵⁷. На женские монастыри возлагалась задача воспитания сирот обоюбого пола. Естественно, что подобные функции могли выполнять лишь крупные обители.

Заведение больниц, богаделен и воспитательных домов стало дополнительной нагрузкой для монастырей с целью «благотворительного служения». Например, Николаевский Гороховецкий монастырь получил распоряжение «московских отставных стрельцов...которые явятся в престарелых летах и увечные и работать ничего не могут», кормить в богадельне «безо всякого оскудения, а лишняго ничего не давать»²⁵⁸. Вдобавок в монастыри на содержание стали рассылаться отставные военнослужащие, раненые, а также умалишенные преступники²⁵⁹. Так, в Спасо-Евфимиев монастырь «для пропитания в монашескую дачю» в 1724 г. было прислано 14 солдат²⁶⁰, в Княгинин – 1 военнослужащий.

²⁵⁶ ГАВО. Ф. 568. Оп. 1. Д. 89. Л. 9.

²⁵⁷ ПСЗ – I. Т. VII: № 4450. С. 230–231; ПСЗ – I. Т. VI. № 4022. С. 714.

²⁵⁸ ГАВО. Ф. 573. Оп. 2. Д. 1. Л. 5.

²⁵⁹ Игум. Андроник (Трубачев), Бовкало А. А., Федоров В. А. Монастыри и монашество. 1700 – 1998 гг. // Православная энциклопедия. Русская православная церковь / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М. : Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2000. С. 326.

²⁶⁰ Описание актов собрания графа А. С. Уварова. С. 306.

Таким образом, в первой четверти XVIII в. по инициативе Петра I была начата крупномасштабная реформа, оказавшая значительное влияние на все стороны жизни Русской Православной Церкви. Преобразования коснулись как системы управления, так и материального положения и даже образа жизни духовенства. Основной целью реформ было ограничение самостоятельности Церкви, лишение ее прочной материальной базы, создание государственной церковности. Нельзя сводить петровские реформы только к ликвидации патриаршества. Частичная секуляризация духовных владений стала основой для окончательной ликвидации церковного землевладения в царствование Екатерины II. Петр I рассматривал монахов как людей праздных, живущих за счет других. Поэтому на монашество и духовенство в целом было возложено «благотворительное подвижничество» – попечение об отставных увечных военнослужащих, нищих, сиротах. Эта функция монастырей сохранялась и в последующие десятилетия.

2.3. Продолжение реформ при преемниках Петра I

После смерти Петра I Екатерина подтвердила и дополнила ограничительные меры по отношению к Русской Православной Церкви. Синод был подчинен Верховному Тайному совету. «Понижение» на лестнице государственных учреждений проявилось в изменении названия: вместо *Правительствующего* Синод стал называться *Духовным*. Манифестом 1726 г. его разделили на два «апартамента» – отдела. В первом состояло шесть архиереев, они решали все вопросы, связанные с вероисповеданием. Во втором – шесть светских чиновников. Этот отдел получил название Коллегии экономии. Ему поручалось управление церковными вотчинами²⁶¹. Постригать в монахи разрешалось лишь вдовых священников, остальные должны были получить разрешение от Синода. Ужесточилась борьба с бегством из монастырей. После поимки у монахов выясняли «*для чего бежал, и где в побеге бывал, и к кому приставал, и что делал...*». Затем беглецов следовало лишать монашества и ссылать в работы на сибирские заводы²⁶².

²⁶¹ ПСЗ – I. Т. VII. № 5034.

²⁶² Пономарев Д. Указ соч. С. 86.

В ходе борьбы придворных группировок у некоторых представителей старого русского духовенства появилась надежда на восстановление патриаршества. К 1727 г. монастырская реформа была приостановлена. Екатерина подписала указ, разрешавший *«маловотчинные и безвотчинные монастыри, которые питались своими трудами без жалованья... оставить на прежнем состоянии»*. Монахов, переселенных в «большие монастыри», следовало вернуть обратно и возратить изысканную церковную утварь и деньги²⁶³. При Петре II было разрешено увеличить число иноков в «малобратственных» монастырях. Некоторые из них оскудели до такой степени, что порой в них некому было проводить службы.

Феофан Прокопович

Однако эти послабления продолжались недолго. Последовательным защитником петровской церковной реформы был Феофан Прокопович, пользовавшийся огромным влиянием.

В 1730 г. на престол возшла Анна Иоанновна, племянница Петра I. Время ее правления рассматривается как один из самых сложных периодов в истории Церкви. В самом начале правления, в марте 1730 г., императрица возложила на Синод обязанность *«прилежное попечение иметь, дабы христиане Закон Божий сохраняли... и в праздники и в воскресные дни на службу Божию в церкви приходили... и во время службы в церквях благочиние сохраняли»*. В этом же указе, сохранившемся в Рождественском Богородицком монастыре в Боголюбове, напоминалось о необходимости *«училища учредить по Регламенту Духовному»*²⁶⁴. Указом от 5 октября 1730 г. подтверждался запрет на приобретение монастырями земель. Приобретенные в нарушение указа угодья отбирались²⁶⁵. Правда, в отдельных случаях правительство отступало от жестких ограничений. Так, в 1731 г. девичьему Федоровскому монастырю Переславля-Залесского были возвращены мельницы, рыбные ловли и пустоши «в определенное владение». Эта

²⁶³ ПСЗ – I. Т. VII. № 5005. С. 732.

²⁶⁴ ГАВО. Ф. 567. Оп. 2. Д. 6. Л. 1.

²⁶⁵ ПСЗ – I. Т. VIII. № 5633. С. 331.

передача произошла по требованию Сената вследствие катастрофического положения монастыря²⁶⁶. В целом Анна Иоанновна собиралась продолжать политику Петра I в отношении Церкви.

Одновременно следует отметить, что десятилетие 1730 – 1740 гг. характеризовалось активным политическим сыском, террором и казнями. Эти процессы затронули и духовенство. Священнослужителей могли вызвать в Тайную канцелярию, где их били плетью за «небытие у присяги» при воцарении Анны Иоанновны или за позднее ее принесение²⁶⁷. Детей священников и диаконов, кроме обучавшихся в духовных школах, брали в рекруты, записывали в подушный оклад. И впоследствии приходских священников могли лишить приходов по любому поводу, лишить сана и сдать в солдаты.

При Анне Иоанновне часто проводились так называемые разборы духовенства. При Петре I было установлено ограничение на количество священнослужителей. Это привело к тому, что члены семей духовных лиц считались «живущими в праздности» и стали привлекаться к выполнению разных государственных повинностей, прежде всего – к военной службе. Это и называлось «разборы». Кроме того, в указе Синода от 1732 г. «О устроении монашества» основное внимание обращалось на «неуказные» пострижения. Чтобы выявить «лишних» духовных лиц, правительство постоянно требовало проводить переписи и предоставлять ведомости о количестве монашествующих и приходского духовенства (включая их детей).

В 1732 г. была проведена перепись духовенства. В монастырях были подняты табели монашествующих, начиная с 1722 г. Их сверили с ведомостями 1732 г. и обнаружили, что вопреки указам Петра I постригали не только вдовых священников и отставных солдат, но и многих других. В частности, в Переславской епархии оказалось постриженных «не из указных чинов» 10 монахов и 24 монахини. В Суздальской епархии оказалось 3 незаконно посвященных дьякона²⁶⁸.

²⁶⁶ Милютин В. А. О недвижимых имуществах духовенства в России : Исследование Владимира Милютина. М. : Университет. тип., 1862. С. 532; ПСЗ – 1. Т. VIII. № 5686. С. 373.

²⁶⁷ Так, в 1730 г. был осужден воронежский архиепископ Лев (Юрлов). Его обвинили в том, что при получении известия о воцарении Анны Иоанновны он не отслужил торжественного молебна.

²⁶⁸ Титлинов Б. В. Указ. соч. С. 287, 291.

«Неуказный» постриг и начало русско-турецкой войны спровоцировали разборы священнослужителей. В сентябре 1736 г. правительство потребовало оставить при церквях только действительно служащих церковников в штатном количестве. Дополнительно разрешалось зарезервировать «с прибавкой» еще столько же человек для замещения убылых мест. Из оставшихся следовало «годных» направлять в военную службу. Остальные определялись в подушный оклад или в канцелярские «рассыльщики». Детей священнослужителей отдавали в подьячие, а малолетних – для обучения в духовных школах в ведомстве Синода²⁶⁹. В монастырях «незаконно» постриженных лишали монашеского звания. Тех, кто мог работать, забирали на принудительные работы на Урал и в Сибирь. Остальных просто изгоняли из обителей. К ответственности привлекали и настоятелей монастырей. Для них за «незаконный» постриг устанавливался штраф в 500 руб. из личных средств²⁷⁰.

В ответ на указ о разборах Суздальский епископ Афанасий сообщал в Синод, что в епархии не хватало священнослужителей даже для службы. По минимальному штату в церкви полагалось иметь по одному дьячку и пономарю. На 497 церквей Суздальской епархии требовалось 994 священнослужителя, столько же – для замещения «праздных» мест. По переписи 1732 г. в епархии было учтено *«церковного причта людей и их детей»* 2 595 человек, из которых 773 – дети до семи лет, 415 – от 7 до 15. В силу возраста они не могли исполнять обязанности причта, хотя в крайних случаях служили и дети младше 15 лет. В таких условиях епархии было не до разборов. При этом во Владимире во время рекрутского набора забирали «годных» в солдаты людей от 10 до 50 лет²⁷¹.

Кроме того, правительство требовало, чтобы при проведении переписи духовенству не сообщали ее истинного значения. Дети церковников до момента набора не должны были знать, что им уготована судьба рекрутов. Суздальский епископ снова писал в Синод, что во многих церквях *«церковников никого не имеется»*. На эти места можно было бы направить священнослужительских детей, живущих с родителями

²⁶⁹ ПСЗ – 1. Т. VIII. № 7070.

²⁷⁰ Знаменский П. В. Руководство к русской церковной истории. Казань : Университет. тип., 1876. С. 366 – 367.

²⁷¹ Титлинов Б. В. Указ. соч. С. 221, 242, 243.

в других местах. Однако для этого им надо сообщать о переводе и отправлять заранее «по зимнему пути». Деревенские священники сами вели свое хозяйство и им следовало на новом месте успеть подготовиться к пахоте. Указ запрещал сообщать «у присяги не бывшим» любую информацию.

Эти дела о «неприсягавших» занимали особое место при разборах духовенства. Напомним, что со времени Петра I священнослужители, как все чиновники государства, должны были присягать на верность главе государства. Некоторые представители духовенства по разным причинам этого не делали. Дети священников обычно не приносили присяги, так как еще не приступали к службе.

Указом 1735 г. запрещалось неприсягавших священников назначать на должности. Однако указ часто нарушался. В 1736 г. Синод учредил на местах особые комиссии из светских и духовных лиц для проведения расследования о неприсягавших священно- и церковнослужителях и их детях. Вопросы для допросов были составлены явно при участии Тайной канцелярии. Следствие интересовало, по каким причинам данный человек «не был у присяги в 1730 и 1731 годах»? Не было ли устного или письменного «злого наставления»? Не было ли к Её Императорскому Величеству какого недоброжелательства, и если было, то по какой причине? Действительной считалась присяга, принесенная не позднее полугода по получении указов о присяге и зафиксированная в специальных присяжных листах. Эти листы хранились у духовного начальства. Если сыну священника на момент присяги было больше 12 лет, он тоже был обязан присягать.

Распоряжением Тайной канцелярии 1737 г. предписывалось таких неприсягавших священнослужителей наказывать плетьюми и забирать в солдаты, даже если им было более 40 лет. Теперь Синод решился вступить за священников, так как кадров не хватало, и с мест поступало множество просьб разрешить посвящение не бывших у присяги. Епархиальное начальство на свой страх и риск иногда шло на нарушение распоряжений власти. На службу в церквях определяли грамотных, образованных священнослужителей, хотя и неприсягавших. Светские власти всячески этому препятствовали.

Во Владимирской епархии по «крайней нужде» предполагалось оставить 54 «неприсяжных» священника. Однако воевода Засецкий посчитал, что это слишком много. Было разрешено оставить только

18 человек для городских и уездных церквей, где из причта остались только малолетние и престарелые. В Суздале разбор неприсягавших грозил привести к настоящему кризису. Епископ Афанасий в третий раз обращался в Синод по вопросу церковных кадров. В его епархии при 13 церквях не было священников, при 73 – дьяконов, при 139 – дьячков, при 238 – пономарей, а при 5 церквях «ни попов, ни причетников». Некоторые церкви вообще находились «без всякого священнослужения». Прихожане писали, что *«многие люди помирают без покаяния и без причастия»*. Кроме того, жаловался Афанасий, многие грамоты не умеют, *«а которые умеют – zelo плохо... и надежды учиться нет, понеже за 30 и за 40 лет имеетя...такие все отданы в службу. А я, по силе Ея императорскаго величества запретительных указов, в попа, дьякона, в дьячка, пономаря из не бывших у присяги производить не смею»*²⁷².

Священнослужители всеми силами препятствовали наборам из своей среды. В указе императрицы от 7 сентября 1737 г. отмечалось, что *«при нынешнем военном времени в укомплектовании полков крайняя нужда»*. В то же время ответственные за «разбирание» детей духовенства *«самых лучших из них людей в штат пишут и под другими разными видами от службы кроют»*. Такими *«в праздности живущими людьми в поставке рекрут купечеству и крестьянству вспоможение учинить надлежит...»*.

После грозных предупреждений со стороны Кабинета министров Суздальская провинциальная канцелярия в 1738 г. отправила в рекруты 73 церковника, Юрьевская – 35 человек²⁷³.

В такой ситуации некоторые представители духовенства стремились покупать крепостных для отправки их на военную службу вместо родственников. Правительство не возражало. Можно было и просто откупиться. Стоимость одного рекрута (за каждого, подлежащего разбору) была назначена в 200 руб. и еще 30 руб. следовало выделить *«на жалованье им, на мундир и амуницию»*. В то время это было целое состояние, далеко не все могли себе позволить подобные траты. Во Владимирской провинции за время правления Анны Иоанновны известны всего три случая такого «откупа»²⁷⁴.

²⁷² Титлинов Б. В. Указ. соч. С. 230, 232.

²⁷³ Там же. С. 253.

²⁷⁴ Там же. С. 217.

В результате разбора к концу 1737 г. в солдаты из церковников и детей духовенства было взято 6557 человек²⁷⁵ со всего государства.

Разбор продолжался в ходе всей русско-турецкой войны. Ситуация становилась критической. Синод был завален жалобами о том, что церкви, особенно в отдаленных селах, стоят закрытыми, браки заключаются без венчания, отпевание усопших невозможно и т. д. Растущее недовольство населения могло стать опасным для верховной власти. Правительство постепенно пошло на уступки. В январе 1738 г. в указе Синоду Анна Иоанновна распорядилась во все церкви *«немедленно определить... людей добраго и непорочнаго жития»*, не требуя от них учености. Были возвращены на прежние места священнослужители, лишённые ранее сана за небытие у присяги²⁷⁶.

С 1739 г. Синод все активнее вставал на защиту духовенства. В специальном докладе для Кабинета министров были представлены сведения не от духовных, а от светских властей о взятых в солдаты церковниках. По сведениям Военной коллегии за период разборов 1736 – 1738 гг. из Суздальской провинциальной канцелярии было направлено в армию 260 лиц духовного звания, из Переславль-Залесской – 84, из Владимирской – 391²⁷⁷.

Свой вклад в преследование церковников вносила и Тайная канцелярия. Обстановка недоверия и поисков заговоров приводила ко всеобщей подозрительности. Многие лица предпочитали перестраховаться, произнося *«слово и дело государево»*²⁷⁸. Иногда «слово и дело» произносили и в нетрезвом состоянии. Так случилось в Спасо-Кукоцком монастыре в Суздальском уезде. Дьячок Петр Аверкиев во время утреннего пения закричал *«есть за мною дело государево!»* В результате на допросах пришлось побывать всем монахам²⁷⁹. В 1739 г. был

²⁷⁵ Доброклонский А. П. Руководство по истории русской церкви. М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2001. С. 555.

²⁷⁶ ПСЗ – I. № № 7734, 8040, 8199.

²⁷⁷ Титлинов Б. В. Указ. соч. С. 270.

²⁷⁸ «Слово и дело государево» – принятое в России XVII — XVIII вв. – условное выражение, произнесение которого свидетельствовало о намерении человека дать показания (донос) о государственном преступлении (оскорбление государя, злоумышление на государево здоровье, бунт). В XVIII в. даже члены семьи могли доносить друг на друга, опасаясь за свою жизнь в случае недонесения. Политические доноски сделали бичом того времени.

²⁷⁹ Малицкий Н. В. Спасо-Кукоцкий мужской монастырь // Н. В. Малицкий. Из прошлого Владимирской епархии. Вып. 3. С. 126 – 128.

отдан в солдаты иеродиакон Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Павел за ложное произнесение «слово и дело». Могли лишить сана и отдать в военную службу даже архимандритов. Такая участь постигла настоятеля Суздальского Васильевского монастыря Аарона²⁸⁰.

Только в 1740 г. Синод решился доложить правительству, что «монашество на Руси стоит на грани полного уничтожения»: в монастырях остались только старики *«прежнего пострижения.., а некоторые обители стоят совсем пустые»*. Тогда монастырям было дано право кроме вдового духовенства и отставных солдат постригать и тех желающих, *«которые от команд своих вольные паспорта имеют и никакими делами не обязаны»*. Позволено было принимать и помещичьих крестьян, получивших «свободный отпуск».

В 1740 г. были временно прекращены и разборы духовенства. После смерти императрицы правительство даже дало согласие на посвящение неприсягавших. Правда, их все равно наказывали либо плетьюми, либо денежным штрафом. Итогом десятилетнего правления Анны Иоанновны стало сокращение монашествующих на 40 %.

Сложным оставалось и материальное положение учреждений Церкви. Правительство поручило сбор недоимок с церковных вотчин воеводам и военным командам. Новые сборщики беспощадно занимались «правежом». Доходило до того, что у духовенства за недоимки удерживали установленное жалованье. Так, Муромский Троицкий девичий монастырь получал в год «из муромских таможенных доходов» 31 руб. 90 коп. на 44 человека²⁸¹.

По указу 1736 г. государство перестало выделять средства даже на починку монастырей и архиерейских домов. До этого распоряжения можно было использовать суммы, оставшиеся за определением. Теперь эти деньги отправлялись на дачу ружникам. На практике архиереи не могли использовать даже традиционные церковные сборы – с «венечных памятей»²⁸², «ставленные пошлины»²⁸³, епитрахильные и оранные пошлины²⁸⁴, богаделенные и др. Размер церковных сборов при заключении браков был установлен в конце XVII в. Владимирская духовная

²⁸⁰ Титлинов Б. В. Указ. соч. С. 318.

²⁸¹ ГАВО. Ф. 562. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 об.

²⁸² Венечная память – разрешение со стороны Церкви на заключение брака.

²⁸³ Взимались с духовных лиц, рукополагаемых в священники и диаконы.

²⁸⁴ Овдовевшие попы и диаконы не имели права служить, если не принимали постриг. Однако приполучении епитрахильной грамоты дозволялось служить литургию, но за это надо было ежегодно вносить определенную сумму.

консистория в первой половине XVIII в. подтвердила их величину: с первого брака – 12 коп., «полуторного» (если вдовец брал в жены девицу) – 18 коп., второго (если оба брачующихся были вдовцами) – 25 коп., третьего – 30 коп. Доходы одной церкви могли достигать 86 руб. в год, что для приходских священников было приличной суммой²⁸⁵. Поскольку государство распоряжалось этими ресурсами по своему усмотрению, церковным учреждениям вновь приходилось выпрашивать даже небольшие деньги на ремонт. Архимандрит Данилова монастыря из Переславля-Залесского безуспешно пытался выяснить у Кабинета, на какие средства ему приводить в порядок монастырские здания. В ответ кабинет-министры сообщили, что до установления штатов о ружниках этот вопрос решить невозможно²⁸⁶. Александровскому Суздальскому монастырю вообще пришлось *«собирать по верующим в городе Суздале и Суздальском уезде доброхотныя жертвы на покрытие церкви кровлею, на ладан, свечи и всякую церковную потребу»*²⁸⁷.

Восшествие на престол Елизаветы Петровны было встречено духовенством с большими надеждами, которые вскоре получили свое оправдание. 15 декабря 1740 г., через три недели после коронации, Елизавета издала указ о проведении широкой амнистии пострадавшим в царствование Анны Иоанновны политическим и церковным деятелям. Были освобождены из тюремных казематов и сибирской ссылки пострадавшие иерархи, настоятели монастырей и церковных приходов. Им были восстановлены их звания и должности. В отдельных случаях происходило частичное возвращение имущества. Так, в 1743 г. была отдана Вязниковскому Благовещенскому монастырю отобранная ранее мельница. Были подтверждены прежние жалованные грамоты на вотчины Гороховецкому Успенскому монастырю²⁸⁸.

В церковной среде снова появились надежды на возрождение утраченных Церковью позиций. Несколько членов Синода предложили императрице вернуться к патриаршеству и не допускать светских лиц к управлению делами Церкви. Однако Елизавета Петровна, объявившая, что будет соблюдать все законы Петра, не согласилась на такие изменения.

²⁸⁵ ГАВО. Ф. 556. Оп. 4. Д. 18. Л. 9 об. ; Пшеницын Д. А., Черкасова М. С. Вечные памяти, пошлины и записные книги XVI – XVIII вв. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 3(23). С. 53 – 54.

²⁸⁶ Титлинов Б. В. Указ. соч. С. 368.

²⁸⁷ Малицкий Н. В. Упраздненный Александровский монастырь в городе Суздале // Н. В. Малицкий. Из прошлого Владимирской епархии. Вып. 3. С. 61 – 62.

²⁸⁸ ПСЗ – I. Т. XI. №. 8740; ПСЗ – I. Т. XI. №. 9689.

Во время второй ревизии, начавшейся в 1744 г., производилась перепись не только податного населения, но и духовенства. Государство вновь начинало разбор священнослужителей. Было подтверждено распоряжение 1722 г. о штатах. Священно- и церковнослужителей сверх штата, а также «подозрительных» предписывалось записать по их выбору в подушный оклад при посадах, заводах или в военную службу. Духовенство всеми силами уклонялось от записи. Тогда специальным указом было разрешено переводить священников в крепостное состояние или насильно брать в солдаты²⁸⁹.

Вторая ревизия представила сведения о душевладении церковных учреждений. В ведении Владимирского архиерейского дома было учтено 7 899 душ м. п., в Переславском – 4 901, в Суздальском – 3 520. Во владении монастырей оставалось 27 922 души м. п. Самыми крупными душевладельцами, как и раньше, были Суздальский Спасо-Евфимиев и Покровский девичий монастыри²⁹⁰.

Проблема управления церковными имениями оставалась в центре внимания правительства. Канцелярия Синодального экономического правления, учрежденная в 1745 г., не повысила доходности духовных вотчин. Поэтому в 1757 г. Елизавета создала из членов Синода и светских лиц специальную Конференцию. Вновь встал вопрос о мерах *«к освобождению монашествующих от мирских попечений и к доставлению им свободы от трудностей при получении вотчинных доходов»*²⁹¹. «Доставление свободы» предусматривало передачу управления церковным имуществом отставным офицерам. Подобные намерения императрицы вызвали резко отрицательную реакцию духовенства. Не желая портить отношения с Церковью, Елизавета Петровна отказалась от реализации данного проекта.

Обременительной обязанностью для монастырей оставалось содержание престарелых и раненых солдат. Например, в 1763 г., накануне секуляризации, в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре было на пропитании 66 инвалидов, в том числе два секунд-майора, два капитана, пять поручиков, два подпоручика, три прапорщика, четыре каптенармуса, остальные – капралы и солдаты. В Спасо-Кукоцком монастыре (недалеко от Гавриловского посада) содержалось три человека.

²⁸⁹ Доброклонский А. П. Указ. соч. С. 356.

²⁹⁰ Милютин В. А. Указ. соч. С. 132, 140 – 152.

²⁹¹ Федоров В. А. Указ. соч. С. 163.

В Суздальский Покровский монастырь определили на пропитание 83 инвалида, в Переславский Данилов – 26 человек, в Переславский Никитский – 19 человек.

Содержание от монастырей предполагалось деньгами и натурой. Размер содержания определялся особыми государственными распоряжениями и зависел от чина инвалида. Так, в Спасо-Евфимиевом монастыре секунд-майор получал в год по 47 руб.²⁹², капитан – 33 руб., «отставной гвардии поручик» – 27 руб., подпоручики и прапорщики – по 17 руб., лейб-гвардии солдаты – по 11 руб., капралы – по 10 руб., каптенармусы – по 5 руб., простые солдаты – по 4 руб. Напомним, что одному иноку указом Мусина-Пушкина полагалось до 5 – 6 руб. и 5 четвертей хлеба в год.

В дополнение к этому женатые каптенармусы и простые солдаты получали по 6 четвертей ржи и по 3 четверика крупы, холостые – половину этого оклада. В 1763 г. последовало разъяснение о содержании женатых инвалидов: хлебное жалованье отменялось, если брак был заключен, когда инвалид уже был на содержании. Логика предельно проста: они своей женитьбой продемонстрировали, что *«в летах не престарелых и пришли в состояние своего здоровья»*²⁹³.

Между тем, содержание отставных военнослужащих создавало не только материальные проблемы. Казанский митрополит Сильвестр сообщал в Синод, что отставные в монастырях работать не желают, не слушают настоятелей, иноков бьют и «нагло ругают», самовольно берут монашескую пищу и напитки, используют монастырских лошадей в своих целях. В 1729 г. во время ссоры в Уфимском Успенском монастыре отставными были зарезаны игумен Иоаким и келейник. Вследствие этого многие старцы из монастырей уходили²⁹⁴. Видимо, в результате подобных жалоб во Владимирскую духовную консисторию пришло распоряжение о том, что «определенным на пропитание» жилью должны предоставлять провинциальные и воеводские канцелярии, а монастырям «жилье для отставных не давать»²⁹⁵.

В период правления Елизаветы Петровны на территории Владимирского края произошли некоторые церковно-административные

²⁹² Цифры даются с округлением без копеек.

²⁹³ ГАВО. Ф. 568. Оп. 1. Д. 119. Л. 28 ; Малицкий Н. В. Из прошлого Владимирской епархии. Владимир : Типо-литогр. В. А. Паркова, 1904. Вып. 1. С. 4 – 7.

²⁹⁴ Верховской П. В. Указ. соч. С. 319.

²⁹⁵ ГАВО. Ф. 568. Оп. 1. Д. 119. Л. 35.

изменения. В июне 1744 г. Святейший Синод пришел к выводу о необходимости разделения Московской епархии на несколько самостоятельных административных единиц. Причиной данного решения являлась слишком громоздкая структура епархии. В ней к середине XVIII в. насчитывалось около 5000 церквей и более 200 монастырей, многие из которых находились на большом расстоянии от Москвы. Управлять ими было очень неудобно. Поэтому было решено в наиболее крупных городах учредить самостоятельных епископов и передать им в управление часть церквей и монастырей. Так появились новые епархии.

В *Переславль-Залесскую* епархию вошли Александрова Слобода, Верея, Волок-Ламский, Дмитров, Можайск, Переславль-Залесский и Руза. Во главе епархии был поставлен архимандрит Свято-Троицкой Сергиевой лавры Арсений Могилянский, получивший титул архиепископа Переславского и Дмитровского. Местом его пребывания стал Горицкий монастырь, получивший статус кафедрального. *Владимирская епархия* включила в себя Арзамас, Балахну, Владимир, Вязники, Гороховец, Кинешму, Лух, Юрьевец-Повольский²⁹⁶, Ярополч. На территории епархии находилось 684 приходских церкви, 31 мужской монастырь и 14 девичьих. Главой епархии стал член Синода архимандрит Рождественского монастыря Платон с титулом епископ Владимирский и Арзамасский. Его резиденция находилась во Владимирском Рождественском монастыре. В *Суздальской епархии* к 40-м годам XVIII в. остались города Суздаль и Шуя, Юрьев-Польский, село Иваново, слобода Холуй. Несмотря на небольшую территорию, в епархии насчитывалось около 500 храмов и 40 монастырей. Муромская земля находилась под управлением рязанских епископов. В Муромском уезде в это время насчитывалось 138 церквей²⁹⁷.

В помощь епархиальным архиереям создавались специальные учреждения, которые указом от 9 июля 1744 г. стали называться *духовными консисториями*²⁹⁸. Консистория состояла из «присутствия» и канцелярии. Она напрямую подчинялась архиерею. В ее обязанности входило составление предварительных решений по всем церковным

²⁹⁶ Был передан из Суздальской епархии.

²⁹⁷ Покровский И. М. Русские епархии в XVI – XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. 2. (XVIII в.). Казань : Центр. тип., 1913. С. 105 – 106, 358, 369, 427.

²⁹⁸ В начале синодального периода они назывались то духовными приказами, то консисториями, дикастериями или духовными правлениями.

делам епархии. В консистории должно было входить 5 – 7 (возможно и более) членов. Их следовало избирать из числа архимандритов, игуменов, протоиереев, священников и утверждать по представлению архиерея в Синоде. В особой канцелярии велись дела консистории. Канцелярию возглавлял светский чиновник.

Разборы духовенства привели к тому, что даже для управления церковными учреждениями не хватало кадров, духовные лица были вынуждены совмещать свои обязанности. В 1763 г. Владимирская консистория жаловалась, что у нее *«присутствующих весьма мало... точию игумен да протопоп»*. Синод распорядился *«присутствовать во оной консистории той епархии Царе-Константиновскому архимандриту и Владимирской семинарии ректору Аврааму Флоринскому... при производстве дел особое смотрение иметь как ученому человеку»*²⁹⁹.

Консистории, в свою очередь, подчинялись *духовные правления*, которые выполняли функции низшей инстанции церковного суда, а также контролировали сбор различных церковных пошлин и доводили до священнослужителей приходских церквей архиерейские, синодальные и государственные указы, составляли ведомости о церквях и священнослужителях. Так, в 1756 г. Муромское духовное правление составило для Синода подробную ведомость о подвластных ему монастырях и церквях с указанием *«денежной и хлебной руги»*. Из 126 церквей «ружников» не было, а соборная церковь Рождества Богородицы ежегодно вносила в Муромскую воеводскую канцелярию за отданное в оброк озеро Беловицы 50 руб.³⁰⁰

Помощь архиерею в управлении отдельными частями епархии оказывали и *благочинные*. Еще в конце XVII в. патриарх Адриан написал «Инструкцию поповским благочинным смотрителям»³⁰¹. Создавались *благочиннические округа*, состоявшие из 10 – 15 приходов. Если приходов в округе было больше, благочинному назначался помощник. Обязанностью благочинного было два раза в год объехать свой округ и доложить архиерею о состоянии приходов. Каждый год благочинный составлял отчет – *клировые ведомости*. Примером подобного отчета может служить рапорт благочинного из Александровского уезда 1795 г.

²⁹⁹ ГАВО. Ф. 568. Оп. 1. Д. 119. Л. 25.

³⁰⁰ ГАВО. Ф. 562. Оп. 1. Д. 2. Л. 3 об.– 4.

³⁰¹ Она в 1775 г. была дополнена архиепископом Платоном (Левшиным), впоследствии московским митрополитом, и была издана Синодом как официальный документ.

Благочинный докладывал, что в селе Мишутино умер священник, вместо него назначен студент Суздальской семинарии Михаил Андреев («21 году, женат»). В приходе 92 двора, прихожан мужского и женского пола 911 человек. Дети умершего священника обучаются в Переяславском училище. Аналогичные сведения приводились по каждому приходу³⁰². Благодаря подобным отчетам архиерей имел полную информацию о состоянии дел в епархии.

Императрица Елизавета Петровна скончалась в декабре 1761 г., передав престол своему племяннику Карлу Петру Ульриху, коронованному под именем Петра III Федоровича. Сразу при восшествии на престол император сообщил о намерении сократить число икон в православных храмах. В феврале 1762 г. был подготовлен указ о передаче всех церковных земель и крестьян государству. Произшедший государственный переворот предотвратил эту передачу.

2.4. Секуляризация церковных имений во Владимирской губернии. Церковь во второй половине XVIII – первой половине XIX века

Екатерина II, придя к власти, отменила предписание Петра III об изъятии имуществ Церкви. Стремясь оправдать низложение законного императора, Екатерина специальным манифестом объявляла, что во время его правления создалась угроза православной Церкви³⁰³. В августе 1762 г. было издано постановление, возвращавшее церковные имения в управление духовным властям. Владимирская Духовная консистория получила соответствующий указ³⁰⁴. Однако одновременно с успокоительными заявлениями Екатерина начала серьезную подготовку к полной секуляризации церковных имений. Еще до восшествия на престол она говорила, что следует *«уважать веру, но никак не давать ей влиять на государственные дела»*³⁰⁵.

В ноябре 1762 г. императрица учредила особую Комиссию о церковных имениях из восьми человек (3 духовных и 5 светских). Ей предписывалось провести полный учет церковного имущества, выработать новые правила управления им. Вопрос об управлении встал,

³⁰² ГАВО. Ф. 556. Оп. 6. Д.9. Л. 3.

³⁰³ ПСЗ – I. Т. XVI. № 11582. С. 3.

³⁰⁴ ГАВО. Ф. 568. Оп. 1. Д. 119. Л. 17.

³⁰⁵ Собственноручные заметки Великой Княгини Екатерины Алексеевны // Сб. РИО. СПб. : Тип. Императ. Акад. Наук, 1871. Т. 7. С. 98.

в частности, и в связи с тем, что монастырские крестьяне постоянно жаловались на присылаемых в вотчины приказчиков, обвиняли их «в немалых взятках, побоях и прочих притеснениях». Кроме того, предполагалось составить новые штаты для монастырей, архиерейских домов и соборов, а также разработать план содержания богаделен и церковных учебных заведений.

Комиссия разослала на места обер-офицеров. Они вновь занялись описанием имущества архиерейских домов и монастырей. Для полного учета доходов и расходов во всех церковных учреждениях следовало завести специальные «*шнурозапечатанные*» книги «со скрепою и печатью консистории»³⁰⁶. В них по особой форме фиксировались приход, расход и годовой остаток от расходов. Для проверки сведений была учреждена Счетная экспедиция³⁰⁷. Указом от 12 мая 1763 г. «для управления доходами с церковных имений» восстанавливалась Коллегия Экономии³⁰⁸.

Манифест о секуляризации церковных имений от 26 февраля 1764 г. передавал в ведение Коллегии Экономии церковную недвижимость, приобретающуюся на протяжении столетий. Екатерина подчеркивала, что она совершенно не стремится ухудшить положение духовенства. Наоборот, «управление множеством деревень для архиерейских домов и монастырей при частой перемене властей тягостно», от этой тягости государство Церковь избавляет. Изъятию подлежали владения архиерейских домов, монастырей и приходских церквей. В результате секуляризационных мероприятий Церковь лишилась более 900 тыс. душ м. п., около 8,5 млн десятин земельных угодий и около 1,5 млн руб. годового дохода³⁰⁹. Небольшие участки для разведения садов, огородов и под пастбища (не более 9 десятин) все-таки были оставлены. Монастырские крестьяне также поступали под управление Коллегии Экономии. Теперь они назывались «экономическими» и стали одним из разрядов государственных крестьян. Отныне их переводили на оброк (1,5 руб. с души м. п.). Несколько облегчалось положение приходского духовенства. Храмы освобождались от части взносов на содержание епархиального архиерея. Количество монастырей в России значительно сокращалось. Уменьшалось и число монашествующих³¹⁰.

³⁰⁶ ГАВО. Ф. 568. Оп. 1. Д. 119. Л. 20.

³⁰⁷ ПСЗ – ПТ. XVI. № 11745. С. 147; Т. XVI. № 11789. С. 212; Т. XVI. № 11791. С. 219.

³⁰⁸ ПСЗ – ПТ. XVI. № 11814. С. 246.

³⁰⁹ Цыпин В. (прот.) Указ. соч. С. 115.

³¹⁰ ПСЗ – I. Т. XVI. № 12060. С. 549 – 569.

К началу проведения секуляризации в России (великорусских губерниях) было учтено 1052 монастыря. В ходе реформы упразднили 573, осталось 479 (в том числе 388 мужских монастырей и 91 женский). Все монастыри получали свое штатное расписание, в соответствии с которым и назначалось содержание. Штаты устанавливались не для всех. 195 обителей остались «за штатом». Государство слагало с себя обязанность по их содержанию, но разрешало продолжать деятельность. Им позволялось существовать за счет самостоятельной (самими иноками) обработки небольших участков земли и «приношений» верующих. 12 монастырей устанавливались как «приписные». Для каждого класса была определена численность монашествующих: для первого класса – до 33 иноков, второго – 17 и третьего – до 12 человек. Для каждого «классного» монастыря вводились годовые денежные оклады: по 2 017 руб. 50 коп. мужским обителям первого класса, по 1 311 руб. 90 коп. – для второго и по 806. руб. 30 коп. – для третьего; для женских монастырей соответственно 2 009 руб., 475 руб. 80 коп. и 375 руб. 60 коп.³¹¹

Во Владимирском крае к 1764 г. находилось 65 монастырей. Из них Рождественский монастырь во Владимире с 1744 г. был превращен в резиденцию Владимирского архиерея. После установления штатов два монастыря – Успенский Александровский и Покровский Суздальский – были определены как первоклассные. Шесть монастырей получили статус второклассных³¹², девять – третьеклассных³¹³, десять стали заштатными³¹⁴,

³¹¹ Федоров В. А. Указ. соч. С. 59.

³¹² Суздальский Спасо-Евфимиев, Суздальский Ризоположенский, Владимирский Успенский Княгинин, Волосовский Николаевский (Волосов – во имя святителя Николая чудотворца, в 17 км от Владимира и р. Колочки), Троицкий Данилов Переславский и Федоровский Переславский.

³¹³ Муромские – Спасский, Троицкий, Благовещенский; Юрьево-Польские – Архангельский Михайлов и Введенский Николаев, Козьмин Успенский Яхромский (недалеко от Юрьево-Польского при р. Яхrome); Никитский в Переславле-Залесском, Рождественский Богородицкий в Боголюбове и Николаевский Шартомский (в 13 верстах от Шуи).

³¹⁴ Благовещенский на Убогих Домах (Вязниковская слобода), Борковская Холуйская пустынь, Васильевский Кесарийский (Суздаль), Введенская Островская пустынь, Лукианова Рождественская Богородицкая пустынь (Александровский уезд), Николаевская Солбинская пустынь (Переславского уезда близ границы с Ярославской и Тверской губерниями на р. Сольбе), Успенская Золотниковская пустынь (недалеко от Иваново), Флорищева Успенская пустынь (на р. Лух Нижегородской губернии), Переславский Николаевский-на-Болоте монастырь и Николаевский Троицкий монастырь (Гороховец).

один – приписным³¹⁵ и тридцать шесть упразднены³¹⁶. Церквям упраздненных монастырей давался статус приходских церквей.

Упразднялись, как правило, монастыри, которые к моменту секуляризации пришли в упадок. Так, еще в 1748 г. игумен Покровского монастыря в селе Иваново писал, что в монастыре нет даже иеромонаха, и *«в моем отъезде церковь Божия стоит праздно, без пения»*. Хозяйственные постройки *«ветхи и ни к какому употреблению, кроме топления печей, на дрова, не годны»*. Когда в июне 1764 г. было предписано закрыть монастырь, граф Петр Борисович Шереметев, владелец села Иваново, попытался его отстоять. Он обращался и в консисторию, и в Синод, утверждая, что обитель была основана его тестем, прежним владельцем села князем Алексеем Михайловичем Черкасским. Петр Борисович обещал, что в дальнейшем будет содержать монастырь «на довольной руге». Однако Суздальский епископ Геннадий, ссылаясь на присланные штаты, распорядился монастырь закрыть³¹⁷.

Был закрыт и Борисоглебский Муромский монастырь. Его церкви в свое время были «строены вкладчиками и приходскими людьми», а кельи каждый монах строил «по желанию своему, из собственного кошта». Храм Бориса и Глеба был «учинен приходской церковью», а кельи проданы «с публичного торгу»³¹⁸.

Монашествующих в обителях Владимирской губернии было немного. Судя по ведомостям духовных правлений и консисторий, в Суздальском Покровском монастыре (первый класс) было 40 монахинь, в Суздальском Ризоположенском (второй класс) – 14. В Спасо-Евфимиевом монастыре на момент секуляризации (определен во второй класс) числилось всего 15 иноков и 35 послушников, в Архангельском Михайловом третьего класса (в Юрьеве-Польском) – 10 монахов, в Успенской Золотниковской пустыни (заштатный монастырь) – шесть человек³¹⁹.

³¹⁵ Свято-Троицкий Стефано-Махрицкий монастырь (с. Махра, Александровский уезд).

³¹⁶ Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи : с библиографическим указателем / сост. и изд. В. В. Зверинский. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°. Т. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. 1892. С. 1 – 30.

³¹⁷ Малицкий Н. В. Покровский мужской монастырь в селе Иваново // Н. В. Малицкий. Из прошлого Владимирской епархии. Вып. 3. С. 84, 87 – 91.

³¹⁸ ГАВО. Ф. 562. Оп. 1. Д. 16. Л. 3 ; ГАВО. Ф. 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

³¹⁹ ГАВО. Ф. 560. Оп. 2. Д. 78. Л. 8 – 11, 20, 25.

Монахи стали получать штатное жалованье. Духовенство, разумеется, было недовольно проведением секуляризации, но массовых протестов после расправы над митрополитом Арсением (Мацеевичем) не происходило³²⁰.

Епархии также были разделены на три класса «по благопристойности и достоинству санов». В соответствии с классами устанавливались оклады архиерейских домов. Владимирская (696 церквей), Переяславль-Залесская (613 церквей) и Суздальская (619 церквей) епархии были определены в третий класс. На содержание каждой епархии третьего класса устанавливалось в год по 4 232 руб.³²¹

Вслед за введением штатов было предписано для улучшения управления перераспределить по епархиям города с уездами исходя из близости к кафедральным городам. Долгое время Суздальский епископ Геннадий вел переписку с Синодом о разграничении Суздальской и Костромской епархий. Возникли споры между Переяславль-Залесской и Крутицкой епархиями по границе Можайского уезда. Довольно быстро решился вопрос о переводе из Владимирской в Рязанскую епархию ряда приходов Шацкого уезда³²².

Однако с проведением Екатериной II губернской реформы возникли новые проблемы. Границы губерний не совпадали с границами епархий. В частности, некоторые территории Владимирской губернии оказались в юрисдикции Переяславль-Залесской, Суздальской и Московской епархий. В то же время сама Владимирская епархия оказалась частично рассредоточена (кроме Владимирской) по Нижегородской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Саратовской губерниям. Одновременно отдельные духовные правления Владимирской епархии оказались в Нижегородской (Арзамас) и Тамбовской (Темников) губерниях, а во Владимирской губернии получилось три самостоятельных архиерея (Владимирский, Нижегородский и Тамбовский). Аналогичная ситуация складывалась с Суздальской и Переяславль-Залесской епархиями,

³²⁰ Арсений (Мацеевич) был Ростовским митрополитом. Он один из немногих осмелился выступить против проводимой реформы. В одном из его «Доношений» содержался намек, что даже татары у Церкви земли не отбирали. По приказу Екатерины его лишили митрополичьего сана и монашеского звания и сначала отправили в ссылку, а затем заточили в Ревельскую крепость. Императрица распорядилась «так содержать его, чтобы и караульные ... о сем его гнусном имени не знали». Мацеевич умер в темнице. – См.: Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. В 2 т. Т. 2. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. С. 392 – 412.

³²¹ Покровский И. М. Указ. соч. С. 435, 442, 444.

³²² Там же. С. 449 – 465.

которые вклинивались в Московскую, Смоленскую, Костромскую губернии³²³. Реформы Петра I фактически сделали Церковь частью государственного механизма, превратив священнослужителей в разновидность чиновничества. Поэтому церковные иерархи находились в подчинении и Святейшему Синоду, и светским властям на местах. Получалось, что для решения церковно-гражданских дел Владимирский архиерей должен был обращаться к семи губернаторам.

Впоследствии в 1788 г. границы епархий снова изменились. Владимирскую епархию присоединили к Суздальской, и епископ объединенной епархии стал называться Суздальским и Владимирским. Ему предписывалось жить в Суздале. Теперь епархия Суздальская и Владимирская полностью находилась на территории Владимирской губернии. Была упразднена и Переславль-Залесская епархия. Архиереи из упраздняемых епархий переводились во вновь открываемые епархии с кафедрами в губернских городах. Суздальский епископ был направлен в Харьков, Переславль-Залесский – в Пензу³²⁴.

Екатерина II так же, как и ее предшественники, потребовала собрать сведения о духовенстве для проведения нового разбора. В 1764 г. духовные правления представляли по запросу Синода сведения о приходских церквях. Духовные власти интересовало, прежде всего, количество прихожан (дворов в приходе) и наличие пашни и угодий. Например, в подробной ведомости Муромского Духовного правления содержались сведения о 102 приходских церквях и соборной церкви. В Муроме была соборная церковь Рождества Пресвятой Богородицы, ей принадлежали по второй ревизии 423 души м. п., пашня, мельница и рыбные ловли. В сельских приходах количество дворов колебалось от 15 до 280 (в с. Карачарово), но в основном приходы были небольшие. Было много безвотчинных церквей и погостов. Имелась и «пустая» церковь, при которой *«священно- и церковнослужителей многие годы не имеется»*³²⁵.

В 1768 г. было принято дополнительное положение о дьяконах. Если в приходе было три священника, в приход полагалось два дьякона. Соответственно при двух священниках – один дьякон, если священник один, то дьякона разрешалось оставить только в городах или в селах, где в приходе не менее 100 дворов³²⁶. Для этого и требовались ведомости о приходских церквях.

³²³ Покровский И. М. Указ. соч. Прил. II. С. 22 – 23; Прил. III. С. 26 – 34.

³²⁴ Там же. С. 548.

³²⁵ ГАВО. Ф. 562. Оп. 1. Д. 12. Л. 4 – 13.

³²⁶ Доброклонский А. П. Указ. соч. С. 556.

После проведения очередного учета в 1769 г. последовало распоряжение «О учинении священно-церковнослужителям с их детьми разбора». Не исключено, что его проведение подтолкнула начавшаяся в 1768 г. русско-турецкая война. Верховная власть обнаружила «излишество» священников. По новому разбору предполагалось забрать в армию половину всех церковнослужителей, не служащих в данный момент, а также церковных сторожей и их детей. Набору частично подлежали даже дети состоящих в данное время на службе священников в возрасте 15 – 40 лет. Исключение делалось только для учащих в школах³²⁷. В 1769 г. от Московского губернатора Ивана Ивановича Юшкова епархиальные власти Владимирской губернии получили предписание «написать в военную службу» детей священно- и церковнослужителей, сведения отправить в Московскую канцелярию³²⁸.

Новые приходские штаты 1778 г. значительно укрупнили приходы, автоматически сократив количество священников³²⁹. Уже в соответствии с этими штатами в 1784 г. был произведен новый разбор духовенства. Теперь «лишние» церковники и дети духовенства подлежали обязательной записи в купечество, цехи, в крестьянство или на военную службу³³⁰. Этими мерами правительство стремилось не только уменьшить расходы на содержание духовенства. Предполагалось привлечь детей священников в народные учителя или на гражданскую службу в канцелярии, появившиеся в большом количестве после проведения губернской реформы.

По новым штатам в объединенной Суздальской и Владимирской епархии числились 1 092 приходские церкви³³¹. К началу XIX в. количество церквей несколько сократилось. Всего во Владимирской губернии их осталось 1048, в том числе 2 бесприходных и 5 домовых, «в которых

³²⁷ ПСЗ – I. Т. XVIII. № 13236. С. 805.

³²⁸ ГАВО. Ф. 560. Оп. 2. Д. 65. Л.254, 271 об.

³²⁹ В приходах до 150 дворов полагался один священник, от 150 до 200 – два священника только в том случае, если там и раньше (издревле) было двое, а так два священника дозволялось ставить только на 250 – 300 дворов. Три священника допускались лишь там, где двое не справлялись.

³³⁰ ПСЗ – I. Т. XXII. № 15978. С. 95 – 97.

³³¹ Во Владимире было 22 церкви и 75 в округе, в Суздале – 29 и в округе 128, в Муроме 20 и 55, в Вязниках – 3 и 58, в Меленках – 1 и 49, в Переславле-Залесском – 24 и 95, в Юрьеве-Польском – 5 и 128, в Шуе – 5 и 56, в Судогде – 1 и 42, в Покрове – 1 и 39, в Коврове – 1 и 75, в Алесандрове – 3 и 83, в Киржаче – 2 и 58, в Гороховце – 3 и 37. См.: Покровский И. М. Указ. соч. С. 583.

причта быть не положено». Устройство домовых церквей производилось только по специальным разрешениям и при особых обстоятельствах. Так, в селе Юрьеве Шуйской округи в вотчине коллежского советника Ивана Алексеевича Мневского «*в покаях онаго господина*» была домовая церковь «*по причине слабого здоровья жены его*». Разрешение на открытие церкви давал Святейший Синод. Для проведения служб приходил сельский приходский священник. В селе Андреевском (вотчине Воронцовых) домовая церковь существовала с 1710 г. Благословение на ее устройство давал митрополит Рязанский и Муромский Стефан³³².

На протяжении XVIII в. в связи с введением штатов и попытками отрегулировать численность духовенства происходило постепенное обособление духовного сословия. Лиц податных сословий в приходское духовенство не поставляли, а дворяне на эти должности не претендовали вследствие их низкого статуса. Таким образом, естественным путем формировалось наследование рода деятельности.

Параллельно продолжала существовать издавна сложившаяся традиция выбора приходских священников самими прихожанами. Так, надворный советник Соломон Михайлов сын Марсов просил назначить в церковь Воскресения в селе Воскресенском в его вотчине «на праздное дьячковское место» сына дьячка одной из Суздальских церквей. Князь Сергей Васильевич Гагарин обращался в духовную консисторию с просьбой «отрешить» от обязанностей попа села Фетиньино за «*пребезмерное пьянство*». При этом он подчеркивал, что «приходские люди» прошения о поставлении на должность попа не подавали³³³.

С течением времени к концу XVIII – началу XIX в. преимущественное значение стало приобретать решение архиерея. При назначении на должность учитывались уровень образования, происхождение из среды духовенства, возможно, и пожелания прихожан. О требованиях, которые государство предъявляло к приходским священникам, можно судить по одному из протоколов Суздальской Духовной консистории. В 1769 г. рассматривался вопрос о замене «престарелого попа Алексея Степанова» в селе Зименки новым священнослужителем. В Суздальскую духовную консисторию была представлена полная информация о кандидате на вакантную должность. «*Дьячок Иван 35 лет, сын попа Луки Иванова с. Елюнина Суздальского уезда; в подушный*

³³² ГАВО. Ф. 556. Оп. 108. Д. 36. Л. 13.

³³³ ГАВО. Ф. 560. Оп. 2. Д. 65. Л. 97 – 98 об., 340 – 341.

оклад не положен; в дьячки определен и его преосвященством посвящен в 1762 г.; женат первым браком, жена – дочь попа Алексея; в воинских службах не бывал; в работу государеву не укреплен; на воровствах, на татьбах и разбоях не бывал и с воровскими людьми не знается; раскольнической прелести ни от кого не учивался и их не знает, а ежели впредь каковых потаенных раскольников увидит, доносить впредь где надлежит будет; крестное знамение на себе изображать будет тремя перстами; а одежду носить он будет приличную священному чину – кафтан и рясу долгию»³³⁴. Таким образом, при рассмотрении кандидатуры явно учитывались его статус (свобода от податного состояния), происхождение (из среды духовенства), моральный облик («на воровствах не бывал»), лояльность к власти («доносить где надлежит будет»), приверженность ортодоксальной церкви («крестное знамение ... тремя перстами»). Образование не упоминается. Архиреями поощрялся обычай передачи церковных мест детям церковнослужителей как бы по наследству. Даже за дочерьми священников места их отцов закреплялись как своеобразное приданое, поэтому и браки совершались преимущественно в священнической среде.

Дальнейшее отношение государства к Церкви развивалось в направлении, предложенном Петром I. «Государственная польза» требовала превращения монахов из тунеядцев в полезных членов общества, а священнослужителей – в обычных слуг государства, занимающихся также духовным воспитанием подданных. Наблюдалось некоторое смягчение государственной политики. В период правления Екатерины II было разрешено восстанавливать старые обители и устраивать новые (с разрешения Святейшего Синода). Значительно смягчилось законодательство в отношении монастырей при Павле I. До начала XIX в. было восстановлено 29 монастырей³³⁵. При этом государство тщательно следило, чтобы соблюдалось «штатное расписание». Речь шла не только о «лишних» (сверхштатных) монахах, но и о заполнении «убылых» мест. Так, по доношению в Суздальскую Духовную консисторию в Шартомском монастыре (Шуйский уезд) вместо умершего штатного иеромонаха Антония в «штатное число» был включен заштатный иеромонах Авраамий, «кой вовсе слеп, инога не имеется»³³⁶.

³³⁴ ГАВО. Ф. 560. Оп. 2. Д. 65. Л. 1251 об.

³³⁵ Федоров В. А. Указ. соч. С. 62.

³³⁶ ГАВО. Ф. 560. Оп. 2. Д. 65. Л. 20.

При Павле I каждому монастырю было отмежевано по 30 десятин выгонной земли, монастырям предоставлялась возможность строить мельницы и устраивать пруды для разведения рыбы. Штатное содержание монастырей было увеличено, ежегодное пособие по 300 руб. стало выплачиваться и заштатным монастырям. При Александре I монастыри получили право получать в дар ненаселенные земли и покупать небольшие участки. Николай I лично пожаловал монастырям различные угодья³³⁷.

Разборы духовенства продолжались, но гораздо реже. В первой половине XIX в. было всего три разбора. Забирали в солдаты, как и раньше, безместных священников, «подозрительных» церковников и «праздношатающихся» сыновей духовенства. Теперь разрешалось оставить при отцах по одному сыну для содержания в старости.

После временного ослабления иноческих традиций со второй четверти XVIII в. началось их постепенное возрождение. Вновь стал распространяться институт *старчества* – духовного наставничества. Старчество предполагало длительный опыт аскетической жизни наставника и беспрекословное послушание ученика. Старец мог быть наставником и для мирян, если они приходили к нему за советом.

В русских монастырях старчество стало распространяться благодаря деятельности старца Паисия (Петр Иванович Величковский). У него было много последователей. Они даже издали 24 тома его трудов под названием «Добротолубие». Одним из наиболее последовательных учеников Паисия был иеромонах Клеопа. В конце XVIII в. он перенес традиции старчества в Островскую Введенскую пустынь Владимирской епархии³³⁸.

2.5. Староверие и неправославные конфессии на территории Владимирской губернии

От XVII в. Русская Православная Церковь унаследовала непростую проблему – разделение Церкви на ортодоксальную (никонианскую) и старообрядческую (староверческую). Вековые религиозные традиции Руси объявлялись «еретичеством» и «грубыми заблуждениями», использование старых церковных обрядов воспрещалось под

³³⁷ ПСЗ – I. Т. XXIV. № 18273 ; Т. XXVIII. № 21785 ; Т. XXXI. № 24246 ; ПСЗ – 2. Т. XIII. № 11518.

³³⁸ Федоров В. А. Указ. соч. С. 62, 71.

угрозой наказания. Тех, кто не принял нововведения в Церкви, стали называть старообрядцами, или староверами. С точки зрения официальных церковных властей они были раскольниками. Это название было закреплено законодательно. Владимирская Духовная консистория получила соответствующий указ: *«чтоб раскольники... староверцами и скитниками не писались, а только одним званием раскольниками»*³³⁹.

На Большом московском Соборе в 1667 г. раскольники были преданы анафеме. После этого стало невозможным сосуществование староверов и реформаторов внутри единой Церкви. Старообрядцам оставалось либо смириться и признать реформы, либо полностью разорвать с официальной Церковью.

Староверы не прекращали сопротивляться проводимым преобразованиям. Радикальными формами протеста были самосожжения, добровольная смерть от голода, известные даже во второй половине XIX в.³⁴⁰ Подобные факты обрастали слухами и толками, что было невыгодно власти. Поэтому приходилось искать компромиссы. Государство опасалось, что раскольники способны на протест против проводимой политики, и стремилось заставить «непокорных» подчиниться, любой ценой вернуть их в лоно Православной Церкви.

Первые «сыски» раскольников на территории Владимирского края (в Вязниковском, Гороховецком, Суздальском, Шуйском уездах) были проведены во второй половине XVII в. В это время наряду со сторонниками «старой веры» было немало последователей учения монаха Капитона, начавшего свою деятельность еще задолго до раскола. Капитон считал, что профессионального духовенства быть не должно, следовательно, не должно быть и церковных властей³⁴¹.

С самого начала разделения Церкви на официальную и староверческую светская и духовная власти считали своей основной задачей «вразумление» и возвращение последователей старой веры на «путь истины». В случае обнаружения раскольников их отправляли в монастыри на перевоспитание. Так, в Суздальский Покровский монастырь были присланы десять человек, пойманные в Волоколамском уезде, а также несколько посадских людей Пскова³⁴². Старообрядцы долгое

³³⁹ ГАВО. Ф. 568. Оп. 1. Д. 65. Л. 11.

³⁴⁰ Христианство : энцикл. сл.: в 3 т. М. : 1993. Т. 1. С. 444.

³⁴¹ Шульгин В. С. «Капитоновщина» и ее место в расколе XVII в. // История СССР. 1969. № 4. С. 132.

³⁴² ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 368. Л. 34.

время надеялись, что власть вернется к «святой старине». Они даже предлагали проведение публичного диспута, надеясь переубедить оппонентов. Однако власти отвечали репрессиями.

Воздействовать на несогласных с официальной церковной политикой власть пыталась с помощью «пасторских увещаний», а также телесных наказаний, пыток, ссылки и смертной казни.

Со временем верховная власть изменила свою политику. Её целью стало не ликвидировать раскол, а остановить его распространение. Этот поворот связан с именем митрополита Суздальского Иллариона (1631 – 1707). Он был духовником сразу трех царей – Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, а затем и Петра I³⁴³. Митрополит утверждал, что силовые методы борьбы с раскольниками только увеличивают их авторитет в народе. Кроме того, Илларион справедливо заметил, что, высылая лидеров раскола на окраины страны, государственная власть сама создает новые центры старообрядчества. Поэтому раскольникам следовало разрешить селиться неподалеку от Москвы, но запретить привлекать к себе людей³⁴⁴.

Действительно, с начала XVIII в. отношение к старообрядцам несколько смягчилось. Стали применяться меры экономического воздействия. В 1705 г. вышел указ «О бритии бород и усов всякого чина людям, кроме попов и дьяконов». За право носить бороду следовало уплатить 50 руб. Впоследствии появилось предписание, чтобы «бородачи и раскольщики» носили специальную одежду³⁴⁵.

Власть использовала все возможные меры для «возвращения» отступников в официальную Церковь, в том числе авторитет отдельных священнослужителей. В 1722 г. указом Петра I Гороховец с уездом и дворцовая Ярополческая волость с Вязниковской слободой были приписаны к Нижегородской епархии. Целью данного мероприятия

³⁴³ Илларион, митрополит Суздальский // Христианство : энцикл. слов. : в 3 т. / редкол. С. С. Аверинцев (гл. ред.) [и др.]. М. : Большая рос. энцикл., 1995. Т. 1. С. 601.

³⁴⁴ Со времени появления раскола на территории Владимирского края преобладали два основных течения старообрядчества – поповцы и беспоповцы. *Беспоповцы* полагали, что в мире воцарился антихрист и истинное священство исчезло. Поэтому у приверженцев этого направления не было духовенства. В организациях беспоповцев сложился институт мирян-наставников, выполняющих функции духовных отцов. *Поповцы* признавали действительность священства духовенства, рукоположенного Государственной Церковью. Они стремились сохранить древнее православие на основании действующих гражданских законов.

³⁴⁵ ПСЗ – I. Т. IV. № 2015. С. 282 ; Т. VI. № 3944. С. 642.

была борьба с расколом. Во главе епархии находился архиепископ Питирим. Одно время он примыкал к расколу, был «расколоучителем». Однако впоследствии вернулся к господствующему православию и стал известен как ревностный обличитель раскола. За 19 лет своего правления Питирим вернул официальной Церкви более 80 тыс. человек. В Нижегородской епархии Гороховецкий уезд находился до 1726 г., но за это время в официальное вероисповедание было обращено 2 223 старообрядца, а в Вязниковской округе – 10 450³⁴⁶.

Экономическое давление на старообрядцев постепенно усиливалось. По указу 1716 г. полагалось староверов переписать и «положить их в оклад против настоящего платежа ... вдвое». Вносявшие двойной оклад могли открыто жить в селениях и городах «без всякого сомнения и страха».

Дела о «записи в раскол» рассматривались в Святейшем Синоде. Суздальский епископ Варлаам в июне 1721 г. представил в Синод две ведомости – «имянные росписи» купечества г. Шуи (9 семейств) и села Дунилова (11 семейств), пожелавшего «веру иметь по старопечатным московским книгам». Все записавшиеся обязались платить двойной оклад³⁴⁷. Владимирская и Суздальская Духовные консистории решали вопросы о взыскании с находящихся в расколе «мужеска и женска пола разного звания людей двойного оклада», о записи в двойной раскольничий оклад крестьянских и купеческих семей в связи с уходом их из православия и др.³⁴⁸ В соответствии с указом 1732 г. оклад с «записавшихся в раскол» купцов стал исчисляться с объявленного капитала.

Происходили и обратные переходы – из староверия в официальную церковь. В 1769 г. Суздальская консистория сообщала, что несколько крестьянских семей Юрьевского уезда «правоверную веру совершенно познали» и из двойного оклада исключены³⁴⁹.

Однако полностью выявить всех староверов было невозможно. В Вязниках, одном из признанных центров раскола, по четвертой ревизии было учтено всего 30 «записных раскольников» из 657 купцов³⁵⁰,

³⁴⁶ История религий во Владимирском крае (досоветский период) : монография / А. И. Анкудинов [и др.]. Владимир : Шерлок-Пресс, 2017. С. 106.

³⁴⁷ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. I. СПб., 1868. Ст. 488.

³⁴⁸ Там же. С. 76.

³⁴⁹ ГАВО. Ф. 560. Оп. 2. Д. 65. Л. 3 об., 6 об.

³⁵⁰ ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 104. Л. 150 об.

хотя многие представители купечества находились в оппозиции официальной Церкви. Исследователи полагают, что «потайных раскольников» было намного больше, чем «записных». Они жили, «переходя по городам и селам». И впоследствии Владимирская консистория получила предписание о «*доставлении два раза в год сведений о старообрядцах Владимирской губернии*»³⁵¹.

Преследования староверов после их «описания» и легализации не прекратились. Дополнительной мерой для выявления раскольников было предписание «всем и каждому» ходить на исповедь «повсюгодно». О тех, кто не приходил на исповедь, священнослужители должны были доносить «гражданскому начальству»³⁵². Описи дел Владимирской Духовной консистории ежегодно фиксировали отчеты настоятелей храмов о не пришедших на исповедь жителях сел и деревень. Учет раскольников становился повседневной функцией официальной церкви. В 1725 г. была создана особая раскольничья контора, в которую перешли административно-полицейские дела. В первой половине XIX в. для Святейшего Синода по каждому городу и уезду губернии были разработаны подробные таблицы, где следовало указать количество душ раскольников «по разным их толкам»³⁵³.

В 1736 – 1741 гг. производился самый масштабный сыск первой половины XVIII в., затронувший весь Владимирский край³⁵⁴. Дело возникло по доносу Василия Кореннова, происходившего из старообрядческой семьи, уроженца Вязников. В 1716 – 1718 гг. он служил приказчиком у вязниковского купца-старообрядца К. Морозова, имевшего постоянные контакты с заонежскими старцами. Двое из этих старцев – К. Максимов и П. Мстёрский – постоянно бывали в Вязниках. Во многом благодаря им здесь утвердилась беспоповщина³⁵⁵.

³⁵¹ Хронологическая опись дел... С. 38 ; ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1593. Л. 1 ; ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1754. Л. 3.

³⁵² ПСЗ – I. Т. V. № 2991. С. 196;

³⁵³ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1686. Л. 3 – 5.

³⁵⁴ Сыроежкина Л. Н. Становление текстильных предприятий фабрикантов Морозовых в Орехово-Зуеве (конец XVIII – XIX вв.) // Купцы Морозовы – российские предприниматели и меценаты. (Юбилейные Морозовские чтения 20 – 22 февр. 1997 г.) : тез. докл. и выступлений науч.-практ. конф. Орехово-Зуево : РИО Упрполитграфиздата Администрации Московской области, 1997.

³⁵⁵ Беспоповцами были многие ведущие вязниковские купеческие роды: Горшковы, Захаровские, Климовы, Кондаковы, Коряковцевы, Котельниковы, Малешины, Слугины, Рукавшниковы, Халевины, Хилковы и др.

В. Кореннов полагал, что необходимо «за крест и за свою старую веру страдать в настоящее время гонимое». Он не считал Петра I антихристом, и с этого начались разногласия со старцами. Возможно, поэтому приказчик решил сделать донос на местных старообрядцев игумену Благовещенского монастыря Иосифу. Так в 1735 г. началось дело против староверов Вязниковского края. В ходе сыска было осуждено более 100 человек, а само дело растянулось на пять лет.

Постоянные гонения со стороны правительства вынуждали староверов консолидироваться, поддерживать друг друга. В условиях государственного прессинга старообрядцы не только сохранили свою веру, но и проявили заметную экономическую предприимчивость. Во Владимирской губернии были промышленные предприятия, принадлежавшие купцам-раскольникам. Эти заведения представляли собой нечто похожее на религиозные общины.

Одним из первых подобных заведений стала основанная в 1755 г. полотняная фабрика шуйского старообрядца Я. Игумнова³⁵⁶. Он был исключительно влиятельным в городе человеком. Только этим можно объяснить тот скандальный факт, что в дом этого «записного раскольника» по его просьбе была доставлена из собора чудотворная икона Смоленской Пресвятой Богородицы. Духовная консистория тщательно разбирала это событие³⁵⁷. В «потаенном расколе» был заподозрен известный промышленник Аким Мальцов. Мастер стекольной мануфактуры в своем доносе утверждал, что в доме Мальцова при заводе «устроена особая молельня». Был произведен обыск, в ходе которого было «вынуто святых мощей разных частиц с лишком до шестидесяти» и более пятидесяти старопечатных книг. Их впоследствии «неведомо почему» вернули хозяину. Основное обвинение состояло в том, что известный промышленник заставлял работавших у него на заводе людей «молиться по его, Мальцова, обычаю», т. е. принуждал их к расколу. Дело тянулось около трех лет, но никаких реальных последствий не имело — деньги промышленника помогли прекратить расследование³⁵⁸.

³⁵⁶ Борисов В. А. Описание города Шуи и его окрестностей. М., 1851. С. 66.

³⁵⁷ Хронологическая опись дел... С. 25 – 26.

³⁵⁸ Гавлин М. Л. Российские предприниматели и меценаты. М., 2005. С. 233 – 234 ; Малиновский И. В. Потаенный раскол содержателя Гусевской хрустальной фабрики близ села Селимова Владимирской губернии купца Якима Васильева Мальцова (1761 – 1763 гг.) // Труды владимирской Ученой архивной комиссии. Кн. V. Владимир, 1903. С. 213 – 221.

К староверам часто принадлежали «капиталисты» крестьяне, впоследствии становившиеся купцами³⁵⁹. В Иваново «столпом раскола» был признан крупнейший фабрикант конца XVIII в., бывший крепостной Ефим Грачев³⁶⁰. М. Гарелин, представитель еще одной крупной предпринимательской фамилии, выделил землю для строительства каменной старообрядческой молельной в селе Дунилово (Шуйский уезд). Известным лидером раскольников в начале XIX в. был Семен Балин (Дунилово)³⁶¹. В целом во Владимирской губернии во второй половине XVIII – начале XIX в. насчитывалось около 40 предпринимательских династий старообрядческого происхождения³⁶².

Староверы не могли занимать даже самые низшие административные должности, так как церемония присяги включала в себя церковный обряд целования креста. Получалось, что горожане-староверы автоматически освобождались от основных городских повинностей. Это вызывало справедливое негодование предпринимателей – приверженцев ортодоксальной Церкви. Они были вынуждены отбывать повинности и за себя, и за старообрядцев.

Это было серьезной проблемой. Не случайно вопрос о староверии звучал в городских депутатских наказах в Уложенную комиссию. Представители Вязниковской слободы прямо указывали, что причиной смены веры было желание *«под покровом раскола не отправлять службы и свободнее исправлять свои торги»*. Особое возмущение вызывал тот факт, что «в раскол» записывались состоятельные купцы. Поэтому в наказах Вязниковской слободы, Шуи, а также городов Зарайска и Ржева высказывалось требование о распространении на старообрядцев обязанности отбывать все городские повинности в полном

³⁵⁹ Экземплярский П. М. История города Иваново. Иваново, 1958. С. 79.

³⁶⁰ Полянский Ф. Я. Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958. С. 81.

³⁶¹ Венедиктова Т. Балины // Былое. 1996. № 8. С. 8.

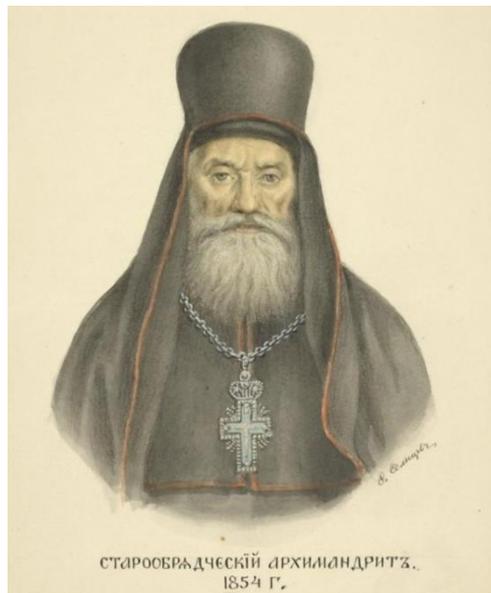
³⁶² Крупным представителем владимирского старообрядчества был владелец фарфоро-фаянсовых предприятий Яков Васильевич Кузнецов. На рубеже XVIII – XIX вв. он вместе с сыновьями построил у деревни Гжель небольшой фарфоровый завод, а в 1832 г. у деревни Дулево Покровского уезда Владимирской губернии построил еще одно предприятие. Знаменитая династия текстильных предпринимателей Бурылиных известна с начала XVIII в. Один из них – Дмитрий Геннадьевич Бурылин (1852 – 1924) – впоследствии стал известным меценатом, создателем музея, посвященного истории Владимирского края. Главным сокровищем коллекции Д. Г. Бурылина были образцы ивановских и владимирских ситцев (так называемый текстильный фонд, сохранивший свое значение до настоящего времени), а также уникальное собрание русского фарфора и фаянса первой половины XIX в. См.: История религий во Владимирском крае... С. 81 – 83.

объеме³⁶³. Самое радикальное предложение внесли жители Ярославля: вообще запретить раскольникам заниматься всеми видами предпринимательства. Ущемление прав старообрядцев проявлялось и в требовании ряда архиереев о крещении детей раскольников по обрядам никоианской церкви³⁶⁴. Сами староверы обращались с просьбой разрешить им «*отправлять вечернее и утреннее пение по старопечатным московским книгам*»³⁶⁵.

Государство пыталось решить вопрос о возвращении бежавших за границу раскольников. Им для поселения отводились земли в Новороссии и Поволжье. Указом 1762 г. всем вернувшимся старообрядцам предоставлялось право записи в купечество (при наличии соответствующего капитала) независимо от прежнего состояния.

Экономическое давление со стороны государства долгое время оставалось неизменным. Только указом Екатерины II от 20 июля 1782 г. старообрядцы были освобождены от двойного налогообложения³⁶⁶. С 1783 г. было запрещено употреблять термин «раскольник» – его официально заменяли словом «старообрядец»³⁶⁷. С 80-х гг. XVIII в. в России даже разрешили открывать храмы и монастыри, в которых священникам позволялось вести службы по старым обрядам.

Законодательные акты не могли сразу кардинально изменить взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви со староверами. На протяжении двух с половиной столетий светская власть неоднократно переходила от политики репрессий к некоторому либерализму, а затем – снова к давлению и ущемлению обычных гражданских прав старообрядцев. Позиция официальной церкви была более прямолинейной, менее склонной к компромиссам.

Старообрядческий архимандрит

³⁶³ Сб. РИО. Т. 93. С. 420, 441, 542 – 544.

³⁶⁴ Сб. РИО. Т. 93. С. 343, 366, 420.

³⁶⁵ Сб. РИО. Т. 107. С. 35.

³⁶⁶ ПСЗ – I. Т. XXI. № 15437.

³⁶⁷ Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Святейшего Синода. Кн. I. СПб., 1860. С. 710 – 723.

В 1800 г. крестьяне Гороховецкого, Вязниковского и Шуйского уездов обратились во Владимирское губернское правление с прошением, в котором просили защитить их «от притеснения священнического». Вопреки всем постановлениям и указам священники ортодоксальной церкви принуждали староверов «ходить к исповеди», заходили «в дома незваны», «налагали денежные сборы»³⁶⁸. Документы Владимирской, Переславской, Суздальской консисторий, Владимирского губернского правления свидетельствуют о многочисленных запрещениях устройства старообрядческих молелен. Священников наказывали за совершение обряда венчания «записных раскольников» или староверов с православными³⁶⁹. Периодически ставились препятствия к отведению земель для старообрядческих кладбищ³⁷⁰.

Вместе с тем отношение к старообрядчеству со стороны населения и рядового духовенства было далеко не однозначным. Известны случаи, когда священнослужители и через 100 – 200 лет после раскола примыкали к староверию, хотя и подвергались за это различным наказаниям. Среди «заточников» Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря было много «беглых попов», чья вина состояла в «уклонении в раскол». Некоторые священнослужители, сохраняя приверженность официальной Церкви, проявляли определенную лояльность к раскольникам. Известны случаи, когда они не только венчали старообрядцев, но и фиксировали эти браки «в обысках правоверными». В Гороховце сразу три священника в середине XIX в. были обвинены в выдаче «купцам и купчихам “неправильных” свидетельств о православии»³⁷¹.

Важные изменения в положении старообрядчества произошли после утверждения Павлом I 27 октября 1800 г. так называемого Единоверия³⁷².

Основой для законодательного введения Единоверия стало поданное императору прошение некоторых московских старообрядцев, выдвинувших ряд предложений об «отправлении службы Божией по старопечатным книгам»³⁷³. Митрополит Московский Платон написал

³⁶⁸ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 742. Л. 3–3 об.

³⁶⁹ Хронологическая опись дел ... С. 8, 11, 15, 24, 34, 36, 39, 69.

³⁷⁰ Там же. С. 43, 44, 50, 56.

³⁷¹ Там же. С. 36, 38, 44, 106, 272, 276.

³⁷² ПСЗ – I. Т. XXVI. № 19621. С. 357.

³⁷³ Киприянова Н. В. Экономические и социокультурные аспекты церковного раскола (по материалам Владимирской губернии) // Вестник МГОУ: история и политические науки. 2009. № 4. С. 15.

к прошению староверов комментарии. В результате получился документ, который назвали «16 пунктов преосвященного Платона митрополита Московского». Святейший Синод издал указ о том, что «*приемших и согласившихся*» больше не следует называть старообрядцами или раскольниками, ибо «*в Церкви ничего нового нет, и нет новообрядцев, а называть их ... единоверцами*»³⁷⁴. Единоверцы получили право совершать богослужения по старопечатным, дониконианским книгам, если они подчинялись Православной Церкви и принимали священнослужителей от православных архиереев³⁷⁵.

Данный компромисс позволял староверам сохранить свои обычаи и обряды, а государство получило возможность частично контролировать старообрядцев. Однако внедрение Единоверия происходило не так успешно, как этого желали власти. Значительная часть староверов не собиралась подчиняться господствующей Церкви даже на условиях «16 пунктов». В частности, в селе Дунилово Шуйского уезда возникла группа староверов – сторонников Единоверия (их лидером стал купец С. Балин) и тех, кто бескомпромиссно стремился сохранить приверженность «старой вере»³⁷⁶.

Власти поддерживали единоверцев. В 1820 г. Владимирская духовная консистория рассматривала вопрос «*о дозволении построить в с. Дунилове единоверческую церковь*». Первоначально церковь размещалась в бывшей старообрядческой часовне. В 1821 г. был открыт единоверческий приход, к которому приписались около 200 бывших староверов не только из Дунилова, но и Шуи, Кохмы, Иванова. Московская купчиха Евфимия Каретникова выделила средства на постройку пятиглавой каменной Успенской единоверческой церкви, которая была освящена в 1831 г. Церковным старостой единодушно избрали Семена Балина³⁷⁷.

Впоследствии Единоверческая церковь появилась и в селе Иваново. Деньги на ее постройку предоставил бывший старообрядец Диодор Бурылин, родоначальник известной династии текстильных фабрикантов³⁷⁸. В 30 – 50-е гг. XIX в. были открыты Дубасовский единоверческий приход в Судогодском уезде и приход во Мстёре Вязниковского уезда³⁷⁹.

³⁷⁴ Старообрядчество: светское и церковное законодательство. XVII – XVIII вв. Арзамас, 2001. С. 170.

³⁷⁵ Иванов Ю. А. Шуйские раскольники. Шуя, 1997. С. 12 – 13.

³⁷⁶ Там же. С. 13.

³⁷⁷ Хронологическая опись дел... С. 54, 80.

³⁷⁸ Иванов Ю. А. Указ. соч. С. 14.

³⁷⁹ Борисов В. В. Роль единоверцев в истории слободы Мстера Вязниковского уезда // Известные и неизвестные события и имена в истории и культуре владимирской земли : материалы обл. краевед. конф. (18 апр. 2003 г.). Владимир, 2003. С. 93.

Присоединение старообрядцев к Синодальной церкви происходило медленно. По данным Владимирской духовной консистории, в конце XVIII – первой четверти XIX в. сменили веру купцы И. Горбунов (Переславль), Н. Хилков (Вязники), В. Андреев и «купецкая дочь» К. Зезина (Покров), М. Игумнов. И. Корнаухов, У. А. Фролова, В. Иванов «с семейством» (Шуя)³⁸⁰.

С началом правления Николая I были отменены послабления раскольникам. В 1826 г. по уездам поступило предписание министра внутренних дел «*О доставлении сведений о старообрядческих часовнях, молельнях и других сего рода заведениях, по Владимирской губернии существующих*». Местные духовные власти были обязаны ежегодно предоставлять отчеты о количестве раскольников различных течений, о раскольнических кладбищах, молельнях и преступлениях, совершенных раскольниками. «Преступления» – это уход в раскол, «сворачивание» в раскол и захоронения по старому обычаю³⁸¹. Старообрядческие церкви стали передаваться единоверцам. Значительно ужесточились меры по отношению к беглым священникам. Чтобы искоренить «раскол», правительство потребовало с 1838 г. крестить детей староверов по православному обряду. С родителей требовали письменное обещание, что они не будут препятствовать воспитанию своих детей в официальной Церкви. Тем не менее отказы в выдаче таких расписок известны в Суздале, Муроме, Коврове, Юрьеве-Польском. Религиозное воспитание собственных детей в подобных случаях могло рассматриваться как «сворачивание в раскол».

Правительство стремилось остановить малейшие попытки воздействия на сознание детей со стороны старообрядцев. В делах Владимирской духовной консистории сохранилось сообщение директора училищ Владимирской губернии «*об изгнании из городов и сел самозванцев-учителей невежд раскольников*»³⁸². При этом государство не стеснялось обременять Православную Церковь чисто полицейскими функциями. Владимирский губернатор В. Е. Анненков в 1854 г. потребовал от епископа Владимирского и Суздальского Иустина «*тщательно разведывать через местное духовенство, не обучают ли грамоте детей раскольники и раскольницы*». После этого в Консисторию

³⁸⁰ Хронологическая опись дел... С. 8, 14, 29, 64.

³⁸¹ История религий во Владимирском крае... С. 88.

³⁸² Хронологическая опись дел... С. 45, 126, 173, 181, 262.

начали поступать сообщения благочинных из Вязников, Коврова, Судогды, Переславля, Гороховца, Покрова, Шуи, села Иваново о мещанах, «состоящих в расколе и обучающих грамоте» детей городских жителей³⁸³. Доходило до того, что священники ходили «*по улицам и подслушивали под окнами, не читают ли где дети вслух*»³⁸⁴.

Все перечисленные методы неявного принуждения не привели к необходимым результатам. Тогда правительство решило нанести удар по наиболее состоятельной части староверов – купцам. Было объявлено, что с 1 января 1855 г. они не могут получить торговое свидетельство и вести предпринимательскую деятельность. Это вызвало громадный переполох в среде старообрядцев – промышленников и торговцев. Их реакцию можно проследить по делам из архива Владимирской духовной консистории.

В декабре 1854 г. вышло секретное постановление Владимирской Казенной палаты. Ссылаясь на циркулярное письмо министра финансов, палата предписывала, чтобы городские думы при регистрации объявляемых купцами капиталов требовали свидетельства о принадлежности к Русской Православной Церкви. Время было выбрано не случайно: 31 декабря – последний день объявления капиталов для записи в гильдии на следующий год. Свидетельствами о принадлежности к Русской Православной Церкви могли быть выписки из метрических книг (отметка о крещении) или исповедных книг (присутствие на исповеди)³⁸⁵. Выдавать их имела право только Духовная консистория.

Духовная консистория, в свою очередь, отправила секретные предписания по всем городам Владимирской губернии. Следовало «*разведать, не записаны ли в купечество на 1855 г. явные или потаенные раскольники*»³⁸⁶. Городские думы тринадцати уездных городов Владимирской губернии, а также ратуши Гавриловского и Вознесенского посадов прислали в Консисторию списки лиц, объявивших гильдейский капитал на 1855 г. В списках дополнительно указывалось, в приходе какой церкви состоял тот или иной человек. Всего по губернии на 31 декабря 1854 г. объявили купеческий капитал 1 344 человека, в том числе 40 человек – единоверцы³⁸⁷.

³⁸³ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1567. Л. 1, 2, 8 – 39, 46 – 62.

³⁸⁴ Иванов Ю. А. Указ. соч. С. 19.

³⁸⁵ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1568. Л. 1 – 2.

³⁸⁶ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1568. Л. 9 – 9 об.

³⁸⁷ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1568. Л. 183 – 254.

Для большей части купечества переход в Единоверие был вынужденным как ответ на очередной натиск государства. В качестве доказательства можно отметить заявления (прошения) предпринимателей о присоединении из раскола к Единоверческой церкви, датированные декабрем 1854 г.

Показательно дело владимирского купца Петра Никифоровича Бузина. Начало дела относится к 13 декабря 1854 г. Иустин, епископ Владимирский и Суздальский, в письме военному и гражданскому губернатору В. Е. Анненкову сообщал, что в г. Владимире на Нижегородской улице напротив архиерейского дома купец, *«раскольник беспоповщинской секты»*, содержит в своем доме молельню. К нему приезжали раскольники из разных мест для совершения обрядов. Более того, Бузин *«слывет даже между раскольниками под именем диакона»*. Далее Иустин просил разрешения на уничтожение молельни и изъятие раскольнических книг, *«вредных для православия»*.

15 декабря в доме Бузина был произведен внезапный обыск. Результаты обыска прямых доказательств принадлежности Бузина к расколу не дали. Были обнаружены иконы *«старинной живописи в обыкновенной киоте»*. Хозяева (П. Н. Бузин с женой и двое его женатых сыновей) проживали в четырех маленьких комнатах. Возможности сборищ раскольников для совершения обрядов не было. Во-первых, часть комнат сдавалась внаем разным людям. Во-вторых, на расстоянии не более десяти сажен от дома находилась полицейская часть. Более того, опросы соседей показали, что П. Н. Бузин и члены его семьи регулярно посещали церковные службы. Распространением же *«неосновательных слухов»* о незаконной молельной занимался купец Зубков, который *«издавна имел личное неудовольствие и вражду»* к Бузину³⁸⁸.

Во время обыска в чулане между всяким домашним хламом в пыли было найдено несколько изорванных книг *«славянского письма на манер печатных»*, а также книги *«духовного содержания, но не пропущенные духовной цензурой»*. Бузин утверждал, что приобрел их на базаре у неизвестных крестьян. Книги внимательно изучили в Духовной консистории, ничего *«оскорбительного для Православной Церкви»* в них не обнаружили и вернули хозяину³⁸⁹.

³⁸⁸ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1637. Л. 1 – 4 об.

³⁸⁹ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1637. Л. 6 – 6 об.

Инцидент можно было бы рассматривать как оригинальный способ борьбы с конкурентами, но история получила неожиданное продолжение. 18 декабря Петр Никифорович Бузин подал в Духовную консисторию прошение, в котором сообщал, что с *«давнего времени родители его держали раскол»*, и сам он с детьми никогда не бывал на исповеди. В настоящее же время вся семья имеет *«твердое намерение быть в Православии»*, поэтому просит разрешить *«присоединиться к Единоверческой Дубасовской церкви Судогодского уезда»*³⁹⁰. Следовательно, соседи, сообщавшие полиции, что Бузины регулярно посещали церковь, просто покрывали старообрядца.

Всего в декабре 1854 г. от купцов Владимирской губернии было подано восемнадцать прошений о переходе в Единоверческую церковь. Некоторым предпринимателям было 65 и даже 79 лет. Обосновывали этот поступок купцы одинаково: *«на увещевании познав гибельность раскола»*, *«удостоверясь в справедливости христианских обрядов»*, *«всчувствовав душегубное свое заблуждение»*, *«познав, что вне Православной церкви и ее спасительных таинств нет спасения человеку»* и т. п. Факты демонстрируют, что *«всчувствование заблуждений»* произошло под влиянием очередного нажима со стороны власти. Создавалась непосредственная угроза не просто потери возможности заниматься предпринимательством. Лишение права объявления купеческого капитала неминуемо вело к потере сословных привилегий и несению тягостной рекрутской повинности. Правительство отдавало отчет, что в сложившейся ситуации смена вероисповедания – мера вынужденная. Изменив веру один раз, можно это сделать и вторично. Не случайно в 30 – 50-е гг. XIX в. Святейший Синод и Министерство внутренних дел неоднократно требовали от Владимирской духовной консистории проводить проверки *«истинности»* перехода в Единоверие. Наиболее пристального внимания удостаивались известные и зажиточные купцы: Гарелины, Борисовы (Юрьев-Польский), Суздальцевы, Гундобины (Муром), Шанины (Вязники) и др.³⁹¹

Смена вероисповедания происходила под влиянием трезвого расчета. Это было реакцией на агрессивную политику правительства. В таком контексте староверов можно было бы считать абсолютно

³⁹⁰ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1646. Л. 1 – 1 об.

³⁹¹ Киприянова Н. В. Экономические и социокультурные аспекты церковного раскола (по материалам Владимирской губернии). С. 17.

беспринципными дельцами. Однако даже противники старообрядцев были вынуждены признавать, что староверы отличались честностью при заключении сделок в своей среде и взаимовыручкой, что не всегда являлось правилом у остального купечества.

Таким образом, к середине XIX в. государство больше не имело рычагов воздействия на купцов-староверов. Только угроза запрещения права вести торговлю заставила часть старообрядцев перейти в Единоверие. Переход был связан не просто с меркантильностью, но и с невозможностью занятия предпринимательской деятельностью. Почти через два столетия после раскола власть нашла наиболее рациональный метод воздействия на непокорных.

Кроме старообрядцев, губернские власти внимательно следили и за представителями других вероисповеданий. Их регулярный учет начался позже, чем учет православного населения. В XVIII – первой половине XIX в. на территории Владимирской губернии были зафиксированы католики и лютеране.

Первые официальные сведения о сторонниках католичества во Владимирской губернии относятся к 1843 г. По подготовленным для Сената сведениям «*о иноверцах по городам и уездам Владимирской губернии*» на указанной территории проживало 46 приверженцев римско-католического исповедания. В конце 1850-х гг. было учтено уже 548 католиков (в том числе 179 – во Владимире).

Представители евангелистическо-лютеранского вероисповедания в тихом провинциальном Владимире стали появляться с конца XVIII – начала XIX в. Первые лютеране, поселившиеся в городе, были немцами. Среди владимирских немцев-лютеран были квалифицированные аптекари и врачи. Уже в 1781 г. во Владимире появилась частная аптека провизора Христиана Деринга. Аптека располагалась на территории Богородице-Рождественского монастыря. В сентябре 1805 г. во Владимире состоялось торжественное открытие вольной аптеки, основанной Адольфом фон Гекендорфом. Многие немцы-лютеране преподавали в гимназии иностранные языки. В том числе известны: фон Кноблах Карл Егорович и Стремберг Альберт Христианович (учителя немецкого языка), Бейзерт Карл Карлович (преподавал немецкий язык и был автором учебника немецкого языка). Учителя-немцы также преподавали французский язык, математику, служили надзирателями в пансионе гимназии. Лютеранская община во

Владимире вполне сложилась к середине XIX столетия, хоть и была тогда не слишком большой³⁹².

Вопросы и задания

1. В чем была необходимость проведения церковной реформы?
2. Кто такие приходские священники? Охарактеризуйте их положение.
3. В чем причины раскола Русской Православной Церкви?
4. Что такое Единоверие?

³⁹² История религий во Владимирском крае... С. 138, 158.

Глава 3. РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВЛАДИМИРСКОМ КРАЕ

3.1. Цифирные школы

Первая попытка создать в России народные школы была предпринята в начале XVIII столетия. Характер народных школ имели создаваемые в 1714 г. по указу Петра Великого так называемые цифирные школы. Школы иногда назывались адмиралтейскими, потому что находились в ведении Адмиралтейств-коллегии, а учителей поставляла Навигационная школа. Такие светские школы создавались параллельно с духовными (архиерейскими). Цифирные школы, несмотря на их светский характер, велено было открывать, как и архиерейские, при монастырях и архиерейских домах. Первоначально цифирные школы, где обучали прежде всего цифири (арифметике – отсюда и название учебного заведения), начальным основам геометрии и русской грамоте, имели специальное назначение – готовить для гражданской службы способных и грамотных людей. Первоначально посещение школ было вменено только детям приказных от 10 до 15 лет. Вскоре обязанности посещения цифирных школ были распространены на детей всех сословий (кроме однодворцев). Вскоре правительство исключило от цифирного обучения детей посадских людей, чтобы вследствие *«держания их в школе не было ущерб а торгам и сбору таможенных пошлин»*. В октябре 1721 г. детей священников велено было учить в архиерейских школах³⁹³.

Для обучения детей в создаваемых народных школах правительство направило в губернии и провинции 47 учителей из Навигационной школы. Первоначально на Владимирской земле только в Юрьеве-Польском в 1716 г. была учреждена цифирная школа, несмотря на то,

³⁹³ Памятная книжка Смоленской губернии на 1909 год. Смоленск : Смолен. губерн. статист. ком. (Тип. П. А. Силина), 1908. С. 156.

что первый указ о создании школы последовал во Владимир ещё в 1714 г., когда город Юрьев-Польский входил в состав Первой Владимирской провинции.

В целом же по стране указы царя исполнены были сначала лишь в восьми городах, где обучались 709 человек. *«...В губернских и провинциальных школах на своём пропитании: солдатских детей 5, шляхетских и унтер-офицерских 79, подьяческих 7. Итого 91. (Именно: в Белгородской – подьяческих 2; в Костромской из шляхетства – 35, солдатских – 2; итого 37; в Юрьеве-Польском из шляхетства 18 [человек] ...А во всех школах – 709 человек»*³⁹⁴.

По свидетельству одного из основоположников российской географической науки историка И. К. Кирилова, школа в Юрьеве-Польском продолжала существовать и в 1724 г. *«В городе Юрьеве ж Польском имеется от Адмиралтейства школа для обучения дьячих и подьячих детей и протчих чинов арифметики и геометрии»*³⁹⁵.

Шли годы, наконец в 1722 г. цифирная школа была создана в провинциальном Владимире. Разместили её на территории Богородице-Рождественского монастыря. Из Санкт-Петербургской Морской Академии во владимирскую школу был прислан учитель Алексей Маметев. В первый год существования в школе числилось 7 учеников. Однако уже в 1725 г. учитель Маметев сообщал во Владимирскую провинциальную канцелярию, что из присланных к нему учеников двое – Иван Сапфиров и Пётр Названов – обучались *«цифири, нумерации, аддиции, субстракции, мультипликации, сложению, вычитанию, умножению, делению, тройному, десятерному счёту, извлечению корней квадрата и кубуса, геометрии, тригонометрии, стереометрии»*³⁹⁶. Итак, из поступивших 7 человек школьный курс закончили в 1725 г. и получили свидетельство только двое. Сапфиров поступил в копиисты, а Названов был отпущен домой. А учитель Маметев тогда же в 1725 г. выехал из Владимира (провинциальная канцелярия в течение нескольких лет не платила ему жалование) и до 1727 г. не возвращался³⁹⁷.

³⁹⁴ Столетие Военного министерства. 1802 – 1902. Главный штаб : исторический очерк / сост. штабс-капитан В. В. Щепетильников ; ред. генерал-майор Н. П. Михневич. СПб. : Тип. т-ва М. О. Вольф, 1902. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 2 : Комплектование войск в царствование Императора Александра I [5], 211. С. 179, 180.

³⁹⁵ Кирилов И. К. Указ. соч. С. 140.

³⁹⁶ Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир : Типо-литогр. Губерн. Правления, 1901. Кн. 3. С. 147.

³⁹⁷ Косаткин В. В. Исторический очерк народного образования в гор. Владимире и его области. Владимир : Типо-Литогр. Губерн. Правления, 1901. С. 15 – 16.

В 1723 г. учредили школу в провинциальном Суздале. Собрано было 109 учеников. *«В Суздале ж имеется от Адмиралтейства школа для обучения дьячих и подьячих детей и протчих чинов арифметики и геометрии»*³⁹⁸. В 1726 г. за *«несобранием хлеба»* учеников распустили по домам. Почти 10 лет школа за отсутствием средств на прокормление детей не работала. В 1736 г. средства, наконец, были изысканы, однако в 1737 г. учеников вновь распустили по домам по той же причине – за *«несобранием хлеба»*³⁹⁹.

На Владимирской земле имелась цифирная школа и в провинциальном городе Переславле-Залесском. *«В Переславле ж Залесском имеется от Адмиралтейства школа, и в ней учитель для обучения дьячих и подьяческих детей и протчих чинов арифметики и геометрии»*⁴⁰⁰.

В целом по стране цифирные школы просуществовали недолго. Принудительность образования была одной из причин неуспеха цифирных школ. Случалось, что дети, насильно забранные в эти школы, разбегались из них.

В дальнейшем, в 1744 г., цифирные школы были присоединены к гарнизонным школам.

3.2. Духовные школы

Как уже отмечали выше, цифирные школы существовали параллельно с духовными. Устройство духовных школ стало обязательным после принятия Духовного Регламента. Для духовенства фактически вводилось обязательное школьное образование. С 1721 по 1725 г. в России открыли 46 епархиальных школ (семинарий)⁴⁰¹. В ряде губернских и провинциальных городов появились две школы: духовная и светская. Первоначально планировалось, что духовные школы будут готовить только священников. Располагаться они должны были в архиерейских домах. В обязанности архиерея входило обеспечение новых учебных заведений учителями. Рекомендовалось найти хотя бы по одному учителю *«умному и честному, который бы детей учил не только*

³⁹⁸ Кирилов И. К. Указ. соч. С. 138.

³⁹⁹ Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России XVIII века. Ярославль : Типография Г. В. Фальк, 1874. Ч. 1 : Система профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). С. 305.

⁴⁰⁰ Кирилов И. К. Указ. соч. С. 142.

⁴⁰¹ Семинарии иногда называли бурсами, а семинаристов бурсаками. Бурсами также называли общежития, где воспитанники содержались за казенный счет.

*чисто, ясно и точно по книгам честь, но учил бы честь и разуметь»*⁴⁰². Архиерею следовало позаботиться и об учебниках, «дабы не было роптания от родителей ученических». Ученики могли жить непосредственно в семинарии (обычно на казенном коште) либо приходить только на занятия.

Первая духовная школа на Владимирской земле появилась в конце 1723 г. в Суздале, т. е. одновременно со светской цифирной, и разместилась в Архирейском доме. Открыл её архиерей Варлаам Леницкий. В первый набор в ней было 109 учеников. В школе обучались только грамматике. В 1726 г. учеников распустили по причине «несобрания» с церковью и монастырём положенного на пропитание семинаристов хлеба⁴⁰³. В 1740 г. в Суздаль был прислан иеромонах Иустин для открытия семинарии, но просуществовала она немногим более года и вновь закрылась. Постоянно семинария начала функционировать только с 1755 г.⁴⁰⁴

Кроме Суздаля в 1725 г. духовная школа появилась в Муроме. Разместилась она на территории Спасо-Преображенского мужского монастыря. Школа просуществовала недолго и была упразднена, вероятно, по тем же причинам, что и суздальская.

В 1744 г. была восстановлена Владимирская епархия. С 1749 г. её возглавил член Святейшего Синода епископ Платон (Петрункевич). Благодаря его активной деятельности, в Богородицком монастыре во Владимире открылась духовная семинария. При этом выяснилось, что значительную часть монастырских земель захватили посадские люди. Консистории пришлось выдержать длительную тяжбу с магистратом, даже пригрозить обвинением в расколе. Только после этого купцы согласились снести свои постройки с захваченной земли. Первые 100 учеников приступили

*Владимирская духовная семинария
и Сергиевская церковь*

⁴⁰² Знаменский П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 года / Соч. П. Знаменского. Казань : тип. Имп. ун-та, 1881. С. 59.

⁴⁰³ Малицкий Н. В. История Суздальской духовной семинарии (1723 – 88 гг.). Владимир : Тип. Губерн. Правления, 1905. С. 6.

⁴⁰⁴ Знаменский П. В. Указ. соч. С. 171 – 172.

к занятиям в 1750 г.⁴⁰⁵ А через несколько лет в семинарии были открыты все классы: низшие, соответствующие духовным училищам, и высшие. Первым ректором семинарии был назначен архимандрит Павел Томиловский из Чернигова⁴⁰⁶.

В Юрьеве-Польском, в Архангельском Михайлове монастыре, «на казенном коште» в 1769 г. обучалось 45 семинаристов, каждый из которых получал по 3 руб. Обязанности ректора исполнял игумен монастыря Иосиф. Его жалованье составляло 50 руб., учителя – 30, двух магистрантов – 20 и 25 руб.⁴⁰⁷ В Переславле-Залесском с 1753 г. Данилов монастырь отвел для семинарии три кельи, где вынуждены были разместиться и учителя, и бурса, состоявшая из 60 казеннокоштных учеников.

В первые годы положение семинарий было достаточно сложным. На их содержание были введены денежные и хлебные сборы с духовенства. Сборы эти носили принудительный характер и вызывали решительные протесты. К тому же Консистория и духовные правления за взятки занижали сведения о собираемом хлебе. В результате на момент открытия Владимирской семинарии вместо 1 273 руб., необходимых для содержания бурсаков, имелось только 778 руб. Финансирование каждой семинарии до 1764 г. зависело от местных властей. Так, в Переславль-Залесской семинарии ученики жаловались архиерею, что *«повелено давать нам пищу добрую, а мы, нижайшие, получаем гнилой горох, и в праздничные дни от мяс, а в постные от рыбы ничего не получаем»*. Во Владимирской семинарии доходило до того, что учителя кормили учеников из своих скудных запасов. После ревизии, проведенной по настоянию епископа Платона, было указано эконома семинарии *«наказать непоблажно плетью перед духовной консисторией и ... содержать в консистории под караулом в ножных железгах»*. В Переславской семинарии на ученика в день стали выделять по 3 фунта хлеба⁴⁰⁸, ½ фунта мяса (или рыбы), крупы для каши, масло. Кроме того, для улучшения содержания учеников Консистория отвела дополнительные земли под огород.

⁴⁰⁵ Первоначально в семинарию не могли набрать учеников вследствие того, что дети священников к моменту поступления – 10 – 12 лет – были неграмотны. Епископ Платон даже распорядился отправить в семинарию монахов младше 40 лет.

⁴⁰⁶ Владимирская духовная семинария (1750). 250 лет со дня начала занятий // Календарь знаменательных и памятных дат по Владимирской области на 2000 год / сост. : Е. В. Илларионова, Т. Г. Пелевина, В. Г. Толкунова. Владимир : ВОУНБ, 1999. С. 19 – 20.

⁴⁰⁷ ГАВО. Ф. 560. Оп. 2. Д. 65. Л. 89, 93.

⁴⁰⁸ Фунт – около 410 г.

Еще сложнее было с одеждой. Для каждого семинариста полагались кафтан сермяжного сукна, кафтан сукна василькового русского и такого же иностранного, штаны толстого сурового сукна, штаны замшевые, красная суконная шапка «на овчине», две пары белья, две пары башмаков с пряжками, сапоги, две пары чулок, шляпа. Подобные траты провинциальные семинарии не могли себе позволить, поэтому семинаристы представляли собой *«собрание людей, одетых во всевозможные отрепья разнообразнейших материй, цветов и покровов, и обутых, кто в сапоги, кто в коты, кто просто в лапти»*⁴⁰⁹.

6 мая 1788 г. императорским указом предписывалось Святейшему Синоду границы епархий привести в соответствие с границами губерний. В этой связи Владимирская и Переславль-Залесская епархии были присоединены «в уважение знатности» к Суздальской епархии. Тогда же в Суздаль переехали Владимирская и Переславль-Залесская семинарии, соединившиеся в одно учебное заведение. Однако уже в 1798 г. кафедра епископа возвратилась во Владимир. Вслед за ней во Владимир была переведена и семинария⁴¹⁰.

Постепенно улучшалось содержание семинарии. Вновь заступавший на службу священник и дьякон обязывались отдавать половину своего дохода на содержание одного семинариста. С увеличением средств увеличили и число учащихся. В начале XIX в. число учащихся уже превышало 1 100 человек, а в 1811 г. обучалось уже 1 500 учеников. В связи с этим были закрыты духовные училища в Вязниках и в Муроме, образованные в своё время для уменьшения нагрузки на семинарию.

К началу 90-х гг. XVIII в. во Владимирской губернии была создана целая система духовного образования. Она включала в себя духовную семинарию и духовные училища, открытые в уездных городах. Духовные училища открыли первоначально в Суздале, Переславле-Залесском, а затем в Вязниках (1791), в Муроме (1791) и Юрьеве-Польском (1792). Уже несколько позднее, в 1816 г., было открыто духовное училище в уездной Шуе. Духовные училища готовили низшие кадры церковнослужителей: дьячков и пономарей. Семинария готовила приходских священников, однако при ещё слабом развитии светской школы некоторые её воспитанники становились учителями и чиновниками.

⁴⁰⁹ Знаменский П. В. Указ. соч. С. 201 – 203, 215, 244 – 246, 252, 261, 267.

⁴¹⁰ Владимирская духовная семинария (1750). 250 лет со дня начала занятий. С. 19 – 20.

В духовных учебных заведениях существовала жесткая дисциплина. Устанавливалось точное время, *«когда спать ложиться, когда вставать, молиться, учиться, идти за трапезу, гулять... и все бы оные часы колоколом означать, и все бы семинаристы, как солдаты на барабанный бой, так на колоколов голос, принимались за дело, какое на час уреченный назначено»*⁴¹¹. Педагогика XVIII в. славилась жестокими экзекуциями. Побои, наказание розгами были обычными мерами педагогических вразумлений. Ученики, только поступая в школу, уже имели сильное предубеждение против неё, поскольку она отрывала их от семьи. Бегство из семинарии рассматривалось как дезертирство. Беглых учеников следовало возвращать *«как беглых рекрут, скованных в колодках, за караулом»*.

Во Владимирской семинарии, как, впрочем, и во многих других, наказание семинаристов совершалось открыто на монастырском дворе, *«чтобы все возымели должный страх»*. Вопли бедняг привлекали массы любопытных, стекавшихся к Богородицкому монастырю смотреть, как учат уму-разуму семинаристов. Аналогичная картина была и в Суздале. Один из учеников вспоминал, что после подобных наказаний *«две недели был в немоци»*⁴¹². Неудивительно, что ученики сбегали из семинарий. Их искали, посылали специальных людей к родителям. Это помогало слабо. В Юрьев-Польской семинарии за каждый прогулянный семинаристом день полагался штраф *«по две копейки с половиной»*. Ректор жаловался, что некоторые семинаристы *«показаны ко учению непонятными»*⁴¹³. В отдельных случаях беглецов отправляли в Московскую военную контору для определения в солдаты. По распоряжению Суздальского епископа Геннадия наказывали также *«в две плети»* отцов за укрывательство детей.

Только с приходом во Владимир в 1796 г. епископа Ксенофонта Троепольского телесные наказания были отменены. И теперь в качестве наказания учеников старших классов ставили на колени, а также наказывали штрафами⁴¹⁴. Чтобы пребывание в семинарии не было *«заклечению пленническому подобно»*, бурсакам разрешалось *«на всяк день два*

⁴¹¹ Знаменский П. В. Указ. соч. С. 70.

⁴¹² Малицкий Н. В. Бегуны в Суздальской духовной семинарии // Н. В. Малицкий. Из прошлого Владимирской епархии. Вып. I. Владимир, 1904. С. 92.

⁴¹³ ГАВО. Ф. 560. Оп. 2. Д. 65. Л. 89 об.

⁴¹⁴ Малицкий Н. В. История Владимирской духовной семинарии. Вып. 1: (1750–1814). С. 54–55, 238, 241.

часа на гулянье... А гулянье было бы со играми честными и телодвижными, ... ибо сие и здравую полезно есть, и скуку отгоняет»⁴¹⁵.

Здесь следует отметить, что среди семинаристов бытовали такие явления, как пьянство, распушенность, драки, денежные игры в карты, кражи. Однажды напившиеся бурсаки Владимирской семинарии так разошлись, что чуть не сожгли саму семинарию. Но и начальство тоже не всегда отличалось нравственностью. Так, учитель Владимирской семинарии Ф. Радикорский прославился тем, что отбирал у своих учеников деньги – 15, 30, 80 копеек. Если не было денег, мог отобрать шапку, чтобы заложить её в кабак⁴¹⁶. Кроме того, среди учащихся культивировалось доносительство. В семинарии существовал институт сениорства. *Сениор* – ученик, который был обязан следить за семинаристами и учителями и доносить об их поведении начальству. Сениор считался помощником префекта (инспектора) и в свою очередь тоже имел помощников – субсениоров. За свою деятельность он получал жалованье⁴¹⁷.

В октябре 1814 г. во Владимирской семинарии произошли изменения, связанные с реформой духовных учебных заведений 1808 – 1814 гг. По результатам реформы часть учеников была исключена по возрасту или неспособности к занятиям, и их количество сократилось до 490 человек. Из низших классов семинарии в декабре 1814 г. были образованы уездное и приходское духовные училища⁴¹⁸. Духовное училище и семинария размещались во Владимире в одном здании. Но в уездных городах и в сёлах приходские училища часто размещались в церковных сторожках или в избах священнослужителей. Приходские училища с одногодичным сроком обучения были рассчитаны на крестьян, в них учили письму, чтению, начальным арифметическим знаниям, закону Божию, церковному пению. Окончившие приходское училище ученики могли продолжить образование в уездном училище, затем в гимназии и университете. Однако образование крестьянских детей ограничивалось приходским училищем, поскольку, чтобы продолжать учиться в гимназии и дальше в университете, следовало заплатить значительную сумму. Уездные училища

⁴¹⁵ Знаменский П. В. Указ. соч. С. 71.

⁴¹⁶ Там же. С. 286, 321.

⁴¹⁷ История Владимирского края : учеб. пособие для старших кл. шк. Владим. обл. С. 193.

⁴¹⁸ Малицкий Н. В. История Владимирской духовной семинарии. М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1902. Вып. 2. С. 8.

были двухклассными и в них обучались в основном малосостоятельные горожане. Кроме основ грамотности в них обучали истории, географии и началам геометрии.

В ходе реформы в губернии стало быстро расти количество приходских школ. Так, в 1805 г. их было всего 4, в 1810 г. – 31. К 1815 г. в губернии была уже создана целая сеть приходских учебных заведений. Два приходских училища существовало в губернском городе Владимире. В уездных городах действовали приходские училища: в Муроме – 2, в Суздале – 3, в Переславле – 3, в Шуе – 3, в Вязниках – 4, в Покрове, Алексадрове, Коврове, Меленках, Гороховце, Судогде – по одному, в Юрьеве – 2. Кроме того, были открыты училища в 28 селениях⁴¹⁹. В целом в 1815 г. действовало 54 приходских учебных заведения и их количество увеличивалось. В 1827 г. их было уже 115. Однако к 1833 г. осталось только 8 уездных и 58 приходских⁴²⁰ училищ.

Следствием реформы во Владимирской семинарии явились и изменения в преподавании учебных дисциплин. Наряду с богословием, церковной историей, риторикой и другими дисциплинами стали преподавать философию, историю, математику, физику, нотное пение, латинский, греческий, немецкий и французский языки. Большое место в обучении стали занимать письменные работы. Например, студенты богословия (учащихся младших классов называли просто учениками, старших классов – студентами) выполняли каждый месяц сочинения на латинском и русском языках – «диссертации». Раз в два месяца в богословской аудитории устраивались так называемые «приватные диспуты», на которых выступали лучшие студенты по темам своих исследований («диссертаций»). И два раза в год в семинарии проводились «публичные диспуты» с участием просвещённых горожан. Студенты философского класса ежедневно занимались переводами книг западных философов, сочиняли «диссертации» на латинском языке.

Таким образом, Владимирская духовная семинария давала своим ученикам вполне разносторонние знания. Она считалась одной

⁴¹⁹ Зябловский Е. Ф. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии с предварительными понятиями о статистике и с общим обозрением Европы в статистическом виде. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Морск. тип., 1815. Ч. 3: Содержащая в себе: образ правления и разныя государственныя учреждения; вышния и нижния правительственныя места, состояние военной силы, источники государственных доходов, приращение Российской монархии и политическая ея связь с другими державами. С. 273, 274.

⁴²⁰ История Владимирского края. С. 187, 188.

из лучших в стране. Если в XVIII в. и в начале XIX в. уровень преподавания в семинарии был невысок, то в 20-е годы XIX в. среди её преподавателей уже появились кандидаты духовных и светских наук. В 40-е годы XIX в. в семинарии преподавали профессора богословия Р. Шапулинский, Е. Беликов, философии Ф. Надеждин, М. Соколов, словесности И. Лилеев, В. Миловида, И. Солярский, а также профессор математики А. Восторгов⁴²¹.

Во Владимирской семинарии учились знаменитые в то время церковные, государственные, общественные и педагогические деятели России. Среди них известный государственный деятель Михаил Михайлович Сперанский; историк, археолог и искусствовед, основатель и первый директор Московского музея изящных искусств Иван Владимирович Цветаев; математик, ректор Харьковского университета, автор трёхтомного труда «Курс математики» Тимофей Фёдорович Осиповский; владимирские краеведы Константин Никитич Тихонравов, Яков Егорович Протопопов; профессор Казанской духовной академии Андрей Игнатьевич Беневоленский; доктор медицины Митрофан Иванович Алякринский; писатели Николай Диомидович Оранский и Николай Иванович Язвицкий и др⁴²².

3.3. Владимирская школа кантонистов (школа для солдатских детей)

Как уже отмечалось, первые народные школы – цифирные – в 1744 г. были присоединены к гарнизонным школам. На Владимирской земле такая гарнизонная школа для солдатских детей была образована только с учреждением в апреле 1764 г. Владимирского гарнизонного батальона. По новому штатному расписанию батальон имел в своём составе четыре строевых, одну мастеровую и одну инвалидную роты. *«В каждой гарнизонной роте положено было иметь свободными 6 солдатских вакансий; освобождавшуюся при этом сумму повелевалось обратить на «заведение» при каждом гарнизонном батальоне школы, полагая по 54 школьника на каждый батальон. На одежду и провиант одному школьнику с книгами и прочими к учению надобными вещами определялось в год 5 руб. 79^{1/2} коп.»*⁴²³.

⁴²¹ История Владимирского края. С. 191 – 192.

⁴²² Владимирская духовная семинария (1750). 250 лет со дня начала занятий. С. 19 – 20.

⁴²³ Столетие Военного министерства. 1802 – 1902. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 2. С. 181.

Военный кантонист.
1816 – 1825 гг.

Гарнизонные школы находились на попечении местных начальников: комендантов, вице-губернаторов, губернаторов. В школы принимали воспитанников не моложе восьми лет, а выпускали восемнадцати лет от роду. Воспитанников обучали *«всему строевому и до воинской службы и её порядка принадлежащему, грамоте, арифметике, барабанической науке, играть на флейте»*.

В гарнизонные школы принимали солдатских и унтер-офицерских детей от гарнизона, при котором учреждена

школа, от губернских штатных воинских команд, а также от живущих по городам и весям отставных военнослужащих, имеющих детей, рождённых на службе, начиная с 7-летнего возраста. С 1774 г. в гарнизонные школы разрешено было кроме солдатских детей принимать детей обедневших дворян. И тогда же в соответствии с распоряжением Сената в гарнизонные школы Московской губернии, куда входила Владимирская провинция, было определено 200 дворянских детей.

По достижению 15-летнего возраста солдатских детей на основании Высочайшего о пехотной службе устава отсылали на службу в гарнизонные полки для определения к солдатской службе. По достижению восемнадцати лет каждый из солдатских детей отсылался с *«формулярным описанием для определения в [армейских] полках по назначению главного начальства»*⁴²⁴.

В 1798 г. учредили Императорский военно-сиротский дом и все гарнизонные школы были названы «отделениями оного».

При гарнизонных батальонах военно-сиротские отделения просуществовали до 1824 г. В том же году они были подчинены главному начальнику над военными поселениями графу А. Аракчееву и разделены на три возраста. Дети младшего возраста – до 10 лет – воспитывались у родителей или у опекунов (за особое вознаграждение). Дети среднего возраста – от 10 до 15 лет – должны были посещать школу для солдатских детей, где их обучали грамоте и счёту. Дети старшего

⁴²⁴ Столетие Военного министерства. 1802 – 1902. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 2. С. 181, 182, 184 – 186, 189.

возраста – от 15 до 18 лет – кроме грамоты обучались военному искусству, ремёслам и сельскому хозяйству⁴²⁵. Таким образом, практически оказалось, что все дети солдат должны были проходить обязательное обучение в школе. Учеников гарнизонных школ до 1805 г. именовали просто «солдатскими детьми», а затем военными кантонистами.

Количество учеников во Владимирской школе кантонистов год от года увеличивалось. Так, если на момент учреждения в школе по штату было положено обучать 54 солдатских ребенка, в 1797 г. для обучения намечалось 100 человек, то на 25 июня 1814 г. при школе числилось уже 1000 воспитанников, из которых 448 находились при родителях и родственниках во Владимирской губернии и даже в других губерниях Центральной России (Рязанской, Костромской, Смоленской и др.)⁴²⁶. Однако и эти цифры могли быть неокончательными, поскольку до декабря 1814 г. *«воспитанники, имея полное право переходить с родственниками из одного города в другой и даже из одной в другую губернию, соделываются неизвестными... весьма немалое число воспитанников, даже совершеннолетних лет достигших, уклоняется от службы, и затруднительно открыть их настоящее местопребывание»*⁴²⁷. В 1822 г. обучающимися числилось уже 2 833 человека, из которых непосредственно при школе находилось 1 230 человек⁴²⁸.

С годами росло и финансирование школы. Так, например, в 1817 г. на школу было потрачено из казны 1 132 руб., в 1820 г. расходы составили 6 961 руб. Для сравнения в тот же 1820 г. в других городах России было потрачено: на Воронежское отделение – 3 945 руб., Астраханское – 1 294, Иркутское – 2 744, Киевское – 2 743, Московское – 70 675 руб. и т. д. В 1822 г. расходы на владимирскую школу составили уже 16 844 руб.⁴²⁹.

⁴²⁵ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке : Военно-экономический потенциал России. М. : Наука, 1973. С. 120, 121.

⁴²⁶ ГАВО. Ф. 14. Оп. 9. Д. 86. Л. 3 об., 5–5об., 6 об., 31–31 об. ; Столетие Военного министерства. 1802 – 1902. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 2. С. 183, 184.

⁴²⁷ ГАВО. Ф. 14. Оп. 9. Д. 83. Л. 2.

⁴²⁸ ГАВО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 118. Л. 1.

⁴²⁹ Могильная Л. А. Владимирское военно-сиротское отделение (школа для солдатских детей). Вторая половина XVIII в. – 1829 год // Рождественский сборник. Вып. 23 : материалы конф. «Провинциальный город в истории России». Ковров; Шуя : ПолиЦентр», 2019. С. 147 – 148.

Неизвестно, где располагалась школа с момента ее учреждения, а с 1781 г. под школу был занят дом умершего майора Степанова, «служившего в тамошнем [гарнизонном] батальоне»⁴³⁰. В доме майора Степанова школа располагалась до конца 90-х годов XVIII в. После этого до конца 1805 г. Владимирское военно-сиротское отделение располагалось в доме купца Алфёрова. И уже позднее школу разместили в верхних этажах здания Присутственных мест⁴³¹.

3 декабря 1826 г. Владимирское военно-сиротское отделение вошло в состав 3-й учебной бригады и в 1829 г. было переведено в Ярославль, где расположилась квартира бригады.

Итак, школы кантонистов, несомненно, сыграли важную роль в истории России, поскольку являлись во второй половине XVIII – первой трети XIX в. практически единственными источниками распространения грамотности среди нижних чинов армии.

3.4. Народные училища

В правление императрицы Екатерины II в июне 1779 г. в губернском городе Владимире был открыт Приказ общественного призрения, ведавший школами, больницами, богадельнями, сиротскими домами, домами для умалишенных. В апреле 1783 г. в построенном от Приказа деревянном доме была открыта школа для обучения юношества грамоте, правописанию, французскому языку, арифметике, геометрии, истории, географии, катехизису и начальным основам гражданских прав. Остались неизвестными первые учителя этой школы и количество обучающихся в ней детей⁴³².

В 1785 г. в Санкт-Петербург на средства Приказа общественного призрения были направлены для обучения 13 воспитанников Владимирской, Суздальской и Переславской семинарий. За недостаточностью средств 5 из них вернулись во Владимир. Обучение вернувшиеся семинаристы продолжили в малых народных училищах на Владимирской земле.

⁴³⁰ ГАВО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 73. Л. 1об.

⁴³¹ Могильная Л. А. Владимирское военно-сиротское отделение... С. 144 – 146. ; Тимофеева Т. П. Воинские здания губернского Владимира // Первая мировая война и российская провинция : науч. конф., 4 сент. 2014 г. Владимир : ГВСМЗ, 2015. С. 159.

⁴³² Косаткин В. В. Указ. соч. С. 17.

В 80-е годы XVIII в. в стране начали создаваться четырехклассные народные училища в губернских городах и двухклассные – в уездных. В октябре 1786 г. во Владимире открыли Главное народное училище. Его первым директором был утверждён Павел Михайлович Извольский⁴³³. Первые годы народное училище во Владимире существовало на частные пожертвования и не имело своего здания. Только в 1799 г. его разместили в здании Присутственных мест. В этом же году были сформированы все четыре класса. Социальный состав школьников был достаточно пестрым: большинство – дети дворовых, а также дети дворян, чиновников и духовенства, солдатские дети. Из купцов и мещан, составлявших большинство населения города Владимира, обучалось всего 7,8 %. Купцы и мещане предпочитали сами обучать своих сыновей коммерции и ремеслу.

Всего в результате екатерининской реформы во Владимирской губернии открыли пять народных училищ: Владимирское Главное и четыре малых – Суздальское, Переславское, Муромское и Шуйское. В конце XVIII в. в училищах работало 7 учителей и обучалось 290 учеников⁴³⁴.

В уездных училищах дети изучали арифметику, российскую грамматику, историю, географию, а также книгу «О должностях человека и гражданина», написанную Екатериной II и президентом Императорской Академии художеств И. И. Бецким.

В начале XIX в. в России в ходе реформ была создана довольно стройная система просвещения. В 1803 г. страну разделили на 6 учебных округов. Владимирская губерния вошла в состав Московского учебного округа, во главе которого находился Московский университет. В 1802 г. было учреждено Министерство Народного просвещения, а в следующем году – Главное Управление училищ. Устав учебных заведений 1804 г. разделил все училища на 4 разряда: 1) одноклассные приходские училища (преобразованы в 1828 г. в двухгодичные.), заменившие малые екатерининские, 2) уездные, 3) гимназии (бывшие главные народные училища), 4) университеты.

Несмотря на сложившуюся в губернии развитую сеть учебных заведений (как духовных, так и светских), в купеческой и мещанской

⁴³³ Косаткин В. В. Указ. соч. С. 17 – 18.

⁴³⁴ Зудина И. Н. К вопросу о народном образовании в Ковровском уезде // Рождественский сборник. Вып. 5 : материалы конф. «Губернская реформа 1775 г. и российская провинция». Ковров : БЭСТ-В, 1998. С. 74.

среде сохранялось определенное недоверие к государственному образованию. Образование носило у торгово-предпринимательского сословия прежде всего утилитарный характер: как возможность более эффективно вести собственное дело и как средство повысить своим детям социальный статус. В основной же массе купечество не научилось ценить знание само по себе, не чувствовало в нем потребности. Считалось, что в торговом быту больших наук не требуется. Самое главное научиться считать.

И в середине XIX в. современники отмечали, что «...купечество и мещане имеют в виду обучить детей своих только читать и писать и первоначальным правилам арифметики, после чего определяют детей своих на фабрики и заводы...»⁴³⁵.

3.5. Владимирская губернская гимназия. Александрийский детский приют

*Воспитанники гимназии.
Форма одежды. 1830-е гг.*

В 1804 г. в соответствии с принятием Устава учебных заведений Главное народное училище во Владимире было преобразовано в Губернскую мужскую гимназию. Торжественное открытие гимназии состоялось 7 августа. На церемонии присутствовали профессор Московского университета М. Н. Снегирёв, владимирский губернатор князь И. М. Долгоруков, архиепископ Ксенофонт, а также многие почётные лица города. Губернатор И. М. Долгоруков привлёк к работе в гимназии образованных людей, пожертвовал ей свою библиотеку. В 1807 г. гимназия переехала в губернаторский дом на

Большой Московской улице.

Однако владимирские дворяне, как, впрочем, и по всей стране, по-прежнему предпочитали давать своим отпрыскам домашнее образование. В конце XVIII – начале XIX в. во Владимирской губернии проживало более тысячи дворянских семей, а в Главном народном

⁴³⁵ Военно-статистическое обозрение Российской империи ... Т. VI. Ч. 2 : Владимирская губерния. С. 256.

училище обучались только 22 мальчика (1789 – 1790 гг.), в гимназии с 1804 по 1817 г. обучалось от 7 до 13 мальчиков⁴³⁶.

Правда, владимирское дворянство не скупилось на пожертвования для государственных военных учебных заведений. В 1801 г. правительство предполагало открыть училища в 10 губерниях на средства дворян. Владимирские дворяне на 11 апреля 1812 г. пожертвовали на военные училища почти 35 тыс. руб. Пожертвования на училища продолжались до 1 февраля 1824 г.⁴³⁷

В 1840 г. пожар уничтожил помещение гимназии в губернском центре, и образовательное учреждение перевели в здание рядом с домом Дворянского собрания. Это здание дворяне купили специально для благородного пансиона, собрав для этого огромную по тем временам сумму – около 25 тыс. руб. Следует отметить, что первый частный пансион для благородных детей во Владимире существовал с 1804 по 1807 г.⁴³⁸ Новый пансион был открыт в августе 1841 г. В него принимали дворянских детей со всей губернии⁴³⁹.

Гимназия первоначально была четырехклассной, а с 1833 г. срок обучения вырос до семи лет, не считая пригготовительного класса. Во главе гимназии стоял директор, который одновременно возглавлял все светские учебные заведения губернии. Директор одновременно являлся председателем совета гимназии – главного органа управления учебно-воспитательной и хозяйственной деятельностью. Первым директором гимназии назначили А. А. Цветаева. Первые годы в гимназии работало только 8 учителей: 4 старших и 4 младших. С введением в 1828 г. нового Устава уездных и приходских гимназий и училищ число учителей возросло до 11. Увеличился оклад учителя и теперь в гимназию пришли учителя с высшим образованием.

В пригготовительный класс гимназии принимались мальчики 8 – 12 лет, которые умели читать и писать. Учебный год в гимназии начинался 1 августа и заканчивался в июле переводными или выпускными

⁴³⁶ Барашев М. А. Домашнее воспитание в русской дворянской семье второй половины XVIII – начала XIX в. // Вопросы образования. 2010. № 1. С. 233.

⁴³⁷ Могильная Л. А. Владимирский край в военной истории России. Последняя четверть XVII – XIX в. Владимир : Калейдоскоп, 2017. С. 214.

⁴³⁸ Его содержал Савелий Карлович фон-Ферельцт, дворянин, уроженец города Аугсбурга. На протяжении почти 10 лет он был гувернером в знатных дворянских семьях, в том числе в доме Меленковского уездного предводителя дворянства Н. Названова. См.: Овчинников Г. Д. Савелий Ферельцт – автор «Путешествия критики». С. 282 – 283.

⁴³⁹ Косаткин В. В. Указ. соч. С. 80, 103.

экзаменами. Выпускники получали аттестаты об окончании учебного заведения.

Учебная программа гимназии включала курсы латинского, немецкого и французского языков, российской словесности, географии и истории, статистики, философии и изящных наук, политической экономии, математики, физики и естественной истории, коммерции, технологии, рисования. Позже дополнительно стали преподавать греческий язык, закон Божий, но исключили из программы политическую экономию, коммерцию, технологию.

В год открытия количество учеников в гимназии составило 45 человек. В последующие годы количественный и сословный состав учащихся колебался. С 20-х гг. XIX в. в гимназию стали принимать детей священнослужителей, еще раньше – солдат и вольноотпущенников⁴⁴⁰.

С 1821 г. во всех школах губернии установили плату за обучение: 12 руб. с ученика в год в гимназии, 8 руб. в уездном училище, 4 руб. в приходском училище. С установлением платы в гимназии большой процент обучающихся составили дети дворян и чиновников, а также обер-офицерские дети и дети духовных лиц⁴⁴¹.

Гимназия готовила учительские кадры для народных училищ. По итогам экзаменов её Совет выдавал свидетельства на право поступать в университет. Выпускниками Владимирской губернской гимназии были генерал, герой Русско-турецкой войны 1877 – 1878 г. Николай Григорьевич Столетов, окончивший гимназию с золотой медалью в 1850 г.; его брат – известный физик – Александр Григорьевич Столетов, и в последующие годы гимназия дала стране много знаменитых людей.

Но это в 50-е годы XIX в., а в первой четверти XIX в. большинство владимирских обывателей предпочитало обучать своих детей на дому, а не в гимназии. Как правило, детей обучали малограмотные служители церкви или отчисленные за проступки семинаристы. К середине XIX в. положение постепенно менялось. Дворяне теперь полагали более привлекательным дать гимназическое образование своим детям. И уже к 1852 г. во Владимирской губернии складывалась ситуация, когда «...дворяне потомственные и личные, закончив курс в гимназии, считают необходимым дополнить его университетским образованием...»⁴⁴².

⁴⁴⁰ Косаткин В. В. Указ. соч. С. 80.

⁴⁴¹ История Владимирского края. С. 189.

⁴⁴² Военно-статистическое обозрение Российской империи...Т. VI. Ч. 2 : Владимирская губерния. С. 256.

К сожалению, в учебных заведениях существовали проблемы с дисциплиной. Так, в 30 – 40-е годы XIX в. обычными проступками в поведении учеников гимназии были леность, мелкие шалости, пропуск уроков, случаи воровства. В 40 – 60-е годы XIX в. частыми становятся дерзкие выходки относительно учителей. Патриархальные школьные нравы старого времени уступали место новым понятиям. Мерами для исправления поведения учеников служили, с одной стороны, увещевания, обращения к родителям за содействием, а также награждения, а с другой – физические наказания или отчисления из гимназии. Надо сказать, что ещё в 50-х годах XIX в. основными исправительными мерами в гимназии были розги и карцер, первые – для учеников младших (1 – 3) классов, второй – для всех классов. Реже применялся выговор Совета. Только к 60-м годам XIX в. прекратилось применение розог, заключение в карцер встречалось тоже крайне редко⁴⁴³.

21 апреля 1844 г. во Владимире с целью призрения и воспитания бедных сирот и детей неимущих родителей был учреждён Александровский детский приют. Открытие приюта стало возможным благодаря деятельности супруги губернатора Н. А. Донауровой. Приют имел на своём попечении 50 девочек⁴⁴⁴. Однако в приюте могли содержаться и мальчики. Воспитанниками приюта были дети дворян, мещан, чиновников и дети нижних воинских чинов. Обучение в приюте шло по программе городских приходских училищ. Воспитанниц дополнительно обучали рукоделию. Все пансионерки содержались на счет благотворительных сумм.

3.6. Образовательные учреждения для крестьян.

Сеть учебных заведений к началу второй половины XIX в.

С конца XVIII в. вопросами образования крестьян в удельных имениях занималось удельное ведомство. После реорганизации дворцовых волостей в 1797 г. во Владимирской губернии было создано 9 удельных приказов и 2 отделения с органами управления, находящимися в уездных городах. В них с 1811 г. начали создаваться действительные

⁴⁴³ Косаткин В. В. Указ. соч. С. 127 – 129.

⁴⁴⁴ Суслина О. Н. К вопросу о влиянии екатерининских преобразований на складывание системы светского образования и призрения детей (на материалах Владимирской губернии) // Рождественский сборник. Вып. 5. С. 82.

училища⁴⁴⁵. В 20-е гг. XIX столетия в губернии начали появляться сельские удельные училища, призванные готовить лиц для работы в удельных ведомствах. Но следует отметить, что крестьяне неохотно отдавали в общественное училище своих детей на обучение, полагая, что они будут отвлечены от хозяйственных работ. Как и прежде, детей обучали на дому частным образом. К 1853 г. в удельных имениях России насчитывалось 204 сельских училища, из которых 11 работало во Владимирской удельной конторе. С 1860-х гг. стали открывать сельские удельные училища для женщин⁴⁴⁶.

Кроме селений удельного ведомства открывались сельские приходские училища в селениях ведомства Владимирской палаты государственных имуществ. Средства на их содержание давали владимирские дворяне. Однако этих пожертвований было недостаточно, и учебные заведения открывались не везде, где было предписано. Так, например, из назначенных по списку 7 казённых селениях Ковровского уезда только в селе Шапкино было открыто учебное заведение. В остальных же селениях училища открыты не были из-за отказа крестьянских общин содержать их⁴⁴⁷. У правительства также не хватало средств и достаточного количества учителей, чтобы создать сеть народных школ в сёлах. Всё же к концу первой половины XIX в. во Владимирском округе работало 34 таких училища, где *«нижний класс, крестьяне, обучаются только читать и писать...»*⁴⁴⁸.

На основании сведений Военно-статистического обозрения Российской империи во Владимирской губернии к 1852 г. сложилась типичная для России сеть учебных заведений. В губернском городе Владимире действовали духовная семинария, духовные уездное и приходское

⁴⁴⁵ Приказы: Лехтовский, Большегригоровский, Воскресенский, Никологорский, Нагуевский, Рыловский, Красносельский, Всегодический, Торчинский; Егорьевское и Рыбнослободское отделения.

⁴⁴⁶ Гуляева В. В., Ершова Т. Н. К вопросу о зарождении образовательных учреждений в удельных имениях Владимирской губернии в XIX столетии // Художественное наследие Владимирской области. Александров : РК «МС2», 2009. Вып. 3. : материалы III регион. науч. конф., 11 – 12 нояб. 2010 г. С. 72 – 74.

⁴⁴⁷ Зудина И. Н. Указ. соч. С. 74.

⁴⁴⁸ 6 училищ во Владимирском уезде, 1 училище в Судогодском уезде. В Суздальском и Юрьевском уездах по 2 училища. По 3 училища было в Муромском и Ковровском уездах, – по 2 в Меленковском и Вязниковском уездах и 1 в Гороховецком уезде. В Александровском округе функционировало 5 училищ в Александровском уезде, 4 в Переславском и 3 в Покровском уездах. См.: Военно-статистическое обозрение Российской империи ... Т. VI. Ч. 2 : Владимирская губерния. С. 256 – 257; табл. № 21.

училища (общее число учащихся составляло 1 365 человек); губернская гимназия и состоящий при ней благородный пансион (общее число учащихся – 201); уездное училище (98 человек); два светских приходских училища (97 человек); частная женская школа.

После губернского центра наибольшее количество учебных заведений было в уездном Суздале. Здесь действовали семь учебных заведений: духовные уездное и приходское, в которых обучалось в общей сложности 214 человек; светское уездное училище (49 человек) и два светских приходских училища (мужское – 62 ученика и женское – 16 учениц). Кроме того, в городе были две частные школы (мужская и женская).

Достаточно разветвлённой была сеть образовательных учреждений в Переславле-Залесском. В городе существовало пять учебных заведений: светские уездное и приходское князя Андрея и Сергиевское, в которых обучалось 130 учеников; духовные уездное и приходское (всего 300 человек); два училища для крестьян, одно из которых ведомства Государственных имуществ (25 человек), а другое – удельного ведомства. Кроме того, духовные лица обучали своих детей при церквях, имея разрешение от начальства.

В уездном Юрьеве-Польском имелись только уездное и приходское училища, в которых обучалось 110 учеников. В Александрове действовали уездное училище на 31 человека, приходское на 71 человека и частная мужская школа на 25 человек. Кроме того, открыли частную женскую школу на 8 девиц, которая содержалась «на счет благотворительных особ». В Вязниках были уездное и приходское училища, в которых обучалось 47 и 28 человек соответственно. В Шуе имелось пять учебных заведений: два духовных и три казённых светских, в которых обучалось 152 мальчика и 25 девочек. В Муроме были духовное училище, в котором обучалось 224 учащихся, уездное и три приходских училища с общим числом учащихся 243 человека, из которых 9 девочек.

В селе Иваново действовали три учебных заведения. Первое, в котором обучалось 40 человек, содержалось крестьянским обществом. Второе – Покровское – находилось на попечительстве и иждивении почётного гражданина Горелина. В нём получали образование до 50 человек. Кроме того, в селе имелась воскресная школа, в которой обучалось 15 человек.

По одному приходскому училищу было в уездных городах Гороховце (обучалось 40 мальчиков), Покрове (46 человек), Судогде

(31 мальчик и 1 девочка), в Коврове (35 мальчиков и 5 девочек), в Меленках (64 мальчика), а также в заштатном городе Киржаче (30 мальчиков) и в Гавриловском Посаде (более 50 учащихся)⁴⁴⁹. В Гавриловском Посаде, кроме того, имелся детский приют.

Несмотря на довольно разветвлённую сеть учебных заведений в губернии, казённая школа по-прежнему не удовлетворяла потребность развивающейся промышленности в грамотных кадрах. И поэтому в первой половине XIX в. в губернии в ряде промышленных центров стали открываться частные школы. Так, например, заводчик Ю. С. Нечаев открыл училище при Гусевском хрустальном заводе, а в Меленковском уезде заводчики Шепелевы открыли Железниковское училище на железном заводе⁴⁵⁰.

Вопросы и задания

1. Что такое цифирная школа?
2. Какие духовные образовательные учреждения существовали на территории нашего края?
3. Кто такие кантонисты? Как их обучали?
4. Охарактеризуйте реформу образования 80-х годов XVIII в. Какие учебные заведения появились на территории нашего края?
5. Охарактеризуйте творчество владимирских писателей.

⁴⁴⁹ Военно-статистическое обозрение Российской империи ... Т. VI. Ч. 2 : Владимирская губерния. С. 263 – 265, 268 – 270, 273, 275 – 277, 279, 282, 284, 286, 288, 289.

⁴⁵⁰ Там же. Табл. № 20.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении XVIII – первой половины XIX в. Россия пережила глубочайшую трансформацию. Кардинальные изменения произошли во всех сферах жизни: системе государственного управления, экономике, военном деле, общественном развитии и, конечно, культуре.

Происходившие в стране процессы нашли отражение и во Владимирском крае. Благодаря реформам Петра I, а затем и Екатерины II, сформировалась местная дворянская корпорация, получившая органы самоуправления – Дворянское депутатское собрание и предводителей дворянства. Выборы предводителей были важнейшим событием, вовлекавшим дворянство в общественно-политическую жизнь.

Изменения затронули дворянскую усадьбу, превратив ее в знаковое явление русской культуры.

Значительно изменились города. На смену средневековой пришла регулярная застройка, преобразился архитектурный облик старинных городов – Муром, Суздаля, Владимира; началось каменное строительство, стала формироваться городская инфраструктура. Город стал развиваться не только как экономический и административный, но и как социальный и культурный центр. Именно в городе формировалась культурная среда, отражавшая духовно-нравственную и интеллектуальную жизнь общества – учебные заведения, библиотеки, театры, салоны. Повседневная жизнь владимирских городов складывалась под влиянием старых и нарождавшихся новых традиций, что проявилось в образе жизни, разнообразии досуговой сферы, формировании специфической городской субкультуры.

Значительное влияние на развитие общества оказали церковные реформы, начатые Петром I и продолжавшиеся на протяжении всего XVIII– первой половины XIX в. Церковь во многом утратила экономические позиции, но сохранила и продолжала развивать традиции духовные.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Долгоруков, И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего... / И. М. Долгоруков. – СПб. : Наука, 2004. (Литературные памятники / Российская академия наук).
2. Описание актов собрания графа А. С. Уварова : Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым. – М. : Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1905. – 668 с.
3. Суворов, А. В. Письма / А. В. Суворов. – М. : Наука, 1986. – 808 с.
4. Хронологическая опись дел о расколе, хранящихся в архивах губернатора г. Владимира. Ч. 1 : 1720 – 1855 гг. / сост. Ф. К. Сахаров // Владимирская ученая архивная комиссия. Труды. Кн. 8 [Материалы]. Прил. 1. – Владимир : Тип. Губерн. Правления, 1905. – 386 с.

Литература

5. Барашев, М. А. Домашнее воспитание в русской дворянской семье второй половины XVIII – начала XIX в. / М. А. Барашев // Вопросы образования. – 2010. – № 1. – С. 225 – 235.
6. Богданов, Л. С. Страницы из жизни крепостных театров Владимирского края / Л. С. Богданов // Труды Владимирского окружного научного краеведческого общества. – Владимир : Изд. Владим. окруж. науч. краевед. о-ва, 1930. – С. 35 – 60.
7. Доброклонский, А. П. Руководство по истории Русской Церкви / А. П. Доброклонский. – М. : Изд-во Крутицкого Патриаршего подворья, 2001. – 936 с. – ISBN 5-7873-0034-3.
8. Комиссаренко, А. И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в.: Очерки истории секуляризации реформы 1764 г. / А. И. Комиссаренко. – М. : Изд-во Всесоюз. заоч. политехн. ин-та, 1990. – 202 с. – ISBN 5-7045-0003-X.
9. Косаткин, В. В. Исторический очерк народного образования в городе Владимире и его области / В. В. Косаткин. – Владимир : Типо-Литограф. Губерн. Правления, 1901. – 25 с.

10. Мазур, Л. Д. Русский город XI – XVIII вв. Владимирская земля / Л. Д. Мазур. – М. : [Б. и.], 2006. – 111 с. – ISBN 5-8125-0753-8.

11. Малицкий, Н. В. История Владимирской духовной семинарии / Н. В. Малицкий. – М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1900 – 1902. – Вып. 1, 2.

12. Малицкий, Н. В. История Суздальской духовной семинарии (1723 – 88 гг.) / Н. В. Малицкий. – Владимир : Тип. Губерн. Правления, 1905. – 221 с.

13. Могильная, Л. А. Владимирское военно-сиротское отделение (школа для солдатских детей). Вторая половина XVIII в. – 1829 год / Л. А. Могильная // Рождественский сборник / сост. : И. Н. Зудина, О. А. Монякова ; под общ. ред. О. А. Моняковой. Вып. 23 : материалы конф. «Провинциальный город в истории России». – Ковров ; Шуя : ПолиЦентр, 2019. С. 147 – 148.

14. Титлинов, Б. В. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви / Б. В. Титлинов. – Вильна : Тип. Русский почин, 1905. – 466 с.

15. Усадебное наследие Владимирского края : учеб. пособие / под ред. Л. Г. Гужовой, В. А. Черничкиной. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2012. – 102 с. – ISBN 978-5-9984-0299-9.

16. Федоров, В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700 – 1917 / В. А. Федоров. – М. : Русская панорама, 2003. – 480 с. – ISBN 5-93165-069-5.

17. Чечулин, Н. Д. Русская провинция во второй половине XVIII века / Н. Д. Чечулин. – СПб. : Изд-во РНБ, 2010. – 835 с. – ISBN 978-5-8192-0380-4.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ЗНАТНЫЕ УРОЖЕНЦЫ ВЛАДИМИРСКОГО КРАЯ

Алякринский Митрофан Иванович (1794 – 1872) – врач, доктор медицины. Родился 28 мая (8 июня) 1794 г. в семье священника в селе Вышеславском Суздальского уезда Владимирской губернии.

В 1804 – 1810 гг. учился в Суздальском духовном училище, затем продолжил занятия во Владимирской духовной семинарии. После окончания семинарии был назначен учителем и инспектором Суздальского духовного училища. При материальной помощи суздальского врача Д. П. Моренкова поступил в Московский университет на медицинский факультет, который окончил в 1821 г. В 1825 г. защитил диссертацию на звание доктора медицины. В 1828 г. М. И. Алякринский переселился в Суздаль и жил там до 1830 г. В том же году был удостоен звания инспектора врачебной управы и получил должность инспектора во Владимире. С 1831 г. также работал врачом больницы при Владимирской духовной семинарии, с 1845 г. – преподавателем медицины. Свои советы врача печатал во «Владимирских губернских ведомостях».

Как врач скоро стал популярным во всей Владимирской губернии, особенно после эпидемии холеры, охватившей губернию в 1832 г. Продолжил дело Д. П. Моренкова: изготавливал лекарственные препараты по его рецептам – оподельдок, крепкую летучую мазь и мятные капли. Лекарства расходились по всей России.

М. И. Алякринский много занимался благотворительностью: поддерживал неимущих больных, покупая им лекарства; пожертвовал средства на устройство женского епархиального училища, для Владимирской семинарии, Владимирского попечительства детских приютов и в другие учреждения. Был членом Владимирского попечительного комитета о тюрьмах, с 1851 г. – директор Владимирского губернского тюремного комитета, с 1844 г. – директор Владимирского Александринского детского приюта. С 1835 г. до конца жизни был членом губернского статистического комитета.

Митрофан Иванович Алякринский умер в ночь с 29 на 30 августа (10 сентября) 1872 г. Похоронен во Владимире в Свято-Успенском Княгининском женском монастыре. Награжден орденами Св. Анны 2-й степени (1852), Св. Владимира 4-й ст. (1864), знаком отличия беспорочной службы за XXX лет (1858).

Имел чин действительного статского советника.

Источники: *Календарь знаменательных и памятных дат по Владимирской области на 1994 год.* – Владимир, 1993. – С. 39 – 40; Смирнов А. В. *Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы: материалы для биобиблиогр. сл.* – Вып. 2. – Владимир: Тип. Губерн. Правления, 1897. – С. 144 – 157; М. И. Алякринский. *Труды Владимирской ученой архивной комиссии.* – Владимир: Типо-Литогр. Губерн. Правления, 1902. Кн. 4. Приложения. С. 7 – 9; Алякринский Митрофан Иванович [Электронный ресурс] // *Земля Владимирская. День в истории Владимирского края.* – URL : <https://calendar.lib33.ru/event/4128/17881114> (дата обращения: 20.10.2023).

Безобразов Владимир Павлович (1828 – 1889) – экономист, статистик, публицист, академик Санкт-Петербургской академии наук. Родился во Владимире 3 (15) января 1828 г. в старинной дворянской семье. В. П. Безобразов получил домашнее образование. Затем учился в Дворянском институте в Москве, откуда за отличие был переведен в Александровский (бывший Царскосельский) лицей, который окончил в 1847 г. с серебряной медалью.

После лицея В. П. Безобразов приступил к государственной службе, которой посвятил 42 года. Работал в различных министерствах, преимущественно в Министерстве финансов. Связанные со службой командировки по различным губерниям позволили ему обстоятельно изучить особенности экономического строя России, собрать статистические сведения о промышленности и торговле страны. По итогам своих поездок по стране опубликовал в периодической печати описания ряда населенных пунктов России, в том числе и Владимирской губернии. Автор книги «Народное хозяйство России. Московская (Центральная) промышленная область». В разное время Безобразов редактировал «Журнал министерства государственных имуществ», «Сборник статистических сведений о России». Читал лекции по финансовому праву и политэкономии в Александровском лицее. Несколько раз посещал Владимир, Вязники, Мстери; часть своих трудов посвятил исследованию фабричной и кустарной промышленности Владимирской губернии. Поддерживал связь с известными краеведами и общественными деятелями Владимирской губернии: И. А. Голышевым и К. Н. Тихонравовым.

Владимир Павлович Безобразов умер 29 августа (10 сентября) 1889 г. в городе Дмитрове Московской губернии. Награжден орденами Св. Владимира 3-й степени (1865), Св. Станислава 1-й степени (1867), Св. Анны 1-й степени (1871). Имел чин тайного советника.

Источники: *Безобразов Владимир Павлович // Русский биографический словарь. Т. 2 : Алексинский – Бестужев-Рюмин. – СПб. : Тип. Главн. Управления Уделов, 1900. – С. 648 – 650 ; Безобразов Владимир Павлович [Электронный ресурс] // Земля Владимирская. День в истории Владимирского края. – URL : <https://calendar.lib33.ru/event/4128/17881114> (дата обращения: 20.10.2023).*

Блудов Дмитрий Николаевич 1785 – 1864 – выдающийся государственный деятель, литератор. Родился 5 (16) апреля 1785 г. в родовом имении Романово Шуйского уезда Владимирской губернии в старинной дворянской семье. Получил домашнее образование. С ним занимались профессора Московского университета. Уже в юности он хорошо знал французский, немецкий и итальянский языки,

несколько слабее – древние, а позднее, когда был посланником в Лондоне, выучил и английский.

В 1800 г. Д. Н. Блудов начал службу в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел под руководством известного историка и архивиста Н. Н. Бантыш-Каменского. В 1802 г. его перевели в Петербург. С 1814 г. был поверенным в делах при шведском дворе, в 1817 – 1820 гг. – на дипломатической службе в Лондоне.

Расцвет служебной карьеры Д. Н. Блудова приходится на царствование императора Николая I. Возвышение было связано с участием в Следственной комиссии, созданной по делу декабристов. В начале 1826 г. Блудов по материалам расследования написал доклад «О злоумышленных обществах», который 30 мая 1826 г. был представлен императору, одобрен им и напечатан в приложении к русским газетам.

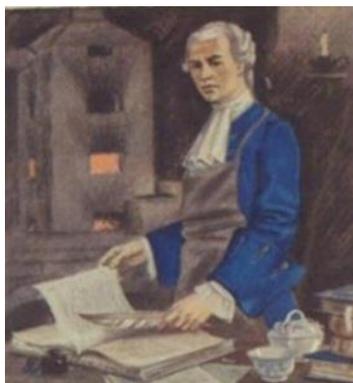
В 1826 – 1828 гг. Д. Н. Блудов занимал пост товарища министра народного просвещения, в 1830–1831 гг. управлял Министерством юстиции, в 1831 – 1838 гг. руководил Министерством внутренних дел. Усовершенствовал деятельность аппарата МВД и подведомственных ему учреждений. 31 декабря 1839 г. был утвержден членом Государственного совета, возглавил департамент законов Государственного совета и Второе отделение (кодификационное) собственной Его императорского величества канцелярии.

Под руководством Д. Н. Блудова разработано «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» (1845), а также составлены два издания Свода законов (1842, 1857). С середины 1850-х гг. председательствовал в общем собрании Государственного совета, а в начале 1861 г. возглавил Совет и Комитет министров. Одновременно с государственной службой занимался научной и общественной работой. Был помощником председателя Русского археологического общества, почетным членом Общества истории и древностей российских и некоторых других ученых обществ. В 1855 г. Блудов возглавил Императорскую Академию наук. В 1842 г. получил графское достоинство. С юношеских лет занимался литературным трудом: писал статьи, эпиграммы. Д. Н. Блудов – один из основателей литературного общества «Арзамас», был близок с И. И. Дмитриевым, В. А. Жуковским, Н. М. Карамзиным.

Дмитрий Николаевич Блудов умер 19 февраля 1864 г., погребен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге.

Награжден: орденами Св. Андрея Первозванного (1845 г.). В 1851 г. император Николай I «пожаловал» перстень с алмазами, а в 1852 г. – собственный портрет с бриллиантами для ношения в петлице. В 1856 г. император Александр II преподнес Блудову свой портрет с алмазами для ношения на Андреевской ленте. Имел чин действительного тайного советника.

Источники: *Акульшин П. В. Блудов // Большая российская энциклопедия. – М. : Большая рос. энцикл., 2005. Т. 3. – С. 611 ; Дмитрий Николаевич Блудов (1785 – 1864) – выдающийся государственный деятель, действительный тайный советник // Самые знаменитые юристы России / А. Г. Звягинцев, Ю. Г. Орлов. – М. : Вече, 2003. – С. 58 – 65; Смирнов А. В. Граф Д. Н. Блудов // Уроженцы и деятели Владимирской губернии. – Владимир : Тип. Губерн. Правления, 1896. – Вып. 1. – С. 3 – 12.*

Виноградов Дмитрий Иванович (1720 – 1758) – создатель русского фарфора, основатель Императорского фарфорового завода. Родился в Суздале приблизительно в 1720 г. в семье ключаря Рождественского собора. Семья жила на территории Суздальского кремля. В 1732 г. Д. И. Виноградов окончил суздальскую цифирную школу, продолжил образование в Москве в Славяно-греко-латинской академии, где он познакомился с Михаилом Ломоносовым. В числе лучших учеников Виноградов продолжил учебу в Санкт-Петербурге. В дальнейшем Виноградова и Ломоносова в числе 12 наиболее одаренных студентов отправили в Германию, где Дмитрий Иванович в деталях осваивал горное дело под началом известнейших профессоров.

Вернувшись на родину, блестяще сдал экзамены и должен был отправиться работать на рудники. Однако императрица Елизавета Петровна поручила ему выполнение секретного дела государственной важности, а именно – создание российского фарфорового производства. В то время о фарфоре в России могли только мечтать: рецепты

выпускаемых в Китае и Европе фарфоровых изделий хранили в строжайшем секрете.

Д. И. Виноградов шаг за шагом ставил опыты с глинами разных месторождений, сам конструировал печи. В результате ему удалось открыть тайну изготовления фарфора (которым владели только китайцы), глазури для его росписи, а также создать в Санкт-Петербурге завод с налаженным фарфоровым производством. Он впервые в истории керамики составил научное описание фарфорового производства, близкое к новейшим понятиям керамической химии. Излагая в рукописях свои открытия, он прибегнул к шифрованию – смеси латинского, немецкого, древнееврейского и других языков. Фарфор, созданный Виноградовым, по качеству не уступал саксонскому, а по составу массы, приготовленной из отечественного сырья, приближался к китайскому. На мануфактуре, созданной Виноградовым, для Двора Ее Императорского Величества выпускали изделия, которые императрица часто использовала в качестве дипломатических подарков.

Судьба Д. И. Виноградова сложилась печально. При жизни он не получил ни одной благодарности за то дело, которое сделал для своей Родины. Наоборот, мастера нещадно эксплуатировали, заставляли жить и работать в нечеловеческих условиях. Из опасения, что Виноградов может выдать рецепт открытого им фарфора, было издано распоряжение никуда не отпускать мастера с завода. За любой производственный неуспех Дмитрия Ивановича лишали жалованья и били плетьюми, а после попытки побега посадили на цепь. Не имея возможности отправиться в родной Суздаль, не видя свою семью, страдая от одиночества и переноса издевательства, русский гений сильно ослаб, заболел физически и психически.

Дмитрий Иванович Виноградов умер 25 августа 1758 г., могила его затерялась еще в XVIII в.

Источники: *300 лет назад родился Дмитрий Иванович Виноградов [Электронный ресурс] // Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник [сайт]. – URL: <https://vladmuseum.ru/ru/data/ex47/> (дата обращения: 11.10.2023).*

Доброхотов Василий Иванович (1814 – 1857) – историк, археолог, редактор «Владимирских губернских ведомостей». Родился 26 июля (7 августа) 1814 г. во Владимире в семье протоиерея Успенского кафедрального собора. Образование получил во Владимирском духовном училище. В 1834 г. окончил Владимирскую духовную семинарию, но уволился из духовного звания. В 1835 – 1849 гг. Доброхотов служил во Владимирском губернском правлении.

В 1849 – 1854 гг. Доброхотов был редактором газеты «Владимирские губернские ведомости», где опубликовал большое количество статей о событиях во Владимире и губернии. Он автор книги «Памятники древности во Владимире Кляземском. Соборы: Кафедральный Успенский и бывший придворным В. К. Всеволода – Дмитриевский» (1849 г.). В 1850 г. во время визита великих князей Николая и Михаила Николаевичей Доброхотов преподнес им свою книгу о Владимире. В ответ на это получил благодарность и бриллиантовый перстень, который перед смертью пожертвовал Успенскому собору.

В 1852 г. В. И. Доброхотов издал свою вторую книгу «Древний Боголюбов город и монастырь с его окрестностями», посвятив ее тем же великим князьям. За что снова получил благодарность, а также золотые часы с цепочкой и серебряный стакан. В 1853 г. был избран соревнователем Императорского общества истории и древностей Российских при Московском университете.

Василий Иванович Доброхотов умер 4 (16) апреля 1857 г. и похоронен на Князь-Владимирском кладбище во Владимире.

Источники: *Титова В. И. Доброхотов Василий Иванович // Владимирская энциклопедия : биобиблиогр. сл. – Владимир : Владим. фонд культуры, 2002. – С. 149; Смирнов А. В. Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы. – Вып. 3. – Владимир, 1898. – С. 24 – 39; Доброхотов Василий Иванович [Электронный ресурс] // Земля Владимирская. День в истории Владимирского края. – URL : <https://calendar.lib33.ru/event/4128/17881114> (дата обращения: 20.10.2023).*

Калачов Николай Васильевич (1819 – 1885) – один из самых авторитетных историков и юристов Российской империи, архивист, академик Санкт-Петербургской Академии наук (1883), сенатор, основатель журнала «Юридический вестник» (СПб). Родился 26 мая (7 июня) 1819 г. в селе Алексино Юрьевского уезда Владимирской губернии в семье отставного штабс-капитана артиллерии, уездного предводителя дворянства Василия Андреевича Калачова. Детство прошло в имении родителей в сельце Вески Юрьевского уезда.

Получил домашнее образование. В 1832 г. уехал в Москву, где учился сначала в частном пансионе К. Чермака, затем в Московском дворянском институте, в 1836 – 1840 гг. на юридическом факультете Московского университета. В 1840 г. начал службу в Археографической комиссии в Санкт-Петербурге, а затем в Московском дворянском институте. В 1846 – 1848 гг. – библиотекарь Московского главного архива Министерства иностранных дел. В 1846 г. Н. В. Калачов защитил магистерскую диссертацию, посвященную «Русской Правде». В 1848 – 1852 гг. – профессор Московского университета кафедры истории русского законодательства.

В 1852 – 1854 гг. Калачовым были предприняты археографические экспедиции по ряду центральных губерний, в том числе и Владимирской. Результатом этих поездок были публикации исторических и юридических документов.

Николай Васильевич был редактором ряда серьезных изданий. Так, в 1850 г. им были изданы первая, а затем вторая книги «Архива историко-юридических сведений, относящихся до России», ставшие важным явлением исторической литературы. Всего было издано 3 тома в 4 книгах.

В 1857 г. по поручению Археографической комиссии он предпринимает издание «Актов, относящихся до юридического быта древней России», а в 1859 г. – «Архива исторических и практических сведений, относящихся до России». Н. В. Калачов активно участвовал в подготовке крестьянской реформы 1861 г. и Судебной реформы 1864 г. в качестве члена редакционной комиссии.

В феврале 1865 г. он был назначен управляющим Московского архива Министерства юстиции. На II археологическом съезде им был предложен проект архивной реформы. После съезда начала работать временная комиссия по устройству архивов под председательством Н. В. Калачова. Им было организовано первое в России учебное заведение для подготовки архивистов – Петербургский археологический институт, первым директором которого он стал. Калачов содействовал созданию в губернских центрах губернских ученых архивных комиссий. Такую комиссию ему хотелось видеть и во Владимирской губернии.

Умер Николай Васильевич Калачов 6 ноября (25 октября) 1885 г. в своем имении в селе Волхонщина Саратовской губернии (ныне Сердобский район Пензенской области) и был похоронен в одном из приделов каменной Никольской церкви, отстроенной им незадолго до своей кончины.

Источники: *Шашкина М. Н. Собиратель и хранитель российских архивов : фонд Н. В. Калачова в Государственном архиве Саратовской области // Память о прошлом – 2018 : VII историко-архив. форум. – Самара, 2018. – С. 339 – 349 ; Деятели русской науки XVIII – XIX веков / сост. : Т. В. Андреева, М. Ф. Хартанович ; отв. ред. : И. П. Медведев. – Вып. 2. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2001, 414 с. ; Шохин Л. И. Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука : архивисты и историки во второй половине XVIII – начале XIX в. : монография. – М. : Памятники истор. мысли, 1999. – 523 с.*

Лазарев Михаил Петрович (1788 – 1851) – адмирал, выдающийся флотоводец и мореплаватель, один из первооткрывателей Антарктиды. Родился 3 (14) ноября 1788 г. во Владимире в семье владимирского гражданского губернатора Петра Гавриловича Лазарева. В декабре 1796 г. П. Г. Лазарева назначили сенатором и семья Лазаревых уехала из Владимира в Санкт-Петербург. После смерти родителей М. П. Лазарев находился под опекой друга семьи – поэта Г. Р. Державина.

Окончив Морской кадетский корпус в Петербурге, в мае 1803 г. М. П. Лазарев стал гардемаринном, и как один из способнейших молодых моряков был командирован в Англию для практического изучения военно-морского дела. В 1808 г. в чине мичмана вернулся в Россию и стал служить на кораблях Балтийского флота. Первое кругосветное плавание Лазарев совершил в 1813 – 1816 гг. Командуя кораблем «Суворов», принадлежавшим Российско-американской компании, он доставил груз в ее владения на северо-западных берегах Америки.

В 1819 г. с научной целью была снаряжена экспедиция для исследования вод Южного Ледовитого океана. В ее состав вошли шлюпы «Восток» под командованием капитана 2-го ранга Ф. Ф. Беллинсгаузена и «Мирный» под командованием лейтенанта М. П. Лазарева. Экспедиция вышла из Кронштадта 3 июля 1819 г. 16 января 1820 г. шлюпы «Восток» и «Мирный», несмотря на тяжелую ледовую обстановку, подошли к Антарктиде. Русские моряки первыми в мире открыли шестую часть света – Антарктиду и благополучно возвратились 24 июля 1821 г. Поход длился 751 день, из них 527 дней под парусами, 100 дней среди льдов, преодолевая непрестанные штормы, снегопады, ледяные горы.

За успешное завершение своего второго кругосветного плавания Лазарев был произведен через чин в капитаны 2-го ранга. В 1822 г. был назначен командиром фрегата «Крейсер». 17 августа 1822 г. фрегат «Крейсер» отправился в плавание к берегам Северной Америки для охраны территориальных вод от незаконного промысла и борьбы с контрабандной торговлей. Из этой экспедиции Лазарев возвратился 5 августа 1825 года.

8 октября 1827 г., руководствуясь статьями Лондонской конвенции, объединённый флот союзных держав (России, Англии, Австрии) вошёл в Наваринскую бухту. Здесь произошло знаменитое Наваринское сражение. В ходе четырёхчасового боя объединённый турецко-египетский флот был уничтожен. Участвуя в этом бою в качестве командира линейного корабля «Азов», Лазарев потопил пять кораблей неприятельского флота, включая флагманский корабль. За Наваринский бой корабль «Азов» впервые в истории русского флота удостоился высшей награды – кормового Георгиевского флага, а М. П. Лазарев был произведен в контр-адмиралы.

В декабре 1834 г. М. П. Лазарев назначен главным командиром Черноморского флота и военным губернатором Николаева и Севастополя. За 17 лет его деятельности был укреплен и благоустроен Севастополь, построено более 110 кораблей, в том числе 17 линкоров и 8 пароходов.

Был женат на дочери Т. Фон-дер-Флита. У супругов Лазаревых было пятеро детей: Михаил, Петр, Татьяна, Анна и Александра.

Михаил Петрович Лазарев умер 11 апреля 1851 г. Похоронен в Севастополе во Владимирском соборе. Именем М. П. Лазарева названа площадь в Севастополе, улицы в Казани, Сочи, Томске.

Награжден русскими орденами Св. Георгия 4-й степени (1817), Св. Владимира 4-й, 3-й, 2-й, 1-й степеней; Св. Андрея Первозванного, Белого Орла, Св. Александра Невского; иностранными орденами: Командорский крест Ордена Спасителя (Греция), Бани (Великобритания), Св. Людовика (Франция).

Источники: *Лазарев Михаил Петрович [Электронный ресурс] // Земля Владимирская. День в истории Владимирского края. – URL : <https://calendar.lib33.ru/event/4128/17881114> (дата обращения: 20.10.2023) ; Родимцев И. А. Адмирал Лазарев. – М. : Молодая Гвардия, 2019. – 296 с. – (Жизнь замечательных людей : серия биографий. Вып. 1771.*

Моренков Дмитрий Павлович (1759 – 1830) – известный суздальский врач. Происходил из дворян Полтавской губернии. На основании исследования А. Ю. Корнилова первоначальное образование получил в Харьковском коллегиуме (среднем православном духовно-светском образовательном учреждении), затем продолжил учиться в Санкт-Петербурге. После окончания учебы работал в столице волонтером, врачом, оператором в Генеральном сухопутном госпитале, затем в адмиралтейском госпитале. Дослужился до чина коллежского асессора (1796 г.).

Как свидетельствовал аттестат Государственной Медицинской Коллегии, выданный ему 25 января 1798 г., «находясь при С.-Петербургской адмиралтейской госпитали, имел в своем смотрении палаты больных с самыми трудными болезнями, врачевал оных с неусыпным

попечением и делал случающиеся операции всегда с желаемым успехом». «Уволен от службы 2 ноября 1797 г. с производством пенсии полного жалованья». Затем переехал в Москву. В 1806 г. он получил свидетельство от министра внутренних дел В. П. Кочубея за усовершенствование бальзама оподельдок, используемого при ушибах, опухолях, ревматизме, при простуде, холере, а также за изобретение крепкой летучей мази. В 1807 г. императором Александром I ему была пожалована золотая медаль.

Во время Отечественной войны 1812 г., когда большая часть жителей Москвы перед вступлением в нее французских войск выехала из города, Дмитрий Павлович поселился в Суздале. Город ему понравился и он, купив землю и построив дом в кремле, остался здесь на постоянное жительство. На своем участке земли он развел огороды и сады, устроил лабораторию и стал заниматься производством оподельдока, крепкой летучей мази, а также мятной эссенции и дегтярного мыла. По особому способу начал изготавливать цикорный кофе, для производства которого на берегу реки Каменки вблизи кремля был выстроен кофейный завод. В сентябре 1826 г. Д. П. Моренков представил в Санкт-Петербургское Вольно-экономическое общество модель изобретенного им перегонного куба и описание нового способа изготовления цикорного кофе, что было признано Обществом весьма полезными изобретениями, и Моренков был избран в члены Общества.

В Суздале Д. П. Моренков продолжил лечение больных, которых он принимал до четырех тысяч в год, иногда более. Учитывая, что медицина в то время в глубоко провинциальном Суздале ограничивалась одним казенным лекарем-немцем, плохо говорившим по-русски, появление опытного и заслуженного русского доктора, лечившего в основном бесплатно, явилось большой удачей для жителей.

Дмитрий Павлович много занимался благотворительностью: поддерживал неимущих больных, обеспечивал их при необходимости изготовленными им лекарствами, пожертвовал средства на содержание пожарной части, отпустил на волю двух своих дворовых людей с семьями. Авторитет Моренкова среди населения и властей Суздальского уезда был огромен. Его называли «другом страждущего человечества».

Дмитрий Павлович Моренков прожил в Суздале около 20 лет и умер в 1830 г. Похоронен в Васильевском монастыре. Награжден орденом Св. Владимира 4-й степени (1826 г.). После его смерти производством цикорного кофе занималась его жена, а изготовление лекарств производилось под наблюдением Митрофана Ивановича Алякринского.

Источники: *Смирнов А. В. Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы : материалы для биобиблиогр. сл. – Вып. 4. – Владимир : Тип. Губерн. Правления, 1910. – С. 195 – 205 ; Корнилов А. Ю. Доктор Моренков. Дополнение к биографии // Суздальский сборник за 2020 : сб. науч. ст. – Владимир : Транзит-ИКС, 2021. – С. 100 – 106.*

Никольский Григорий Борисович (1785 – 1844) – профессор прикладной математики, декан физико-математического факультета и ректор Императорского Казанского университета (1820 – 1823). Родился 11 (22) ноября 1785 г. в Судогодском уезде Владимирского наместничества в семье дьякона. С 1793 по 1803 г. учился во Владимирской духовной семинарии, затем в Санкт-Петербургском педагогическом институте. 20 мая 1808 г. «за отличные успехи в математике» был определен магистром в Казанский университет под особое руководство профессора Бартельса.

23 марта 1811 г. Г. Б. Никольский утвержден адъюнктом математических наук, а 26 марта 1814 г. – экстраординарным профессором, затем бессменным заседателем университетского правления. 28 сентября 1817 г. утвержден ординарным профессором по кафедре прикладной математики. 5 июня 1820 г. был избран ректором Казанского университета. Эту должность исполнял с 11 сентября 1822 г. по 9 мая 1823 г., затем был директором университета, но 12 августа 1824 г. по прошению был уволен с этой должности. В сентябре 1826 г. Г. Б. Никольский возглавил строительный комитет университета. В период с 1829 по 1839 г. неоднократно исполнял должность ректора университета. При увольнении в 1839 г. ему было присвоено звание заслуженного профессора, он получил также право пожизненно быть членом университетского строительного комитета. 10 июня 1839 г. Никольского единогласно избрали почетным членом университета.

Григорий Борисович Никольский умер 11 мая 1844 г. в Казани.

Источники: *Никольский Григорий Борисович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета : За сто лет (1804 – 1904). В 2 ч. / под ред. проф. Н. П. Загоскина. – Казань, 1904. – Ч. 1. – С. 445 – 446.*

Осиповский Тимофей Федорович (1766 – 1832) –

математик, физик, астроном, автор первого русского учебника по математике. Родился 22 января (2 февраля) 1766 г. в селе Осипово Ковровского уезда в семье священника. Первоначальное образование получил во Владимирской духовной семинарии, откуда в 1783 г. как один из лучших учеников был направлен в Петербургскую учительскую гимназию. После окончания гимназии с 1786 по 1800 гг. работал преподавателем физико-математических наук и русской словесности в Московском главном народном училище.

С 1800 по 1803 г. Т. Ф. Осиповский работал профессором математики в Петербургском педагогическом институте. Здесь он приступил к работе над составлением и изданием первого в России учебника «Курс математики» (1802 – 1803), который трижды был переиздан и считался одним из лучших в Европе. Учебник включал в себя теорию аналитических функций, интегрирование дифференциальных уравнений, вариационное исчисление, приложения аналитических функций к высшей геометрии. С 1803 по 1820 г. Т. Ф. Осиповский был профессором и ректором Харьковского университета. В 1807 г. получил степень доктора математики. С 1820 г. – заслуженный профессор в отставке. За материалистические воззрения Осиповский был отстранен от преподавательской деятельности и уволен из университета.

В конце 1820 г. ученый переезжает в Москву, где полностью посвящает себя науке. Как ученый-естествоиспытатель Т. Ф. Осиповский много внимания уделял физике, астрономии и механике. Им были подготовлены выдающиеся исследования: «О пространстве и времени» (1807); «Рассуждение о динамической системе Канта» (1807); «О календаре» (1816); «Теория движения тел, бросаемых на поверхности

земной» (1817); «О разделении электричества в разобщенных отводах при держании перед ними в некотором удалении наэлектризованного тела» (1817); «О изливаниях солнца» (1819); «Исследование светлых явлений, видимых иногда на небе в определенном положении, в рассуждении солнца или луны» (1827).

На научных материалистических и философских традициях Осиповского было воспитано не одно поколение ученых. Среди них – выдающиеся представители математической науки Н. И. Лобачевский и М. В. Остроградский; профессора Н. М. Архальский, М. А. Байков, В. С. Комлинский, А. Ф. Павловский.

Тимофей Федорович Осиповский умер 12 (24) июня 1832 г. в Москве. Похоронен на Ваганьковском кладбище. Награжден орденами Св. Анны, Св. Владимира.

Источники: *Барабанов О. О. Первый период (1766 – 1800) жизни и деятельности Тимофея Федоровича Осиповского : монография / О. О. Барабанов, Н. А. Юлина. – Ковров : КГТА им. В. А. Дегтярева, 2012. – 92 с. ; Календарь памятных дат по Владимирской области на 1995 год / Владим. обл. науч. б-ка им. А. М. Горького ; сост. Т. Г. Маринина [и др.]. – Владимир, 1994. – С. 17 – 18; Осиповский Тимофей Федорович [Электронный ресурс] // Земля Владимирская. День в истории Владимирского края. – URL : <https://calendar.lib33.ru/event/4128/17881114> (дата обращения: 20.10.2023).*

Протопопов Яков Егорович (1815 – 1861) – редактор «Владимирских губернских ведомостей», поэт. Родился в городе Суздале 16 (28) октября 1815 г. в семье священника. Образование начал в Суздальском духовном училище, откуда в 1830 г. перешел во Владимирскую духовную семинарию. Писал стихи, которые наряду с произведениями Карамзина, Жуковского, Пушкина печатали в альманахе «Майская Роза, или Собрание отличнейших произведений прозаических и пиитических новейших авторов».

В 1836 г. Протопопов окончил курс семинарии, но в 1837 г. уволился из духовного звания. Служил до 1843 г. канцеляристом, губернским регистратором, писцом. С 1838 г. во Владимире начали издаваться «Владимирские губернские ведомости», редактором которых в 1840 г. после отъезда из Владимира А. Герцена стал Я. Е. Протопопов. С этого времени «Губернские ведомости» становятся истинно Владимирскими; на столбцах газеты все чаще стали печататься статьи, касающиеся губернии в различных отношениях. Он сделал газету главным изданием для авторов, пишущих о Владимирском крае. За несколько лет Протопопов опубликовал в газете более 50 своих статей. В основном писал на краеведческие и исторические темы.

В 1843 г. Я. Е. Протопопов подал прошение в правление Московского университета об определении его в университетскую типографию корректором. Его приняли. В Москве он поддерживал переписку с краеведом и археологом, будущим редактором «Владимирских губернских ведомостей» Константином Тихонравовым.

Яков Егорович Протопопов умер в Москве 5 (17) августа 1861 г. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Источники: *Известков А. Газета от Протопопова и Герцена // Владимирские ведомости. – 2018. – 2 авг. (№ 116). – С. 11 ; Я. Е. Протопопов // Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы : материалы для биобиблиогр. сл. / собрал и доп. А. В. Смирнов. – Вып. 3. – Владимир : Тип. Губерн. Правления, 1898. – С. 3 – 23.*

Румовский Степан Яковлевич (1734 – 1812) – астроном и математик, академик (1767) и вице-президент Императорской академии наук (с 1800), член Стокгольмской королевской академии наук. Родился 29 октября (9 ноября) 1734 г. недалеко от Владимира в селе Старый Погост в семье священника. В 1739 г. семья переехала в Петербург. Учился в семинарии Александро-Невской лавры. В 1746 г. получил фамилию Румовский, был выбран профессором М. Ломоносовым для обучения в

Академической гимназии при Академическом университете. В 1754 – 1756 гг. совершенствовался в математике в Берлине у Л. Эйлера. По возвращении в Петербург назначен преподавателем математики и астрономии в университете. После смерти Ломоносова Румовский руководил географическим департаментом Академии наук. В 1763 – 1803 гг. руководил астрономической обсерваторией при Академии наук. В 1800 – 1803 гг. – вице-президент Петербургской академии наук, в 1803 – 1812 гг. – попечитель Казанского учебного округа, один из основателей Казанского университета.

С. Я. Румовский издал несколько десятков научных работ, среди которых «Рассуждение о кометах», «Сокращения математики. Часть первая, содержащая начальные основания арифметики, геометрии и тригонометрии». Много занимался переводами трудов зарубежных ученых. Был одним из составителей первого этимологического словаря Российской академии.

Награжден орденами Св. Анны 2-го класса (1802) и Св. Владимира 3-й степени (1809 г.). Имел чин действительного статского советника.

Источники: Бобынин В. В. Румовский Степан Яковлевич // Русский биографический словарь : в 25 т. СПб. – М., 1896 – 1918. Т. 17 : Романова – Рясовский. Петроград : Тип. акционер. о-ва «Кадима», 1918. С. 441 – 450 ; Румовский Степан Яковлевич // Владимирская энциклопедия: библиограф. сл. : А – Я. – Владимир : Владим. фонд культуры, 2002. – С. 368.

Смирнов Дмитрий Александрович (1819 – 1866) – писатель. Родился 4 (16) августа 1819 г. в сельце Сущёво Владимирского уезда (сейчас – Суздальский район Владимирской области) в дворянской семье. Родственник и биограф поэта, композитора и дипломата Александра Сергеевича Грибоедова. В 1837 г. Смирнов окончил Владимирскую гимназию, в 1841 г. – Московский университет. В 1842 – 1851 гг. Д. А. Смирнов служил чиновником в Калуге, затем вернулся

во Владимир. В 1850-х гг. он был мировым посредником и участвовал в осуществлении крестьянской реформы.

Основным делом своей жизни считал работу над биографией А. С. Грибоедова и восстановлением полного текста его комедии «Горе от ума». При жизни Смирнова была опубликована незначительная часть его работ, среди которых «Черновая тетрадь Грибоедова с письмами и неизданными отрывками» («Русское слово», 1859 г.).

Дмитрий Александрович Смирнов скончался 30 января (11 февраля) 1866 г. в сельце Сущёво Владимирского уезда. Похоронен в селе Сновицы. В 1868 г. вдова писателя передала в журнал «Беседы в Обществе любителей российской словесности при императорском Московском университете» сочинение Смирнова «Биографические известия о Грибоедове». Большинство неопубликованных работ писателя погибло во время пожара 1877 г. в сельце Сущёво. Сохранившиеся работы были опубликованы в 1909 г. в «Историческом вестнике» под заглавием «Из неизданных материалов Д. А. Смирнова к биографии А. С. Грибоедова».

Сочинения Смирнова были высоко оценены в литературных кругах и до сих пор считаются одними из лучших исследовательских трудов о творчестве А. С. Грибоедова.

Источники: Титова В. И. Смирнов Дмитрий Александрович / В. И. Титова // Владимирская энциклопедия : биобиблиогр. сл. : А – Я. – Владимир : Владим. фонд культуры, 2002. – С. 401 ; Верховский Ю. Смирнов Дмитрий Александрович / Ю. Верховский // Русский биографический словарь : Издано под наблюдением председателя Имп. рус. ист. о-ва А. А. Половцева. – СПб., 1904. – Т. 18. – С. 650 – 655.

Сопиков Василий Степанович (1765 – 1818) – один из основоположников отечественной библиографии и библиографоведения, издатель. Родился в Суздале в 1765 г. в небогатой купеческой семье (исключен из купеческого звания в 1811 г.).

В 1780-х гг. служил в Москве приказчиком («сидельцем») в книжных лавках Т. А. Полежаева и Н. Н. Кольчугина. Не получив никакого образования, занимался самообразованием, изучал французский

язык. Ему стали близки идеи французских просветителей, а также русского поэта, философа А. Н. Радищева и просветителя, критика Н. И. Новикова. В 1788 г. приехал в Санкт-Петербург, где приобрел у И. П. Глазунова книжную лавку. Вел книготорговлю до 1803 г. В 1791 г. при своей лавке организовал платную «библиотеку для чтения» – читальный зал. В 1791 – 1814 гг. занимался издательской деятельностью, в частности, издал «Летопись...» («Келейный летописец») Дмитрия Ростовского (Ч. 1 – 2, 1796), «Философическую и политическую переписку» императрицы Екатерины II с Вольтером (1802), «О существе законов» французского мыслителя Монтескье на русском языке в собственном переводе (ч. 1 – 4, 1809 – 1814) и др.

В. С. Сопиков собирал редкие книжные издания, старинные рукописи (коллекция не сохранилась). 19 рукописей произведений французских авторов из своей коллекции Василий Степанович подарил Императорской публичной библиотеке (ныне РНБ), в которой в 1811 – 1818 гг. служил библиотечарским помощником и одновременно заведовал совместно с баснописцем И. А. Крыловым Русским отделением. Вместе с Крыловым разработал структуру библиотечных каталогов и методику описания изданий, составил каталог российских книг в библиотеке. Он автор «Опыта российской библиографии...» – первого в России библиографического указателя печатных изданий на русском и церковнославянском языках (свыше 13,2 тыс. наименований книг с возникновения книгопечатания до 1810-х гг.). Впервые изложил теорию и методику библиографической работы, а также основные этапы развития книгопечатания в России и Европе и др.

Василий Степанович Сопиков умер 21 июня (3 июля) 1818 в Санкт-Петербурге.

Источники: *Сопиков Василий Степанович* // Большая советская энциклопедия. М. : Сов. энцикл., 1976. Т. 24. – С. 185 ; Кружнов Ю. Н. *Сопиков [Электронный ресурс]* // Большая Российская энциклопедия 2004 – 2017 [сайт]. – URL : https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3637215 (дата обращения: 11.10.2023).

Сперанский Михаил Михайлович (1772 – 1839) – юрист, выдающийся государственный деятель, почетный член Императорской академии наук (1819), почетный (1821) и действительный (1831) член Императорской Российской академии. Родился 1 (12) января 1772 г. в селе Черкутино Владимирского уезда (сейчас – Собинский район) в семье священника черкутинской Никольской церкви. Учился во Владимирской духовной семинарии, где и получил фамилию. В 1788 г. как наиболее способный ученик был направлен в Петербург для обучения в Александро-Невской семинарии. Закончив ее в 1791 г., стал преподавателем математики, физики, философии, красноречия.

В 1796 г. М. М. Сперанский был рекомендован князю А. Б. Куракину, занимавшему важные государственные должности, в качестве домашнего секретаря, позднее был зачислен в штат его канцелярии с чином титулярного советника. В 1801 г. – статский советник и в тот же год был переведен статс-секретарем в канцелярию Д. П. Троицкого – доверенного лица императора Александра I.

В сентябре 1801 г. была проведена реформа центрального управления и учреждены министерства и Сперанский был переведен на службу в Министерство внутренних дел (МВД). Занимал пост директора департамента, а с июля 1802 г. возглавил экспедицию государственного благоустройства МВД. Именно здесь готовились проекты государственных преобразований, и почти все они созданы Сперанским. В 1806 г. состоялось его личное знакомство с Александром I. Осенью 1808 г. Сперанский сопровождал императора на переговоры с Наполеоном в Эрфурт.

В 1808 г. М. М. Сперанский был назначен товарищем министра юстиции, членом Комиссии составления законов. В 1809 г. по поручению Александра I подготовил план государственных преобразований – «Введение к уложению государственных законов», в котором рекомендовал для предотвращения возможных революционных потрясений в России придать самодержавию внешние формы конституционной монархии. По проекту Сперанского политические права получали только

дворянство и «среднее состояние» (купцы, мещане, государственные крестьяне, которые выбирали законодательную Государственную думу и распорядительные окружные и губернские думы, а также судебные органы). Крепостным крестьянам, рабочим, домашним слугам давались лишь некоторые гражданские права при сохранении крепостного права. По инициативе М. М. Сперанского в 1809 г. был издан указ, требовавший от чиновников определенного уровня образования. Практически Сперанскому удалось провести некоторые административные мероприятия, крупнейшим из которых было учреждение Государственного совета (1810). Деятельность Сперанского вызвала недовольство консервативного дворянства, которое и добилось его падения.

В 1812 г. М. М. Сперанский был сослан в Нижний Новгород, затем в Пермь. В 1816 г. он был назначен пензенским губернатором, в 1819 г. – генерал-губернатором Сибири. Здесь инициировал реформы управления Сибирью. В 1821 г. Сперанский возвращается в Петербург, получив назначение на должность члена Государственного совета и Сибирского комитета, а также управляющего Комиссией составления законов. Он был составителем манифеста от 13 декабря 1825 г. о вступлении на престол императора Николая I, членом Верховного уголовного суда над декабристами. С 1826 г. он фактически возглавлял 2-е отделение Собственной его императорского величества канцелярии, осуществлявшее кодификацию законов. Под руководством М. М. Сперанского были составлены Полное собрание законов Российской империи (1830), Свод законов Российской империи (1832) и др. Сперанский был членом ряда высших государственных комитетов, в 1835 – 1837 гг. преподавал юридические науки наследнику престола (будущему императору Александру II), с 1838 г. – председатель департамента законов Государственного совета. 1 января 1839 г. за заслуги возведен в графское достоинство. Михаил Михайлович Сперанский скончался 11 (23) февраля 1839 г. Его именем названа одна из улиц в Юго-Западном районе города Владимира.

24 октября 2012 г. во Владимире состоялось торжественное вручение первой Всероссийской правовой премии имени Михаила Сперанского. Премия была учреждена Ассоциацией юристов России по

инициативе ее Владимирского регионального отделения. К вручению премии были приурочены и «Сперанские чтения».

Награжден орденами Св. Иоанна Иерусалимского (1800), Св. Владимира 3-й степени (1806), 2-й степени (1808), Св. Анны 1-й степени (1807), Св. Александра Невского (1812), алмазными знаками к ордену (1827) Св. Апостола Андрея Первозванного.

Именем М. М. Сперанского названы улицы во Владимире, Москве, Санкт-Петербурге.

Источники: *Календарь знаменательных и памятных дат по Владимирской области на 1997 год. – Владимир : [Б. и.], 1996. – С. 11 – 12; Крашенинников П. В. 7 жизней графа Михаила Сперанского. – М. : Эксмо, 2021. – 216 с.*

Сумароков Панкратий Платонович (1765 – 1814) – писатель, основатель сибирской журналистики, внучатый племянник знаменитого русского писателя А. П. Сумарокова. Родился во Владимире 14 (25) октября 1765 г. С 12 лет воспитывался в Москве в семье своего родственника И. П. Юшкова, где получил хорошее домашнее образование под руководством француза-гувернёра. Службу начал в Преображенском полку в Петербурге, где познакомился с будущим историком Н. М. Карамзиным. Вскоре Сумароков был переведен в конную гвардию.

В 1787 г. по обвинению в подделке сторублевой ассигнации Сумароков был сослан в Тобольск и лишен дворянства. В ссылке он пробыл 15 лет (1786 – 1801), но благодаря гуманности тогдашнего тобольского губернатора Алябьева пользовался полной свободой и имел возможность заниматься литературой и преподаванием. В столице Сибири развернулась его литературная деятельность. В сентябре 1789 г. в Тобольске по инициативе Сумарокова стал выходить журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», и Сумароков стал душой этого издания, хотя редакция была возложена на молодых преподавателей недавно открытого Главного народного училища. Больше всех писал в нем сам Сумароков. Ему принадлежат сказки «Искусный лекарь» и «Способ воскрешать мертвых»; стихотворения «Ода на Гордость», «Восточная повесть», «Приказывал жене»; поэма «Лишенный зренья

Купидон»; притчи «Отстреленная нога», «Караибская любовь» (перевод с французского), «Соловей, Попугай, Кошка и Медведь»; научные статьи «Каким образом познаем мы расстояния, величины, виды и положения предметов» (составлено по Ньютону) и «Краткое изложение новейших астрономических открытий», а также басни, сонеты, притчи, эпиграммы. Спустя некоторое время, параллельно с «Иртышом» стал выходить составленный П. П. Сумароковым «Журнал исторический, выбранный из разных книг». Однако издание журнала практически сразу прекратилось.

После закрытия «Иртыша» П. Сумароков начинает издание нового журнала, приближенного к формату сборника: «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей». В течение 1793 – 1794 гг. выходит двенадцать его книжек. С 1796 г. Сумароков печатает свои произведения в сборниках Карамзина «Аониды, или Собрание разных новых стихотворений» и в журнале «Приятное и полезное препровождение времени». В 1800 г. в Москве вышел сборник произведений П. П. Сумарокова под заглавием «Собрание некоторых сочинений, подражаний и переводов».

После вступления на престол Александра I Сумароков подал прошение на Высочайшее имя и в конце июня 1801 г. был амнистирован, а в 1802 г. ему было возвращено дворянское звание. Возвратившись из ссылки, он поселился сначала в деревне Тульской губернии, но вскоре переехал в Москву, куда был приглашен в качестве редактора «Журнала приятного, любопытного и забавного чтения», а в 1804 г. становится на короткое время редактором журнала Карамзина «Вестник Европы», который он пытался возродить. Последние годы жизни Сумарокова были отданы переводам романов и составлению экономических и врачебных книг.

Панкратий Платонович Сумароков умер 1 (13) марта 1814 г. Похоронен в деревне Кунеево Каширского уезда Тульской губернии.

Источники: *Альциуллер М. Г., Лотман Ю. М. П. П. Сумароков : биографическая справка // Поэты 1790 – 1810-х годов. Л. : Советский*

писатель, 1971. С. 175 – 176. (Библиотека поэта; Большая серия) ; Су-мароков Панкратий Платонович // Русский биографический словарь. – СПб., 1912. – Т. 20. – С. 161 – 163.

Тихонравов Константин Никитич (1822 – 1879) – археолог, этнограф, статистик, редактор «Владимирских губернских ведомостей». Родился 28 апреля (10 мая) 1822 г. во Владимирской губернии в городе Коврове в семье чиновника. После смерти отца семья переехала в Суздаль. В Суздале Тихонравов окончил духовное училище, а в 1842 г. – Владимирскую духовную семинарию. В 1842 г. поступил на службу в канцелярию владимирского губернатора и с конца 1843 г. К. Н. Тихонравов стал заведовать всеми делами губернского статистического комитета. В 1853 г. К. Н. Тихонравов был назначен редактором неофициальной части «Владимирских губернских ведомостей». В этой должности с некоторыми перерывами он проработал 25 лет. За годы его работы в газете было опубликовано множество ценнейших материалов по истории Владимирского края.

В 1851 – 1852 гг. К. Н. Тихонравов принимал участие в археологических раскопках, проводившихся графом А. С. Уваровым и П. С. Савельевым. Самостоятельно проводил археологические изыскания в Шуйском уезде и в селе Доброе Владимирского уезда. По инициативе Тихонравова при Владимирском губернском статкомитете были созданы постоянно действовавшие археологическая и промышленная выставки, положившие начало организации музея во Владимире. В 1857 г. вышел «Владимирский сборник», подготовленный Тихонравовым и содержащий материалы по статистике, истории, этнографии и археологии Владимирской губернии.

В 1861 г. он стал секретарем Владимирского губернского статистического комитета. С 1863 г. под его редакцией вышло 10 выпусков «Трудов Владимирского губернского статистического комитета», а с 1876 г. по его инициативе и под его редакцией стал выходить «Ежегодник владимирского статистического комитета». Оба эти издания также

заключают в себе много статей Тихонравова. К. Н. Тихонравовым также подготовлены отдельные издания: «Статистический список населенных мест Владимирской губернии» (1857); «Памятная книжка Владимирской губернии на 1862 г.»; «Владимирский Рождественский монастырь XII века» (1869); «Указатель местных статей, помещенных в неофициальной части “Владимирских губернских ведомостей” с 1838 по 1868 г.».

Константин Никитич Тихонравов умер 6 (18) июля 1879 г. в городе Владимире. Похоронен на Князь-Владимирском кладбище.

Источники: *Календарь знаменательных и памятных дат по Владимирской области на 1992 год / Владим. обл. науч. б-ка им. А. М. Горького, Отд. краевед. библиогр. ; сост. : Т. Г. Маринина, Т. Г. Пелевина, В. Г. Толкунова. – Владимир : ВОУНБ, 1999. – С. 33 – 34 ; Максимова Н. Д. Тихонравов Константин Никитич // Владимирская энциклопедия : биобиблиогр. сл. : А – Я. – Владимир : Владим. фонд культуры, 2002. – С. 436 ; Тихонравов Константин Никитич [Электронный ресурс] // Земля Владимирская. День в истории Владимирского края. – URL : <https://calendar.lib33.ru/event/4128/17881114> (дата обращения: 20.10.2023).*

Федоров Анания – ключарь суздальского Богородице-Рождественского собора, первый историк Суздальского края. Точные даты жизни неизвестны. По преданию, родился в 1711 или в 1712 г. Умер в 1762 или в 1763 г. Федоров Анания родился в г. Суздале в семье священника Воскресенского храма Федора Тихоновича. Получил домашнее образование. С малых лет служил в храме чтецом, а после иподьяконом в суздальском кафедральном соборе. После получения сана священника был назначен ключарем Богородице-Рождественского собора и оставался им до смерти.

В период между 1740 и 1761 гг. на основании многочисленных источников (летописей, грамот, житий, Киево-Печерского Патерика, Степенной книги, писцовых книг, надписей на гробницах и др.) им написана первая краеведческая работа о Суздале «Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале : о построении и о именовании его,

и о бывшем прежде в нем великом княжении, и о прочем к тому потребном ради любопытных собранное из различных показаний в кратце». Сочинение охватывает период от первых известий о Суздале до середины XVIII в.

«Историческое собрание» при жизни Анании не было напечатано. В последующие годы оно неоднократно переписывалось в разных объемах и разными лицами, дополнялось новыми сведениями. Первая публикация «Исторического собрания» состоялась в 1855 г. во Временнике общества истории и древностей Российских. Для публикации была предложена рукопись, написанная в 1846 г. священником суздальской Смоленской церкви Иоанном Грацилевским.

Федоров Анания умер в 1762 или 1763 г. Похоронен в Казанской церкви Суздаля.

Источники: *Знаменский Е. Анания Федоров // Владимирские губернские ведомости. – 1852. – № 2. ; «Анания Федоров – это суздальское ВСЕ!» [Электронный ресурс] // Суздаль. Книжный обзор по истории древнерусского города. – URL. <https://library.vladimir.ru/vystavki-2/suzdal-knizhnyj-obzor-po-istorii-drevnerusskogo-goroda.html> (дата обращения: 20.11.2023) ; Соч.: *Федоров Анания. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале : о построении и о именовании его, и о бывшем прежде в нем великом княжении, и о прочем к тому потребном ради любопытных собранное из различных показаний в кратце. – [Б. м. : Б. и., 1855?].**

Ярцева (Ярцова) Любовь Аникитишна (1794 – 1876) – писательница. Родилась 23 января (3 февраля) 1794 г. во Владимире в семье владимирского вице-губернатора, председателя владимирской губернской казенной палаты (1785 – 1796 гг.) Аникиты Сергеевича Ярцева. Отец был тесно связан родственными узами с известным поэтом Г. Р. Державиным, у которого не было собственных детей. С 1808 г. в доме поэта стала воспитываться дочь владимирского вице-губернатора Любовь Ярцева.

В доме Державина часто проходили литературные вечера, на которые приходили известные писатели и поэты. Все это оказало сильное

влияние на Л. Ярцеву. В 1833 г. вышел ее перевод французской книги «Новый Робинзон, или швейцарское семейство, потерпевшее кораблекрушение». Среди собственных сочинений: «Полезное чтение для детей», сборник сказок в шести выпусках (1834 – 1837), «Счастливое семейство» (1854), «Первый день Светлого праздника» (1836 и 1857 в составе «Зеленой библиотеки» М. Вольфа), «Прогулки с детьми по Киеву» (1869) и др.

Сочинения Ярцевой были удостоены Демидовской премии и Большой золотой медали Российской Академии наук.

Любовь Аникитишна Ярцева скончалась 11 (23) декабря 1876 г. в Петербурге.

Источники: Николаев Б. П. *Детская писательница Ярцева – дочь владимирского вице-губернатора* // Молва. – 1997. – 9 дек. – С. 3. ; Николаев Б. П. *Ярцева (Ярцова) Любовь Аникитишна* // Владимирская энциклопедия : биобиблиогр. сл. : А – Я. – Владимир : Владим. фонд культуры, 2002. – С. 511.

ДЕЛО ЕВДОКИИ ЛОПУХИНОЙ

Евдокия Федоровна Лопухина (при рождении Прасковья – *авт.*) была выбрана в качестве невесты Петра I матушкой царя Натальей Кирилловной Нарышкиной. Выбор во многом был обусловлен политическими соображениями: отец будущей царицы еще при царе Фёдоре Алексеевиче стал полковником и стрелецким головой. Наталья Кирилловна надеялась, что Лопухины, популярные в стрелецком войске, будут защищать интересы ее сына.

Первоначально брак, заключенный в 1689 г., был счастливым, у молодоженов родился сын – царевич Алексей Петрович. Однако после знакомства царя с Анной Монс в Новонемецкой подмосковной слободе в отношениях супругов наступило охлаждение. После смерти матери в 1694 г. Петр окончательно порвал с Евдокией, предложив ей добровольно уйти в монастырь. Царица отказалась, сославшись на малолетство сына. Её не покидала надежда, что увлечение Анной Монс – временное явление и статус матери наследника престола защитит ее от неприятностей. Вернувшись из-за границы после Великого посольства в 1698 г., царь распорядился сослать нелюбимую жену в Суздальский Покровский девичий монастырь⁴⁵¹. Жить ей полагалось в простой келье без служанок и без подобающего царице почета, и даже самой (!) готовить себе пищу. Для путешествия царице выделили «худую карету» и «худых лошадей». У Лопухиных в Суздальском уезде была вотчина в селе Дунилово (недалеко от Шуи)⁴⁵², однако жить там Евдокии не позволили⁴⁵³. Царевича Алексея забрала к себе сестра царя, царевна Наталья Алексеевна. За опальную царицу пытался заступиться патриарх Адриан, но безуспешно.

⁴⁵¹ В том же 1698 г. Пётр отправил в монастырь свою единокровную сестру (дочь Алексея Михайловича и Марии Милославской). Марфа Алексеевна выражала сочувствие к свергнутой царевне Софье. Марфа под именем Маргариты была пострижена в Успенском монастыре в Александровой слободе. Специально для неё к колокольне была сделана пристройка, которую и до сих пор называют «Марфины палаты».

⁴⁵² Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1858 – 1859 Т. 1. Прил. XII. С. 394.

⁴⁵³ Козляков В. Н. Царица Евдокия, или Плач по Московскому царству. М. : Молодая гвардия, 2014. С. 116, 117.

В июне 1699 г. архимандриту Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале Варлааму была доставлена царская грамота. Монастырским властям предписывалось, чтобы они были «*во всем послушны*» окольничему Семену Ивановичу Языкову, посланному, как писал Петр, «*для наших дел*»⁴⁵⁴. Ни цель приезда окольничего, ни имя Евдокии в грамоте не назывались.

Как выяснилось много лет спустя, С. И. Языков несколько недель пытался добиться от Евдокии согласия стать монахиней. Видимо, это и было то «дело», в котором монастырским властям требовалось быть «послушными». Тем не менее архимандрит отказался проводить обряд пострижения. Церковь не признавала насильственный постриг, а согласия царицы не было. Языков понимал, что без выполнения данного поручения он не может вернуться и показаться на глаза Петру. Только через два месяца окольничий сообщил, что Евдокия пострижена в Покровский монастырь под именем Елена. Все последующие события и подробности о суздальской жизни Евдокии стали известны во время так называемого розыска 1718 г. по «делу царевича Алексея»⁴⁵⁵.

Почти 20 лет с 1698 по 1718 г. Евдокия проживала в монастыре. Петр не интересовался её судьбой. Никакого содержания от казны бывшая жена не получала, ее кормили родственники. Сохранились письма, в которых Евдокия жалуется на «*горкое и нужное житие здесь в манастыре*» и просит у «*государя своего милости, пожалуй, батюшко мой, сотвори милость свою надо мною убогою нишцею, не имею истинно у себя деньги единой... а я горкая челом бью, прикажи меня чем нибуть пожаловать денех*»⁴⁵⁶.

⁴⁵⁴ Грамота опубликована Н. Г. Устряловым. См.: Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 3. Прил. 1. 56. С. 446.

⁴⁵⁵ В феврале 1718 г. была учреждена Канцелярия тайных розыскных дел специально для расследования по делу царицы Евдокии и царевича Алексея. Членами Канцелярии были назначены Петр Андреевич Толстой, Андрей Иванович Ушаков, Иван Иванович Бутурлин, Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев. Содержалась Канцелярия за счет продаж конфискованного у осужденных лиц имущества. После Суздальского розыска в августе 1718 года Канцелярия переехала из Москвы в Петербург, а в 1722 г. её дела были переданы в Преображенский приказ, и сама Канцелярия ликвидирована. – См.: Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I : По материалам Преображенского приказа. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1957. С. 33.

⁴⁵⁶ Козляков В. Н. Указ. соч. С. 132.

Зимой 1704 г. Евдокия заболела настолько серьезно, что начала готовиться к смерти – были проведены обряд соборования и причастие. Игуменья суздальского Покровского монастыря Прасковья и казначея старица Маремьяна обратились к боярину Тихону Никитичу Стрешневу с просьбой дать им предписание, как поступить в случае смерти Евдокии. Самостоятельно они не смели распоряжаться похоронами. Однако Евдокия выжила, и все оставалось по-прежнему.

Петр I и Евдокия Лопухина в свадебном наряде. Рисунок из книги «Книга любви знак в честен брак»

Царица Евдокия прибыла в Суздаль при митрополите Илларионе. Митрополит ни разу не встречался с Евдокией и запрещал любые контакты с ней другим духовным лицам. Однако сама она имела возможность не только покидать на время монастырь, но и принимать у себя посетителей.

В конце 1706 г. опальная царица после восьмилетней разлуки встретила с сыном, царевичем Алексеем, который тайно приезжал в Суздаль. Царю сообщила об этом сестра, царевна Наталья Алексеевна. Петр был страшно разгневан. Алексею было запрещено даже думать о поездках к матери, и царевич лишь изредка через верных людей мог посылать в монастырь деньги⁴⁵⁷.

Между тем отношения наследника престола с отцом все более ухудшались. Алексей не поддерживал проводимые Петром I реформы, что привело к серьезным разногласиям между отцом и сыном и в конечном итоге к обвинению в государственной измене. Опасаясь за свою жизнь, Алексей бежал за границу, скрывался сначала в Вене, затем в Неаполе. Его нашли и по распоряжению царя вернули в Россию. Заставив сына отречься от престола, царь начал расследование, подозревая, что вокруг Алексея сплотились люди, готовившие заговор. Во время следствия Петр заподозрил бывшую жену в организации побега

⁴⁵⁷ Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. IX. История России с древнейших времен. Т. 17 – 18. М. : Мысль, 1993. С. 112, 142.

царевича. Это не было доказано, но в ходе расследования выяснилось, что «инокиня Елена» не всегда вела иноческую жизнь. В Суздаль 10 февраля 1718 г. по поручению царя прибыл «для розыску» капитан-поручик лейб-гвардии Преображенского полка Григорий Скорняков-Писарев и увидел Евдокию в обычном мирском платье. Затем в Благовещенской церкви Покровского монастыря была найдена записка, где Евдокия поминалась *царицей*, а не *монахиней*⁴⁵⁸.

К розыску (сначала в Суздале 10 – 15 февраля, затем в Москве с 16 февраля по 15 марта) было привлечено более 100 человек. В документах следствия Евдокию Лопухину именовали «*бывшая царица – инокиня Елена*»⁴⁵⁹. В ходе допроса «с пристрастием», при котором использовались меры психологического давления, Евдокия призналась, что фактически отказалась от пострига и жила в монастыре как обычная мирянка. Стало известно, что она не только поддерживала отношения с противниками реформ Петра I, но и вступила в любовную связь с майором Степаном Глебовым. В это время он отвечал за набор рекрутов в Суздале. Знакомство опальной царицы и майора Глебова не могло состояться без участия и покровительства духовных лиц. У Степана Глебова нашли девять любовных писем Евдокии, в которых она обращалась к майору «*мой батюшка, мой свет, мой лапушка*». В одном из писем опальная царица советовала майору добиваться получения места воеводы в Суздале. Три письма (чтобы придать делу огласку) по распоряжению Петра I были напечатаны в так называемом «Манифесте, или Объявлении...» от 5 марта 1718 г. тиражом около 2 тыс. экземпляров⁴⁶⁰.

17 марта царицу Евдокию увезли из Москвы под конвоем солдат в Ладожский Успенский монастырь.

Большую роль в деле Евдокии сыграл епископ Ростовский и Ярославский Досифей (в миру Демид, или Диомид Глебов). До 1701 г.

⁴⁵⁸ Ефимов С. В. Евдокия Лопухина – последняя русская царица XVII века // Средневековая Русь. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. С. 146.

⁴⁵⁹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. I. Ст. 272; СПб., 1868; Т. III. Ст. 1. СПб., 1878.

⁴⁶⁰ Манифест, или Объявление, Которое чтено в столовой палате, при освященном соборе, и его царскаго пресветлаго величества при министрах, и прочих духовнаго и гражданскаго чина людех; лета 1718. Марта в 5 день. Санкт-Петерб. тип., 1718. С. 4. [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003341434/ (дата обращения: 15.10.2023).

о нем практически ничего не известно. В молодости он совершал паломничество по монастырям, но нет даже сведений, когда конкретно он принял постриг. Считается, что он происходил из дворовых людей бояр Лопухиных и, возможно, был знаком с Евдокией еще до пострига. Имеются сведения, что в молодости Демид был дружен с И. Игнатьевым, который впоследствии стал духовником царевича Алексея.

В 1701 г. Демид стал игуменом Сновицкого (Сновидского) Благовещенского монастыря Владимирской епархии, в 1709 г. – архимандритом Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, а в 1711 г. – епископом Ростовским и Ярославским. Постоянно распространялись слухи, что Досифею были «видения святых» и «гласа от образов». В одном из таких «видений» якобы было пророчество о том, что Евдокия будет по-прежнему царицей и станет править вместе с сыном. Сама Евдокия во время следствия говорила, что пророчества епископа дали ей надежду, и *«она де тому полстилась и монашеское платье скинула»*. Впоследствии после пыток при розыске Досифей утверждал, что просто пытался таким образом утешить «страдалицу» и никакого заговора против государя здесь не было. Ему, естественно, не поверили. Высокий сан не спас Ростовского владыку. 17 марта 1718 г. на Красной площади в Москве он был колесован вместе с С. Б. Глебовым и другими заговорщиками ⁴⁶¹.

Дело царевича Алексея закончилось вынесением суровых приговоров и жестокими казнями, однако следствие не закончилось. В сентябре 1720 г. Тимофей Палехин, дьяк Тайной канцелярии, получил распоряжение ехать во Владимир и Суздаль для продолжения розыска *«о бывшей царице монахини Елене ... и о выездах ея из Суздаля из Покровского девичья монастыря в другие монастыри и церкви, и о действиях ея в тех местах»*. Постепенно выяснялись всё новые подробности, всё больше людей попадало в зону внимания Тайной канцелярии. Любовные похождения Евдокии, разумеется, разгневали Петра I, однако его гораздо больше беспокоил вопрос о возможном заговоре с целью передачи престола Алексею Петровичу. Царь был уверен, что представители духовенства не оставляли надежды возвести на престол его сына.

⁴⁶¹ Козляков В. Н. Указ. соч. С. 132 – 133, 176.

За долгие годы пребывания в Покровском монастыре Евдокия более десяти раз покидала его для поездок в другие монастыри и церкви. Поездки эти были непродолжительными, в сопровождении значительной свиты в 20 – 30 человек и проходили практически по одной схеме. Привлеченные к следствию свидетели показали, что опальная царица дважды ездила в Боголюбов монастырь. В одну из поездок для встречи с ней туда прибыл и архимандрит владимирского Рождественского монастыря Гедеон. Подробности встречи неизвестны, но по указу царя *«Рождественского монастыря, что в Володимере, со архимандрита Гедеона сан архимандрической»* был снят, и Гедеон после пыток сослан в Кирилло-Белозерский монастырь⁴⁶². Во время следствия архимандрит покался, что *«называл ее царицею»*⁴⁶³. Вероятно, с разрешения Гедеона Евдокия посетила и приписной Федоровский монастырь. Три визита (в 1709, 1714 и 1717 гг.) состоялись в патриарший домовый Кузьмин монастырь. Игумен Кузьмина монастыря Симон впоследствии был обвинен *«в оказывании чести инокине Елене, бывшей царице Евдокии»*⁴⁶⁴. *«Для моления»* Евдокия-Елена ездила в Сновицкий и Николаевский Волосов монастыри, трижды посетила церковь Николая Чудотворца на погосте, *«что на Поле»* за рекой Клязьма, и четыре раза – тоже Никольскую церковь в селе Кусуново, а также церковь Казанской Богородицы на Ундоле.

Во время проездов Лопухиной из Суздаля через Владимир её встречали *«с почестью»* владимирские бурмистры. Бурмистр Андрей Мошатин однажды собрал в земскую избу посадских жителей, и *«с общего совета мирских людей»* Евдокии поднесли поднос, на котором были *«калач большой, владимирские живые стерляди и вишни, огурцы и пряничные ковришки»*. Поднос принимали служители Евдокии. Владимирцы знали, что бывшая царица была в Покровском монастыре, но *«была ль пострижена – не знали и ни от кого не слыхали»*⁴⁶⁵.

⁴⁶² Описание документов и дел... Т. 1. Ст. 301. СПб., 1868.

⁴⁶³ Витберг Ф. А. Эпизод из Следственного дела о царице Евдокии Федоровне // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1908. Кн. 10. (Раздел «Материалы», отд. пагинация). С. 15.

⁴⁶⁴ Описание документов и дел... Т. 1. Ст. 272. СПб., 1868.

⁴⁶⁵ Антонов В. А. Бывшая царица Евдокия Лопухина во Владимирском уезде // У истоков российской государственности : роль женщин в истории династии Романовых : III Междунар. науч.-практ. конф. : исслед., материалы. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2011. С. 47 – 54.

В 1712 г. вместо Иллариона епископом Суздальским и Юрьевским стал Игнатий Смола. Он также покровительствовал Евдокии, и его дважды привлекли к сыску – в 1718 и 1721 гг. Основное обвинение состояло в том, что епископ ездил к царице Евдокии в Покровский монастырь в дни рождения царя и царевича, а также в ее собственные именины. Игнатий видел Лопухину «в светском платье и не доносил», а кроме того, «целовал у ней руку». В свое оправдание Суздальский епископ сказал, что не знал о её пострижении, что никому из суздальских церковных властей не было «приказу», чтобы «смотреть» за царицей Евдокией. Поэтому она «жила в Суздале самовластно и никакого караулу при ней не было»⁴⁶⁶. В 1721 г. Игнатий подал Петру I челобитье с просьбой о прощении. Царь распорядился отпустить бывшего епископа «за старостию» в Нилову пустынь простым монахом.

Евдокия-Елена обычно путешествовала в закрытой карете. В монастырях она общалась только с настоятелями, в церковь для молитвы проходила «скрытно». Пока царица молилась, монахи должны были оставаться в кельях. Иногда по распоряжению царицы монахам раздавали милостыню, иногда кормили монахов в трапезной, «а кормили их служители ея». После обеда по выходе из трапезной служители приказывали монахам кланяться царице «против келий» по трижды в землю. При отъезде кареты игумены с монахами выходили из келий и провожали ее за монастырь, а затем сзади кареты также кланялись ей по три раза «в землю» и возвращались к себе. Свидетели на допросах утверждали, что лица царицы не видели, хотя светское платье заметили. Все приезды бывшей царицы в места богомолья происходили по такому же сценарию.

Принципиальное значение приобретал вопрос о пострижении царицы. Жить в монастыре и быть монахиней — не одно и то же. Историки до сих пор не пришли к единому мнению: был ли вообще постриг? Розыск 1718 г. показал, что «чин» пострижения был очень странным. Во-первых, иеромонах Илларион из суздальского Спасо-Евфимиева монастыря проводил обряд не в храме, как положено, а в келье одной из старец Покровского монастыря — казначеи Маремьяны. Во-вторых, свидетелями пострига были четыре человека: окольный Семен Языков, которому Петр поручил «дело», иеромонах Илларион, игуменья Марфа и старица Каптелина. Все они, кроме иеромонаха, который и совершал

⁴⁶⁶ Козляков В. Н. Указ. соч. С. 147.

постриг, стояли за занавеской в келье, поэтому самого пострига видеть не могли⁴⁶⁷. Были и ещё косвенные детали, которые заставляют усомниться в превращении царицы Евдокии в старицу Елену.

После ареста прямо в дороге из Суздаля в Москву Евдокия написала Петру I покаянное письмо, в котором сообщала, что была пострижена «в Суздальском Покровском монастыре в старицы и наречено мне было имя Елена и после пострижения во иноческом платье ходила с полгода и не восхотя быти инокою, оставя монашество, и скинув платье, жила в том монастыре скрытно, под видом иночества, миряною»⁴⁶⁸. Однако подписано письмо мирским именем Авдотья, а не «старица Елена».

Смущает и письмо игуменьи Прасковьи и казначеи Маремьяны о возможных похоронах тяжело больной Евдокии. О себе они писали – «богомолницы», а Евдокию величали «государыня царица», упоминаний о «монахине Елене» нет. Далее стоит отметить, что у Евдокии оставался свой собственный духовник, и в службах в Благовещенской церкви Покровского монастыря она находилась на специально огороженном закрытом месте, а не вместе со всеми старицами⁴⁶⁹.

Следующий вопрос, вызывающий сомнение в реальности пострига, – та самая записка, которая была найдена Г. Скорняковым-Писаревым в Благовещенской церкви, где Евдокия названа *царицей*. Это свидетельствовало о том, что суздальские священники молились о ней не как об инокине, следовательно, пострига Евдокии (если даже он был) не признавали. Отсюда следовало два очень неприятных для царя вывода. Во-первых, его дочери от брака с Екатериной I не могли наследовать престол, так как являлись незаконнорожденными (бастардами)⁴⁷⁰. Законным наследником был только внук Евдокии, сын царевича Алексея Петр (будущий Петр II). Во-вторых, официально Пётр I и Евдокия не были разведены, так как Православная Церковь предусматривала развод только в самых крайних случаях, в том числе при

⁴⁶⁷ Ефимов С. В. Указ. соч. С. 143.

⁴⁶⁸ Устрялов Н. Г. Указ. соч. Т. 6. Прил. 152. С. 467.

⁴⁶⁹ Козляков В. Н. Указ. соч. С. 52, 130.

⁴⁷⁰ Их права на престол и так были весьма сомнительны вследствие низкого происхождения их матери, второй жены Петра I, Марты Самуиловны Скавронской. Кроме того, брак официально был заключен в 1712 г., а Анна и Елизавета родились в 1708 и 1709 гг.

добровольном уходе в монастырь одного из супругов. Постриг Евдокии, если он был произведен, не был добровольным. Следовательно, теперь уже царь становился преступником, так как двоеженство с точки зрения Православной Церкви рассматривалось как преступление. Не случайно во время розысков в Суздале и Владимире постоянно вставал вопрос об иноческом статусе Евдокии.

В 1727 г. Евдокия по распоряжению своего внука, императора Петра II, была возвращена в Москву. Её даже именовали «Её величество государыня царица», но значительной роли при дворе она не играла. Умерла Евдокия в 1731 году.

Приложение 3

Численность купечества Владимирской губернии конца XVIII – середины XIX в.¹

Город	1784 г.		1837 г.		1861 – 1862 г. ²		
	Число душ мужского пола	Число душ женского пола	Число душ мужского пола	Число душ женского пола	Число душ мужского пола ³	Число душ женского пола	Количество капиталов
Владимир	275	296	-	-	469/14	400/13	137
Александров	308	307	53	71	499/22	423/16	109
Вязники	138	133	383	344	414/15	372/23	100
Гороховец	64	87	97	104	164/1	162	36
Ковров	55	55	146	150	208	217	56
Киржач	75	60	140	153	414	505	71
Меленки	63	36	233	201	606/7	626/4	125
Муром	753	720	861	772	1250/115	1179/93	243
Переславль-Залесский	1209	1205	245	276	503/16	458/14	126
Покров	62	60	165	185	390/12	346/19	87
Судогда	17	13	142	474	166/4	160/2	125
Суздаль	507	493	324	257	524/4	496/4	137
Шуя	265	260	364	435	326/36	728/53	182
Юрьев-Польский	539	556	553	514	730/38	806/43	151
Всего	4330	4281	3706	3936	6663/284	6878/284	1685

¹ Таблица составлена А. Ю. Корниловым на основе данных: Топографическое описание Владимирской губернии 1784 г. Владимир, 1906. С. 3 – 105; Экономическое состояние городских поселений 1861 – 1862 года. СПб., 1863; Статистические описания городов Владимирской губернии // ВГВ 1838, № 13, 15, 17, 19, 20, 22, 24, 26, 31, 33, 35, 37, 44, 45.

² Число душ дано на 1861 г., число объявленных капиталов на 1862 г.

³ Через черту указано число потомственных почетных граждан.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
Глава 1. Социокультурное пространство Владимирской губернии	4
1.1. Владимирские дворяне	4
1.2. Эволюция дворянской усадьбы	15
1.3. «На лоне сельской тишины»: усадебный быт дворянства.....	23
1.4. Эволюция города.....	32
1.5. Культурно-общественная среда города	45
1.6. Бытовая повседневность Владимирской губернии	55
Глава 2. Церковная реформа на территории Владимирского края	66
2.1. Первый этап петровских преобразований в Церкви	66
2.2. Завершение петровских преобразований	79
2.3. Продолжение реформ при преемниках Петра I	92
2.4. Секуляризация церковных имений во Владимирской губернии. Церковь во второй половине XVIII – первой половине XIX века	105
2.5. Староверие и неправославные конфессии на территории Владимирской губернии	114
Глава 3. Развитие образования во Владимирском крае.....	130
3.1. Цифирные школы.....	130
3.2. Духовные школы.....	132
3.3. Владимирская школа кантонистов (школа для солдатских детей).....	139
3.4. Народные училища	142
3.5. Владимирская губернская гимназия. Александровский детский приют	144
3.6. Образовательные учреждения для крестьян. Сеть учебных заведений к началу второй половины XIX в. ...	147
Заключение	151
Список рекомендуемой литературы.....	152
Приложения	154

Учебное издание

КИПРИЯНОВА Наталия Владимировна
МОГИЛЬНАЯ Людмила Анатольевна

ИСТОРИЯ ВЛАДИМИРСКОГО КРАЯ
XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
Социокультурное развитие

Учебное пособие

Редактор А. П. Володина
Технический редактор Ш. Ш. Амирсейидов
Компьютерная верстка П. А. Некрасова
Корректор Н. В. Пустовойтова
Выпускающий редактор А. А. Амирсейидова

Подписано в печать 10.10.24.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 11,16. Тираж 30 экз.
Заказ

Издательство
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.